

Малое прекрасно

*Экономика,
в которой люди
имеют значение*

Эрнст Шумахер

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ
ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

SMALL
IS BEAUTIFUL

*Economics as if People
Mattered*

E.F. SCHUMACHER

МАЛОЕ ПРЕКРАСНО

*Экономика, в которой люди
имеют значение*

ЭРНСТ ШУМАХЕР

Перевод с английского
ДАНИИЛА АРОНСОНА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2012

УДК 330.8(081)
ББК 65.02я44
Ш96

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ

Ш96 Шумахер, Э. Ф.

Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение [Текст] / пер. с англ. и примеч. Д. О. Аронсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 352 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0822-0 (в пер.).

В сборнике статей «Малое прекрасно» (1973) выдающегося британского экономиста немецкого происхождения Э.Ф. Шумахера (1911–1977) предлагается революционный взгляд на экономическую структуру западного мира. Шумахер утверждает, что стремление человека к прибыли и прогрессу, которое ведет к образованию гигантских организаций и к все большей специализации, на самом деле оборачивается экономической неэффективностью, загрязнением окружающей среды и бесчеловечными условиями труда. Он бросает вызов доктрине экономической, технологической и научной специализации и предлагает систему «промежуточных техник», основанную на небольших рабочих единицах, новых отношениях собственности и использовании местного труда и ресурсов. Эта книга послужила источником вдохновения для общественных движений «Покупай местное» (Buy Local) и «Справедливая торговля» (Fair Trade). Она удостоилась престижной Европейской премии Шарля Вейона за эссеистику и была включена в «Times Literary Supplement» в список ста наиболее важных книг, опубликованных после Второй мировой войны.

УДК 330.8(081)
ББК 65.02я44

ISBN 978-5-7598-0822-0 (рус.)
ISBN 0060803525 (англ.)

Copyright © 1973 E.F. Schumacher
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Высшей
школы экономики, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ДАНИИЛ АРОНСОН. «БУДДИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА» Э.Ф. ШУМАХЕРА И ТЕ, КОМУ ОНА АДРЕСОВАНА	7
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СОВРЕМЕННЫЙ МИР

I. ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА	29
II. МИР И ПОСТОЯНСТВО	40
III. РОЛЬ ЭКОНОМИКИ	60
IV. БУДДИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА	74
V. ВОПРОС РАЗМЕРА	86

ЧАСТЬ ВТОРАЯ РЕСУРСЫ

VI. ВЕЛИЧАЙШИЙ РЕСУРС — ОБРАЗОВАНИЕ	103
VII. НАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЛИ	131
VIII. РЕСУРСЫ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	150
IX. ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ — СПАСЕНИЕ ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ?	168
X. ТЕХНИКА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ	183

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ТРЕТИЙ МИР

XI. РАЗВИТИЕ	201
XII. СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РАЗВИТИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЕХНИКИ	210
XIII. ДВА МИЛЛИОНА ДЕРЕВЕНЬ	233
XIV. ПРОБЛЕМА БЕЗРАБОТИЦЫ В ИНДИИ	249

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СОБСТВЕННОСТЬ

XV. МАШИНА, ПРЕДСКАЗЫВАЮЩАЯ БУДУЩЕЕ?	269
XVI. В НАПРАВЛЕНИИ ТЕОРИИ КРУПНОМАСШТАБНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	289
XVII. СОЦИАЛИЗМ	304
XVIII. СОБСТВЕННОСТЬ	312
XIX. НОВЫЕ МОДЕЛИ СОБСТВЕННОСТИ	323
ЭПИЛОГ	346

«БУДДИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА» Э.Ф. ШУМАХЕРА И ТЕ, КОМУ ОНА АДРЕСОВАНА

Эрнст Фридрих Шумахер (1911–1977) родился в Бонне (Германия). Как и его отец, профессор экономики, Шумахер изучает эту науку сначала в университетах Бонна и Берлина, а затем — в Оксфордском университете (Англия) и Колумбийском университете (США) и становится, таким образом, дипломированным экономистом. Из-за прихода к власти Гитлера Шумахер остается в Англии, где в период Второй мировой войны, будучи уроженцем Германии, подвергается интернированию. Пребывая в лагере для интернированных, в перерывах между работой в поле он пишет ряд экономических статей. Одна из них привлекает внимание Дж.М. Кейнса, который в итоге добивается освобождения молодого экономиста. После этого карьера Шумахера идет в гору. По окончании войны он совместно с Кейнсом консультирует британское правительство по вопросам восстановления экономики страны. С 1950 по 1970 год Шумахер занимает должность главного экономического советника в британской угледобывающей компании National Coal Board, одном из крупнейших предприятий в мире на тот момент.

Таким образом, Шумахера, казалось бы, никак нельзя назвать экономистом-маргиналом — диплом престижного университета и опыт работы на правительство недвусмысленно свидетельствуют об официальном признании его квалификации. Тем не менее идеи, изложенные в этой книге, крайне необычны для экономиста «основного течения». Дело даже не в том, что господствующая экономическая теория подвергается

здесь резкой критике. Темы, поднимаемые в книге, выходят далеко за пределы компетенции экономической теории в привычном понимании: автор изобретательно связывает такие «типично экономические» проблемы, как бедность, безработица или эффективность производства, с вопросами об устройстве образования, о месте человека в мире, о смысле жизни и о кризисе современной культуры. В результате Шумахер умудряется давать ответы на, казалось бы, сугубо экономические вопросы, такие как субсидирование сельского хозяйства, цитируя экзистенциалистов, томистов и неогегельянцев. Но это еще что! Помимо философов разных школ, Шумахер активно ссылается на учение Будды, римских пап и на Священное Писание, а самого себя называет христианином... Верующий экономист!

Считается, что в жизни Шумахера было два события, способствовавших формированию его необычного взгляда на экономику (во всяком случае, необычного для экономиста). Первым стало судебное разбирательство, связанное со случаями пневмокониоза («болезни черных легких») у шахтеров, работавших на National Coal Board. Вместо того чтобы признать очевидную связь между болезнью и условиями труда рабочих, компания стала бороться до последнего и, благодаря некоторым правовым формальностям, выиграла дело, тем самым избавив себя от необходимости выплатить в качестве компенсаций небольшую, по меркам собственного оборота, сумму денег (2–3 миллиона фунтов). Для Шумахера этот случай стал показателем того, что компании не было дела до людей. Более того, он пришел к выводу, что такое положение вещей — не исключение, а скорее неизбежное следствие масштаба организации. В конечном счете эти соображения сделали Шумахера сторонником мелкомасштабной техники и малых организационных структур и противником гигантизма — независимо от того, идет ли речь о размерах предприятий

или политических образований. Малое прекрасно, как гласит название книги.

Второе, пожалуй, еще более важное событие произошло в 1955 году, когда Шумахер был отправлен британским правительством в Бирму в качестве консультанта по развитию. Его задачей было содействовать «прогрессу» Бирмы, помочь бирманцам перенять западный опыт и технологии. Однако, проведя в стране несколько месяцев, Шумахер пришел к выводу, что Бирма не нуждается в развитии по западному образцу, поскольку обладает своей собственной совершенной экономической системой, которую он назвал «буддистской экономикой». Опыт изучения буддистской экономики помог Шумахеру понять ограниченность западных экономических учений, а точнее, ограничения, накладываемые «метаэкономикой», — теми метафизическими ценностными представлениями, которые обуславливают содержание и применение той или иной экономической теории. Разумеется, экономисты склонны считать, что их наука ценностно-нейтральна, поскольку ограничивается чисто количественным, объективным исследованием заданных параметров. Использовать полученные данные исходя из тех или иных ценностей — это, говорят нам, задача политиков. Однако Шумахер указывает, что уже то, какие именно параметры подвергаются анализу, и даже понятийный аппарат, которым оперирует экономическая теория, вытекает из определенной принятой метафизики. К примеру, тот факт, что при анализе добычи полезных ископаемых природные ресурсы рассматриваются как статьи дохода, а не как капитал, служит для Шумахера отражением дуалистической («картезианской», сказали бы мы) картины мира, когда «человек видит себя не частью природы, но внешней силой, которой предначертано главенствовать над природой и завоевывать ее»¹, а все то, чего

¹ Наст. изд., с. 30.

еще не коснулась рука человека, рассматривается как «мертвая материя», лишенная всякой ценности. В результате факту амортизации природного капитала (то есть истощения ресурсов) не придается практически никакого значения. Пытаясь преодолеть такую ограниченность с помощью иной метафизики, Шумахер дополняет понятийный аппарат экономики, вводя (возможно, впервые в истории) деление экономических благ на природные (*primary goods*) и рукотворные (*secondary goods*) и, далее, деля природные на возобновляемые и невозобновляемые, а последние — на изделия и услуги. В наше время такая классификация стала совершенно привычной, однако ей по-прежнему не уделяется должного внимания, что сплошь и рядом ведет к неадекватной оценке эффективности экономических систем. К примеру, в своей относительно недавней книге «Конец бедности» Джеффри Сакс жалуется, что «стандартные методы оценки внутренних сбережений, основанные на официальной статистике, переоценивают сбережения бедных, потому что в статистике не учитывается тот факт, что бедные расстрачивают свой природный капитал. Когда дерево срубается и распиливается на дрова, предназначенные для продажи, а взамен его не сажается новое дерево, выручка дровосека засчитывается ему в доход, хотя по сути она представляет собой перевод капитальных активов (дерево) в финансовые (деньги)»². Нетрудно понять, что речь здесь идет все о той же неспособности провести различие между доходом и капиталом, когда мы говорим о природных ресурсах, о которой писал Шумахер.

Другим примером ситуации, когда метафизические представления влияют на экономическую теорию, служит использование таких понятий, как «экономический рост», «ВВП» или «производительность тру-

Сакс Дж.Д. Конец бедности: экономические возможности нашего времени. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 77–78.

да». С точки зрения Шумахера, использование именно этих и подобных им понятий в качестве основных критериев экономической эффективности вовсе не разумеется само собой, скорее оно вытекает из характерного для западного мира потребительского мировоззрения, которое Шумахер не совсем корректно называет «материализмом». Ценности, связанные с таким мировоззрением, не предполагают никакого ограничивающего принципа, поскольку конечной целью считается потребление, и любой его рост рассматривается как, безусловно, положительное явление. Напротив, в буддизме, как и в большинстве традиционных учений, потребление считается лишь средством, а основное значение придается счастью, благополучию, духовному развитию. Поэтому, если для современного экономиста рациональность состоит в удовлетворении потребностей, которые рассматриваются как потенциально бесконечные, для буддиста рациональной была бы такая оптимизация потребностей, которая позволила бы удовлетворять их относительно малыми средствами. Поэтому для буддистского экономиста важнейшим критерием хорошей экономики было бы «постоянство», тогда как экономический рост, наравне со спадом, рассматривался бы как негативное явление. Если для современной экономики естественно делить страны на «богатые» и «бедные» или на «развитые» и «развивающиеся» (при том, что «развитие» не имеет верхнего предела), то в буддистской экономике главную роль играло бы разделение по «бедности», «достатку» и «излишеству».

Этот «метаэкономический» подход Шумахера позволяет пролить свет и на основания его уже упоминавшейся критики организационного гигантизма. Ясно, почему стандартная для экономистов аргументация, согласно которой крупные предприятия предпочтительнее мелких, так как позволяют использовать эффект экономии от масштаба и закупать дорогостоящее капиталоемкое оборудование, не имеет в глазах

Шумахера никакого веса. Эта аргументация полностью строится на идее, согласно которой единственным критерием успешности предприятия является его прибыльность, — идее, уходящей корнями все в ту же «материалистическую» метафизику. При этом не уделяется внимания негативным аспектам гигантизма, которые не связаны напрямую с прибыльностью, таким как, например, «анонимность» больших предприятий, приводящая к тому, что их сотрудники совершенно лишены чувства ответственности за последствия деятельности их компании.

Парадоксальным образом рост потребления (требующий роста производительности) не просто ставится выше традиционных ценностей здоровья, красоты и благополучия, но приходит с ними в противоречие. Так, со стороны фермера любые меры считаются рационально оправданными, если позволяют ему увеличить прибыльность своей фермы, — «даже если тем самым он навредит здоровью почвы и красоте ландшафта, даже если конечным результатом будет обезлюдение земли и перенаселение городов»³, а его товары будут заражены вредными химикатами. Складывается удивительная ситуация: современное богатое общество порой «не может позволить себе» ту здоровую пищу, которая была вполне доступна бедным людям в аграрных обществах прошлого. Поэтому значительная часть деятельности Шумахера была связана с продвижением методов органического сельского хозяйства: так, в 1970 году он был председателем британской Ассоциации почвы (Soil Association), которая занимается сертификацией продовольствия, оказывает поддержку местному пищевому снабжению и выступает против интенсивного сельского хозяйства.

Но главное, с точки зрения Шумахера, свидетельство противоречия между традиционными ценностями

ми и ценностью потребления, а точнее, между ценностью потребления и жизнью как таковой, — это, разумеется, стремительное истощение невозобновляемых мировых ресурсов и прежде всего ископаемых видов топлива. Этой теме посвящена значительная часть книги. Вообще говоря, первые ее главы, написанные в довольно экспрессивной манере, могут вызвать у читателя впечатление, что перед ним еще один алармистский памфлет, полный причитаний о «глобальной экологической катастрофе» и «экзистенциальном кризисе». Поводом для дополнительного сарказма может послужить тот факт, что книга была написана более 30 лет назад, цифры, которыми оперирует автор, устарели, а его катастрофические предсказания, по-видимому, не сбылись.

Такое суждение не совсем верно. Шумахер не делает никаких катастрофических прогнозов и вообще скептически относится к попыткам прогнозирования в экономике и других социальных науках. Он нигде не утверждает, что человечество приближается к неминуемой катастрофе или хотя бы к серьезным экономическим потрясениям (хотя последнее и представляется ему вероятным). Скорее, его мысль состоит в том, что пока, к примеру, нефть остается главным топливным ресурсом человечества, и готовой замены ей нет, потреблять ее постоянно растущими темпами — необдуманно. Никто точно не знает, когда именно настанет пик добычи нефти и что он будет означать для человечества — плавный и безболезненный переход на альтернативные виды топлива или череду тяжелых бедствий. Но бедствий точно удастся избежать, если начать снижать темпы потребления нефти уже сейчас.

Конечно, называя такое потребительское отношение к природным ресурсам необдуманным, Шумахер полагает, что эта необдуманность — не случайность, а закономерное следствие западного мировоззрения, которое вызывает своего рода «метафизическую слепоту», неспособность человека здраво оценивать сте-

пень своей зависимости от окружающей среды. Поэтому коренное решение глобальных экономических проблем невозможно без реформ в области метафизики, а важным инструментом таких реформ для Шумахера выступает образование. Образование играет важнейшую роль в формировании метафизической картины мира. Болезненная метафизика современного западного мира — во многом следствие неправильного подхода к образованию. При этом, в отличие, скажем, от Ортеги-и-Гассета, Шумахер не усматривает причину бед в чрезмерной специализации. Вместо этого он подчеркивает необходимость прояснения метафизических оснований преподаваемых дисциплин: «Независимо от того, относится ли предмет к точным наукам или к гуманитарным дисциплинам, если его преподавание не способствует прояснению метафизики, то есть основополагающих убеждений, то оно не делает человека образованным»⁴. Оно призвано научить человека понимать ценностные основания собственных мнений и поступков, отличать метафизические картины мира от научных теорий, ведь первые — фундаментальные интерпретации, отвечающие на вопрос о смысле жизни, а вторые — простые «рабочие гипотезы», которые вводятся для решения специфических задач научного исследования и поэтому никак не могут иметь общемировоззренческого статуса.

Как мы видим, соображения метафизического порядка образуют фундамент для всех остальных идей Шумахера. Разумеется, эти соображения не оригинальны: наоборот, как только речь заходит о метафизике, Шумахер ссылается на учения с тысячелетней историей. Не оригинальна и предлагаемая Шумахером метафизическая критика современного мира. Опасности, которые таит в себе «расколдовывание мира», обсуждаются философами уже не первое столетие —

многим такие разговоры давно набили оскомину. Оригинально то, каким образом Шумахер использует такую критику для решения конкретных экономических задач. Так, если и не самой фундаментальной, то одной из самых новаторских и, наверное, самой влиятельной из высказанных в книге идей стала концепция «промежуточной техники» (intermediate technology), которая в дальнейшем получила известность как концепция «подходящей техники» (appropriate technology)⁵.

«Подходящая техника» характеризуется несколькими особенностями. Во-первых, в культурном отношении она вписывается в уклад и традиции того общества, где используется. Во-вторых, в экономическом отношении она относительно дешевая: сам Шумахер считал относительно дешевой такую технику, при использовании которой объем капиталовложений на одно рабочее место не превышает среднегодовой зарплаты рабочего. В-третьих, в инженерном отношении она является «промежуточной», то есть не такой изощренной, как техника современных богатых обществ, но и не такой примитивной, как орудия, которыми вынуждены довольствоваться в наиболее бедных странах.

Подходящая техника рассматривается как средство преодоления нищеты и безработицы. Сам Шумахер обосновывает необходимость промежуточной техники исходя из рассуждений, которые можно упрощенно представить следующим образом. Современному западному обществу свойственно рассматривать ручной труд как проклятие (вспомним знаменитую марксову сатиру на Адама Смита). Такое мировоззрение ведет к тому, что в богатых странах определенный уровень безработицы рассматривается как вполне «естествен-

Впрочем, следует отметить, что уже в начале XIX века сходные идеи высказывал выступавший против крупной промышленности Ж.Ш. Сисмонди, политэкономия которого Маркс назвал «мелкобуржуазным социализмом». В XX веке предшественником концепции «подходящей техники» стал Ганди, с которым Шумахер был знаком лично и на которого он неоднократно ссылается в данной книге.

ное» явление, которое само по себе не представляет ничего страшного. (Здесь Шумахер противопоставляет современное мировоззрение традиционному, которое, по его мнению, состоит в том, что труд — необходимое условие полноценного развития человека. В пример приводятся не только буддисты, но и Фома Аквинский.) Вместе с тем данное мировоззрение способствует тому, что развитие техники идет в направлении все большей автоматизации производства, а наиболее «современное» оборудование оказывается одновременно самым капиталоемким, что лишь способствует сохранению безработицы.

Но наиболее пагубные эффекты, по мнению Шумахера, возникают тогда, когда современные капиталоемкие технологии переносятся в бедные страны. Простой трансфер технологий в бедные страны не позволяет решить проблему безработицы: при высоких капиталовложениях на рабочее место финансовых средств бедных стран хватает на создание лишь небольшого количества таких рабочих мест. Кроме того, поскольку работа с высокотехнологичным оборудованием обычно требует высокой квалификации, для ее выполнения приходится нанимать специалистов из богатых стран. Наконец, высокотехнологичная продукция зачастую не находит потребителя на внутреннем рынке и идет на экспорт. В результате современный промышленный сектор в бедных странах обслуживает преимущественно потребителей из богатых стран, а большая часть их коренного населения вообще не испытывает на себе его положительных экономических эффектов. Более того, перенос современных технологий не только не решает проблему безработицы, но и усугубляет ее — крестьяне и жители маленьких городков, привлеченные более высоким уровнем жизни, устремляются в столицу, где обычно сосредоточены высокотехнологичные производства, и в итоге сельское хозяйство и мелкое предпринимательство впадают в кризис, а столица обрастает поясами

трусоб. Возникает так называемая «дуальная экономика» (dual economy), когда сравнительно небольшая часть населения, главным образом в больших городах, живет по лучшим стандартам западного мира, а основная масса людей страдает от крайней нищеты.

В качестве средства решения этих проблем Шумахер и предлагает свою «подходящую технику», которая должна внедряться там, где люди живут (и тем самым не провоцировать нездоровой миграции), должна быть достаточно дешевой для создания большого числа рабочих мест и достаточно незамысловатой, чтобы местные предприниматели были в состоянии самостоятельно продолжить ее внедрение и развитие.

Идея «подходящей техники» породила целое движение и большое число добровольческих организаций. Так, по данным ОЭСР, уже в 1977 году развитием и продвижением подходящей техники занималось 680 организаций по всему миру, а в 1980-м — более тысячи. Идея достигла и официальных кругов: подразделения, занимающиеся подходящей техникой, были созданы в Межамериканском банке развития, во Всемирной организации здравоохранения и при правительстве США (задачей этого подразделения была борьба с бедностью и безработицей в самих Соединенных Штатах)⁶.

Вместе с тем концепция подходящей техники подвергалась критике. Оппоненты указывали на неэффективность такой техники и порой даже утверждали, что она сознательно навязывается бедным странам богатыми с целью задержать развитие первых⁷. Впрочем, если под «эффективностью» понимается отношение выпуска к затратам, то в свете взглядов Шумахера

⁶ См.: *Jequier N., Blanc G., Jequier N., Blanc G. The World of Appropriate Technology*. P.: OECD, 1983. P. 9. http://www.ncat.org/about_history.php

⁷ См., например: *Kaplinsky R. The Economies of Small: Appropriate Technology in a Changing World*. L.: Intermediate Technology Publications, 1990.

ясно, что такая критика бьет мимо цели или, во всяком случае, недостаточна. Что касается второго аргумента, то, чтобы его опровергнуть, сторонникам подходящей техники достаточно было с сожалением констатировать, что объем официальных инвестиций в развитие подходящей техники оставался ничтожным⁸.

Более веские аргументы приводили те критики, которые пытались опровергнуть сами рассуждения, стоящие за идеей подходящей техники. Они пытались показать, что противоречия между занятостью и капиталоемкостью в действительности нет — исторически спрос на рабочие места в промышленном секторе рос по мере роста капиталоемкости производства; что на самом деле работа с высокотехнологичным оборудованием, как правило, требует не большей квалификации, а, наоборот, меньшей; что на протяжении второй половины XX века многим развивающимся странам удалось-таки сформировать современный промышленный сектор, который продолжает расти. В богатых странах, говорили эти критики, безработица вызвана вовсе не капиталоемкостью оборудования как таковой, а присущими капитализму периодическими рецессиями. Что же касается «дуальной экономики» в бедных странах, то ее следует считать следствием колониальных режимов, а не индустриализации⁹.

К примеру, в статье *Bhagavan M.R. A Critique of «Appropriate» Technology for Underdeveloped Countries*. Uppsala: Scandinavian Institute of African Studies, 1979, написанной в период расцвета движения *Appropriate Technology*, общие ежегодные вложения в развитие подходящей техники оцениваются в 5 миллионов долларов (менее 20 миллионов долларов по нынешнему курсу). Даже если предположить, что реальная цифра здесь занижена в несколько раз, она все равно крайне мала. Это становится очевидным, если учесть, что во всем мире количество людей, страдающих от крайней нищеты (то есть живущих менее чем на один доллар в день), составляло на тот момент, по оценкам Всемирного банка, 1,5 миллиарда. (См.: *Chen Sh. and Ravallion M. How Have the World's Poorest Fared Since the Early 1980's?* // *World Bank Research Observer*. 2004. Vol. 19. No. 2. P. 141–169.)

⁹ *Bhagavan M.R. Op. cit. P. 20–24.*

Можно долго спорить по поводу того, насколько убедительны эти аргументы и адекватны ли исторические примеры. Так или иначе, под влиянием подобной критики многие теоретики подходящей техники смягчили свои позиции и стали позиционировать ее не как альтернативу современной технике, а как дополнение к ней: здоровому развитию должно сопутствовать внедрение техники обоих видов¹⁰.

Предметом еще одного возражения стала идея, согласно которой промежуточная техника способна стимулировать местную инновационную активность. По мнению Шумахера, появление в бедных странах больших высокотехнологичных предприятий оказывает на местных предпринимателей «отрицательный демонстративный эффект»¹¹, ведь перед лицом сверхсовременных методов и технологий весь накопленный ими опыт совершенно бесполезен. Тем самым трансфер технологий губит местные новаторские инициативы на корню, в результате чего бедные страны попадают не только в экономическую, но и в интеллектуальную зависимость от богатых. Напротив, промежуточная техника относительно проста, и, чтобы разобраться в ней, не нужен опыт работы с высокими технологиями в современных обществах. Поэтому она будет стимулировать местных предпринимателей, а не демотивировать их. «Помочь людям помочь себе самим» — такова формула Шумахера.

С точки зрения критиков подходящей техники, такие рассуждения в корне ошибочны. Трансфер технологий ведет не к затуханию, а, наоборот, к росту инновационной активности¹². Дело в том, что инновации всегда связаны с рисками: любое нововведение может

†††

¹⁰ См.: *Akubue A. Appropriate Technology for Socioeconomic Development in Third World Countries // Journal of Technology Studies. 2000. Vol. 26. No. 1. P. 41. Winter-Spring.*

¹¹ Наст. изд., с. 226.

¹² См.: *Bhagavan M.R. Op. cit. P. 23–24.*

оказаться неудачным. Но мелкое хозяйство в бедной стране может позволить себе значительно меньшие риски, чем, например, большое акционерное общество, где риски распределяются между множеством собственников. Поэтому последнее представляет собой более благоприятную среду для инноваций.

Наконец, критики указывали на то, что специфика местных условий каждого отдельного бедного сообщества бывает столь велика, что никакого общего знания о том, какая техника является подходящей, выработать практически невозможно. Таким образом, функция сбора и передачи информации о существующей подходящей технике, которую, как предполагается, должны выполнять «группы развития подходящей техники», оказывается излишней. Когда такое знание выработано сторонними специалистами, оно неадекватно (критики приводили примеры, когда внедрение «подходящей» техники, спроектированной сторонними инженерами, оказывало на сообщества непредвиденные неблагоприятные эффекты), а когда оно выработано самими сообществами, то адекватно чаще всего только для них же самих. «Приходится, — говорили критики, — сделать неизбежный вывод, что группам развития подходящей техники, расположенным за границей или организованным на национальном, а не на местном уровне, нет смысла пытаться непосредственно повлиять на “технику сообщества”»¹³.

И действительно, пережив расцвет в 80-е годы, идея подходящей техники стала утрачивать популярность. В 2010 году Пол Полак, основатель International Development Enterprises, международной некоммерческой организации, занятой распространением низкозатратных ирригационных технологий в странах третьего мира, констатировал, что по итогам более чем 30-летней деятельности групп развития подходящей техники, сделано очень мало. Как правило, изделия,

¹³ *Bhagavan M.R.* Op. cit. P. 26.

созданные такими группами, оказывались слишком дорогими, чтобы жители бедных стран могли себе их позволить. По словам Полака, «движение в поддержку подходящей техники погибло, поскольку его направляли благонамеренные мыслители, а не реалистичные предприниматели»¹⁴. В то же время Полак не отказывается от самой идеи подходящей техники, но лишь настаивает на том, что необходимо уделять гораздо больше внимания проблеме ее дешевизны.

Вместе с тем развитие подходящей техники стало бы делом рук «реалистичных предпринимателей» в том случае, если бы оно было подхвачено самими бедными сообществами, то есть если бы произошло то, на что как раз и надеялся Шумахер. Причины того, что этого так и не произошло, а успехи остались единичными, не обязательно сводятся к несовершенству самой идеи подходящей техники или ее реализации. Одной из таких причин может быть явление, которое уже упоминавшийся Дж. Сакс называет «ловушкой бедности»¹⁵. Это явление возникает тогда, когда люди живут в состоянии настолько тяжелой нищеты, что не имеют возможности делать даже минимальные сбережения, необходимые для того, чтобы начать хоть какое-то экономическое развитие. С точки зрения Сакса, чтобы люди могли вырваться из «ловушки бедности» и начать самостоятельное развитие (применительно к обсуждаемой нами теме — самостоятельную инновационную активность), их нужно обеспечить минимальной инфраструктурой, необходимой любому сообществу: дорогами, больницами, источниками чистой воды и т.д. По оценкам Сакса, в некоторых беднейших африканских общинах такая инфраструктура обошлась бы в 70 долларов в год на одного человека. Это немного, хотя и намного больше тех 22 долларов на человека в год, которые южноафриканские стра-

¹⁴ См.: <http://blog.paulpolak.com/?p=376>

¹⁵ Сакс Дж.Д. Указ. соч. С. 286.

ны получают от стран-доноров ныне¹⁶. Если эти рассуждения верны, то становится понятно, почему все усилия по продвижению подходящей техники не возымели должного эффекта: если люди не в состоянии сделать минимальных сбережений, не поставив под угрозу собственное выживание, то у них не найдется и средств на внедрение технологических новшеств, пусть даже относительно дешевых.

В то же время Шумахер, похоже, смотрел на вещи иначе: возражая тем, кто считает необходимым увеличить объемы финансовой помощи бедным странам, он предлагал вместо этого реструктуризировать ее, то есть направить средства в первую очередь на сбор, организацию и передачу информации о средствах, с помощью которых бедные могут помочь себе сами. Возможно, здесь Шумахер, противопоставив современной технике «подходящую», сам попал в ловушку этого противопоставления и забыл о тех проблемах бедных, которые едва ли можно решить их собственными руками.

Вполне возможно, если для бедных будут, наконец, созданы условия, которые позволят им вырваться из «ловушки бедности», появится и спрос на уже существующие наработки в области подходящей техники, а отдача от деятельности групп развития подходящей техники, таких как основанная самим Шумахером британская Intermediate Technology Development Group (ныне — Practical Action), вырастет многократно. Здесь не место обсуждать этот вопрос подробнее.

Разумеется, все высказанные в книге идеи, касаются ли они техники, собственности, сельского хозяйства, ресурсов, социального предпринимательства, мелко-масштабной организации или образования, связаны друг с другом. Так, по мысли Шумахера, мелко-масштабные предприятия обычно задействуют менее ка-

¹⁶ Сакс Дж.Д. Указ. соч. С. 105, 272.

питалоемкую технику, поэтому создают больше возможностей для обеспечения занятости, а в бедных странах — меньше предпосылок для формирования «дуальной экономики». Одновременно они требуют меньшей ресурсной базы, что снижает зависимость от импорта, они наносят меньше ущерба окружающей среде, они основаны на более личных взаимоотношениях, что способствует формированию у их сотрудников чувства социальной ответственности, а также мотивации, выходящей за пределы одного только получения прибыли.

Развитию этих качеств способствует и образование, если оно не приносит в жертву специализации задачу формирования у обучаемого цельной («метафизической») картины мира. Такое образование должно привести и к переосмыслению роли экономической теории. Наконец, предлагаемая Шумахером в последних главах книги своеобразная система собственности, вдохновленная католической социальной доктриной дистрибутизма, призвана избежать, с одной стороны, слепой логики капитализма, подчиняющей все соображениям максимизации прибыли, а с другой — негативных сторон крупномасштабных предприятий, в форме которых обычно существуют национализированные отрасли.

Сегодня осуществлением этих идей, одни из которых восходят к Шумахеру, а другие просто разделялись им, занимается множество людей по всему миру: первые выступают за защиту окружающей среды, вторые продвигают альтернативные источники энергии, третьи занимаются социальным предпринимательством, четвертые — внедрением «подходящей техники».

Однако помимо всех этих идей, а также соображений метафизического порядка, в книге присутствует своеобразный лейтмотив, который самим автором напрямую не артикулируется, и поэтому о нем хотелось бы написать в завершение.

Авторы большинства исследований, посвященных глобальным экономическим проблемам, будь то бедность, безработица, стагнация или что-то еще, явно или неявно исходят из того, что для решения этих проблем необходимы те или иные политические меры: увеличение объемов иностранной помощи, перераспределение бюджетных средств, реформа прав собственности и т.д. Шумахер же странным образом почти ничего не говорит о политических мерах и вместо этого делает ставку на внеполитические силы — на предпринимательство, добровольческие организации, на интеллектуалов и, наконец, на изменения в мировоззрении людей. «Не мне говорить о политике», — заявляет он.

Что это? Простая небрежность, скрытое недоверие к власти или странная идиосинкразия? В конце концов, Шумахер вовсе не считает, что для решения тех проблем, о которых он пишет, достаточно провести незначительные преобразования тут и там. Наоборот, он считает, что требуются такие изменения, которые затронут глубинные основания наших обществ. Казалось бы, что может быть естественнее, чем привлечь на помощь силу государственной власти?

Пожалуй, когда Шумахер отказывается рассматривать государство как основное или, тем более, исключительное средство экономических и общественных преобразований, это можно интерпретировать в том духе, что он больше не мыслит власть в терминах центра и периферии. Здесь, как ни странно, можно провести параллель с Фуко, который стремился показать, что традиционные методы политической борьбы неадекватны, будь то революция или партийные схватки: нельзя мыслить власть в виде некоего единого «эпицентра», который потому необходимо захватить, что любые изменения могут быть осуществлены только через него. И когда Шумахер не уделяет большого внимания государству, а вместо этого рассуждает о том, какую роль могут сыграть всевозможные неправи-

тельственные организации и отдельные люди, то это означает, что он уже не мыслит власть таким образом.

Действительно, когда экономисты, рассуждая о тех или иных глобальных проблемах, видят свою главную задачу в формулировке необходимой для их решения экономической политики, они тем самым невольно поддаются представлению, будто государство — единственный «очаг власти», будто только оно способно что-то менять. Такое представление отражается и в том, что в экономических моделях все агенты рыночных отношений рассматриваются как совершенно «природные» объекты, полностью детерминированные своей шкалой предпочтений, тогда как за политиками признается способность «принимать решения». Даже крайние либертарианцы, при всем своем негативном отношении к государству, обнаруживают то же самое заблуждение, когда исходят из того, что те или иные проблемы могут быть решены исключительно путем преобразования прав собственности или гарантии экономических свобод, то есть путем действий, которые могут быть осуществлены только на государственном уровне. Все это сильно напоминает философию просветителей с их фигурой «просвещенного деспота», который один только способен позаботиться о всеобщем благе.

К слову, это же центристское представление о власти обнаруживают и многие неортодоксальные экономисты, когда мечтают о низвержении «мейнстрима». Тем самым они воспроизводят логику партийной борьбы, пусть и на другом институциональном уровне. В этом смысле показательно, что Шумахер не столько стремится создать совершенно новую экономическую теорию, сколько показывает недостаточность уже существующей, и главное — губительность стоящей за ней метафизики. Он не против таких используемых экономистами методов, как анализ «затраты—выпуск», подсчет темпов роста ВВП и т.д. Он против того, чтобы считать, будто такие методы дают исчерпывающую

картину происходящего в обществе и тем более готовые руководства к действию.

Наконец, это ошибочное представление о природе власти пронизывает жизнь каждого: именно оно стоит за тем банальнейшим фактом, что новостные ленты состоят почти исключительно из новостей большой политики, будто ничто другое не имеет значения, что всеобщее внимание неизменно приковано к сугубо политическим событиям, таким как переизбрание президента, — даже тогда, когда всем известно, что правительство неэффективно. Оно же ведет к распространению отнюдь не способствующего инициативам мнения, что единственный способ «изменить мир» — это участие в политических движениях, а всем, кто в них не участвует, остается в лучшем случае пытаться «изменить себя». Ценность книги Шумахера в том, что он не только напоминает, как много может изменить каждый, но и показывает конкретные способы того, как это можно сделать. Его призывы и практические рекомендации обращены не к окруженным ореолом божественности правителям, а к обычным людям — бизнесменам, фермерам, ученым, журналистам и учителям.

Даниил Аронсон

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Проблема производства¹

Одна из самых роковых ошибок нашего времени состоит в убеждении, что «проблема производства» решена. Этому убеждению придерживаются не только люди, далекие от производства и тем самым лишенные профессионального знания фактов, — его разделяют практически все эксперты, капитаны промышленности², финансовые управляющие в правительствах разных стран, ученые и не очень ученые экономисты, не говоря уже о пишущих на экономические темы журналистах. Они могут не соглашаться во многом, но все они согласны с тем, что проблема производства решена; что человечество, наконец, достигло совершеннолетия. Для богатых стран, говорят они, самой важной задачей является ныне «обучение досугу», а для бедных — «трансфер технологий».

То, что дела идут не так хорошо, как должны бы, — это, видимо, следствие человеческой порочности. Нам, таким образом, следует создать политическую систему, настолько совершенную, что порочность исчезнет, и каждый или каждая будет поступать хорошо, независимо от того, сколько в нем или в ней склонности к порокам. На самом деле, широко распространена позиция, согласно которой все люди от рождения хорошие, и если кто-то становится преступником или эксплуататором, это вина «системы». Несомненно, система во многом плоха и должна быть изменена. Одна

Основано на лекции, прочитанной 4 февраля 1972 года в Институте Готлиба Дутвайлера (Gottlieb Duttweiler Institute), Рюшликон (неподалеку от Цюриха), Швейцария.

² Капитан промышленности (*англ.* capitan of industry) — популярный ранее в англоязычном мире термин, которым обозначали крупных предпринимателей, сочетавших стремление к личному обогащению с заботой о процветании национальной экономики, благотворительностью и т.д. — *Примеч. пер.*

из основных причин того, что она плоха и, несмотря на это, все-таки продолжает существовать, состоит в указанном ложном представлении, что «проблема производства» решена. Поскольку это заблуждение лежит в основе всех систем наших дней, нет особого смысла выбирать между ними.

Происхождение этого заблуждения, столь вопиющего и пустившего такие глубокие корни, тесно связано с произошедшими в последние три или четыре столетия философскими, если не сказать религиозными, переменами в отношении человека к природе. Возможно, мне следовало бы сказать «в отношении западного человека к природе», но поскольку процесс вестернизации ныне переживает весь мир, более обобщенное выражение выглядит оправданным. Современный человек видит себя не частью природы, но внешней силой, которой предначертано главенствовать над природой и завоевывать ее. Он даже говорит о битве с природой, забывая, что если бы он эту битву выиграл, то оказался бы на проигравшей стороне.

Вплоть до совсем недавнего времени ход битвы был, похоже, достаточно успешным, чтобы у человека создалась иллюзия безграничной власти, но не настолько успешным, чтобы впереди замаячила возможность полной победы. Но вот, она, наконец, замаячила впереди, и многие люди, хотя и меньшинство, начинают осознавать, что это означает для дальнейшего существования человечества.

Иллюзия безграничной власти, взрожденная на почве ошеломительных научных и технических достижений, породила сопутствующую иллюзию, будто проблема производства окончательно решена. Эта последняя иллюзия основана на неспособности различить доход и капитал там, где это различие важнее всего. С этим различием знаком любой экономист или бизнесмен; его добросовестно и весьма искусно проводят во всех экономических сферах, кроме той, в которой оно действительно важно — а именно там, где

дело касается невозстановимого капитала, который человек не создал, а просто нашел, и без которого он не сможет ничего.

Ни один бизнесмен не сказал бы, что фирма решила свои проблемы производства и стала жизнеспособной, если бы увидел, что она стремительно расходует свой капитал. Как же тогда мы можем не замечать этого жизненно важного факта, когда речь идет об очень большой фирме — о звездолете «Земля» и особенно о хозяйственных делах его богатых пассажиров?

Одна из причин, по которым мы не замечаем этого жизненно важного факта, состоит в том, что мы оторваны от реальности и склонны относиться ко всему, что мы не сделали сами, как к лишенному стоимости. Даже великий доктор Маркс впал в это губительное заблуждение, когда сформулировал свою так называемую «трудовую теорию стоимости». И вот, мы действительно потрудились, чтобы создать какую-то часть того капитала, который сегодня позволяет нам производить, — большой запас научного, технического и прочего знания, развитую материальную инфраструктуру, бесчисленные виды изощенного капитального оборудования и т.д., — но все это лишь малая часть всего того капитала, который мы используем. Капитал, производимый природой, а не людьми, намного больше — и мы даже не признаем его за такой. Большая его часть расходуется сейчас пугающими темпами, и именно поэтому нелепо и смертельно опасно верить в то, что проблема производства решена, и действовать исходя из этой веры.

Давайте рассмотрим этот «природный капитал» более пристально. Первейшая и самая очевидная его составляющая — ископаемые топлива. Никто, уверен, не станет отрицать, что мы относимся к ним как статьям дохода, хотя они, несомненно, являются статьями капитала. Если бы мы относились к ним как к статьям капитала, то должны были бы озаботиться их сохранением: мы должны были бы сделать все, что в наших си-

лах, для минимизации их текущих норм расхода; мы, например, могли бы сказать, что деньги, полученные от реализации этих активов — этих невозстановимых активов, — должны быть внесены в специальный фонд, предназначенный исключительно для развития методов производства и распространения жизненных укладов, которые вообще не зависят от ископаемых топлив или зависят от них лишь в очень небольшой мере. Это и многое другое мы должны были бы делать, если бы относились к ископаемым топливам как к капиталу, а не как к доходу. Но, не предпринимая ни одной из этих мер, мы делаем нечто, прямо противоположное им всем, — мы нисколько не заботимся о сохранении окружающей среды; мы максимизируем текущие нормы расхода вместо того, чтобы минимизировать их; и, совершенно не интересуясь изучением возможностей альтернативных методов производства и жизненных укладов, способных увести нас с гибельной траектории, по которой мы движемся с неуклонно растущей скоростью, мы радостно говорим о невиданном прогрессе, об «обучении досугу» в богатых странах и «трансфере технологий» в бедные.

Ликвидация этих основных средств проходит столь стремительно, что даже в якобы самой богатой стране мира, в Соединенных Штатах Америки, даже на уровне Белого дома, есть немало обеспокоенных людей, призывающих к массовой перегонке угля в жидкое топливо и газ, требующих еще более титанических усилий по поиску и эксплуатации оставшихся сокровищ Земли. Взгляните на цифры, публикуемые под заголовком «Мировая потребность в топливе в 2000 году». Если сейчас мы используем что-то около 7 миллиардов тонн угольного эквивалента, через 28 лет потребность будет втрое выше — 20 миллиардов тонн! Что такое 28 лет? Если взглянуть в прошлое, то они перенесут нас примерно в конец Второй мировой войны, и, конечно, с того времени потребление топлива утроилось, но утроение означало увели-

чение менее, чем на 5 миллиардов тонн угольного эквивалента. Сейчас мы спокойно рассуждаем о втрое большем увеличении.

Люди спрашивают: осуществимо ли это? И получают ответ: это необходимо и потому будет сделано. Извинившись перед Джоном Кеннетом Гэлбрейтом, можно сказать, что это случай, когда безликий ведет незрячего. Но зачем же клеветать? Сам по себе вопрос поставлен неверно, потому что содержит неявное допущение — мы имеем дело с доходом, а не с капиталом. Что такого особенного в 2000 году? Как насчет 2028 года, когда дети, резвящиеся сегодня на площадках для игр, будут готовиться к выходу на пенсию? Еще одно утроение? Все эти вопросы предстают абсурдными в тот момент, когда мы осознаем, что имеем дело с капиталом, а не с доходом. Ископаемые топлива не созданы людьми, их нельзя получить повторно из отходов производства. Исчезая, они исчезают навсегда.

«А как насчет видов топлива, получаемых из возобновляемых источников?» — спросит кто-нибудь. Правда, как насчет них? В текущий момент на их долю (в калориях) приходится менее 4% совокупного мирового потребления³. Нужно, чтобы в обозримом будущем их доля составила 70, 80, 90%. Сделать что-либо в малом масштабе — это одно, сделать то же самое в гигантском масштабе — это нечто совсем другое, а доля таких видов топлива должна быть поистине гигантской, чтобы повлиять на мировую топливную проблему. Кто возьмется утверждать, что проблема производства решена, если речь идет об использовании топлива из возобновляемых источников в поистине гигантских масштабах?

Ископаемые топлива — это только часть того «природного капитала», к которому мы упорно хотим от-

По данным за 2009 год на долю возобновляемой энергии приходилось 16% общемирового энергопотребления. См.: Renewables 2011: Global Status Report. P. 17. — *Примеч. пер.*

носиться как к расходному материалу, то есть как если бы он был доходом, причем, ни в коем случае не самой важной его частью. Если мы растрачиваем наши ископаемые топлива, то ставим под угрозу цивилизацию; но если мы растрачиваем капитал, представленный живой природой вокруг нас, то ставим тем самым под угрозу жизнь как таковую. Люди начинают осознавать эту угрозу и требуют прекратить загрязнение. В их представлении загрязнять среду — это такая довольно неприятная привычка жадных или небрежных людей, что-то вроде швыряния мусора на соседский участок через ограду. Более цивилизованное поведение, понимают они, потребует от нас дополнительных издержек, и нужно ускорить темпы экономического роста, чтобы быть в состоянии себе их позволить. Отныне, говорят они, мы должны пустить хотя бы некоторые из плодов нашей неуклонно растущей производительности на улучшение «качества жизни», а не только на увеличение количества потребляемого. Все это вполне справедливо, но затрагивает лишь внешнюю сторону проблемы.

Чтобы проникнуть в суть дела, лучше всего спросить, почему так получилось, что все эти термины — «загрязнение», «окружающая среда», «экология» и т.д. — столь внезапно оказались на слуху. В конце концов, промышленной системой мы обзавелись уже довольно давно, однако еще пять или десять лет назад эти слова были фактически неизвестны. Что это — внезапная причуда, глупая мода или, быть может, внезапный приступ паники?

Объяснение найти нетрудно. Как и в случае с ископаемыми топливами, мы на самом деле какое-то время жили на капитал живой природы, но достаточно в скромной мере. Лишь начиная с конца Второй мировой войны мы преуспели в увеличении этой меры до вызывающих тревогу пропорций. По сравнению с тем, что происходит сейчас и что ускоряющимися темпами происходило на протяжении последней четверти века,

вся промышленная деятельность человечества вплоть до Второй мировой войны включительно — ничто. В следующие четыре-пять лет мы, вероятно, достигнем таких объемов промышленного производства (в масштабе мира в целом), каких не знало все человечество, жившее до 1945 года включительно. Другими словами, совсем недавно — настолько недавно, что большинство из нас едва ли успели это осознать — случился уникальный количественный скачок промышленного производства.

Отчасти причиной, но также и следствием, стал и уникальный качественный скачок. Наши ученые и техники научились составлять вещества, не известные природе; перед многими из них природа, по сути, беззащитна. Не существует природных агентов, которые могли бы атаковать и расщепить их. Это как если бы аборигены были внезапно обстреляны пулеметным огнем — их луки и стрелы бесполезны. Своей почти магической эффективностью эти не известные природе вещества обязаны именно ее беззащитности. И то же самое относится к их опасному экологическому воздействию. Лишь в последние 20 лет или около того эти вещества появились в оптовых количествах. Поскольку у них нет природных врагов, они имеют тенденцию накапливаться, и, как известно, долгосрочные последствия такого накопления во многих отношениях крайне опасны, а в некоторых — совершенно непредсказуемы.

Другими словами, перемены как в количестве, так и в качестве осуществляемых человеком промышленных процессов, произошедших в последние 25 лет, породили совершенно новую ситуацию — ситуацию, ставшую итогом не наших неудач, а того, что мы считали нашими величайшими успехами. И это произошло столь внезапно, что мы едва ли обратили внимание на то, что стремительно изнашивали невозстановимые основные средства, а именно *запас терпения*, которым неизменно располагает милостивая природа.

Позвольте мне теперь вернуться к вопросу о «топливах из возобновляемых источников», с которыми я прежде обошелся с несколько высокомерной небрежностью. Никто не говорит, что та всемирная промышленная система, которая предвидится в 2000 году, то есть через одно поколение, будет поддерживаться главным образом энергией воды или ветра. Нет, нам говорят, что мы стремительно движемся к ядерной эре. Разумеется, это уже не новая история. Мы слушаем ее более 20 лет, а доля ядерной энергии в общем объеме потребляемого топлива и энергии до сих пор ничтожно мала⁴. В 1970 году она составляла 2,7% в Великобритании, 0,6% в странах Европейского сообщества и 0,3% в Соединенных Штатах — и это если взять только наиболее развитые страны. Можно допустить, что запас терпения природы достаточен, чтобы она справилась со столь небольшим обложением. Однако даже сегодня найдется много людей, испытывающих по этому поводу глубокую обеспокоенность, а доктор Эдвард Д. Дэвид, советник президента Никсона по науке, говоря о хранении радиоактивных отходов, сообщил, что «становится дурно, когда думаешь о чем-то таком, что необходимо хранить в герметичном состоянии под землей в течение 25 000 лет прежде, чем оно станет безопасным».

Как бы то ни было, я хочу высказать очень простое соображение: заменить тысячи миллионов тон ископаемых видов топлива, потребляемых каждый год, ядерной энергией означает «решить» проблему топлива, создав экологическую проблему таких чудовищных размеров, что «станет дурно» далеко не одному только доктору Дэвиду. Это означает решить проблему, переместив ее в другую область — чтобы там создать проблему бесконечно большую.

Уверен, что, высказав это, я столкнусь с другим, еще более смелым заявлением: а именно — ученые и тех-

В 2009 году она составила 2,8%. См.: Renewables 2011: Global Status Report. P. 17. — *Примеч. пер.*

ники будущего сумеют разработать столь совершенные предосторожности и правила безопасности, что использование, перевозка, переработка и хранение радиоактивных материалов во все больших количествах станут полностью безопасными; что, наконец, создание мирового сообщества, в котором никогда не будет случаться войн или гражданских волнений, станет задачей политиков и представителей социальных наук. И снова это будет означать решить проблему, переместив ее в другую область, в область повседневного человеческого поведения. И это подводит нас к третьей составляющей «природного капитала», который мы безрассудно транжирим, поскольку относимся к нему так, словно это доход, словно мы сделали его самостоятельно и легко можем возместить за счет нашей постоянно восхваляемой и стремительно растущей производительности.

Разве не очевидно, что наши текущие методы производства уже начали уничтожать саму субстанцию промышленного человека? Многим это вовсе не очевидно. Разве были, спрашивают они, наши дела когда-либо лучше, чем теперь, когда мы решили проблему производства? Разве не правда, что мы лучше одеты, накормлены, обеспечены жилищем — и лучше образованы! — чем когда-либо прежде? Разумеется, все это верно для большинства из тех, кто живет в богатых странах (но ни в коем случае не для всех). Но ничто из перечисленного не составляет того, что я подразумеваю под «субстанцией». Субстанцию человека нельзя измерить валовым национальным продуктом. Возможно, её вообще нельзя измерить — разве что, увидеть определенные свидетельства ее утраты. Однако здесь не место углубляться в статистику таких свидетельств, как преступления, наркотическая зависимость, вандализм, расстройства психики, восстания и т.п. Статистика никогда ничего не доказывает.

Я начал с утверждения, что одно из самых роковых заблуждений нашего времени состоит в убеждении,

что проблема производства решена. Этой иллюзией, как я предположил, мы обязаны нашей неспособности осознать, что современная промышленная система при всей своей интеллектуальной сложности потребляет сам тот фундамент, на котором она возведена. Говоря на языке экономистов, она существует за счет невозстановимого капитала, который сама непринужденно рассматривает как доход. Я выделил три составляющие такого капитала: ископаемые топлива, запасы терпения природы и субстанцию человека. Даже если кто-то из читателей не согласится со всеми тремя частями моей аргументации, полагаю, что каждой из них достаточно, чтобы сделать то заключение, к которому прихожу я.

Каково мое заключение? Оно простое: наша самая главная задача — уйти с нынешней губительной траектории. Кому же взяться за эту задачу? Я считаю, это дело каждого из нас — не важно, старого или молодого, наделенного властью или лишенного ее, богатого или бедного, влиятельного или невлиятельного. Разговоры о будущем полезны только в том случае, если они ведут к действиям в настоящем. А что можно сделать сейчас, когда мы по-прежнему думаем, что «наши дела никогда не шли так хорошо»? Самое меньшее — хотя это уже очень много — мы должны отдавать себе исчерпывающий отчет в проблеме и видеть возможность выработать новый образ жизни, новые методы производства и новые модели потребления: такой образ жизни будет ориентирован на постоянство. Приведу лишь предварительные примеры: что касается сельского хозяйства и садоводства — мы должны быть заинтересованы в совершенствовании здоровых с биологической точки зрения методов производства, а именно таких, которые позволяют увеличивать плодородие почвы, обеспечивают здоровье, красоту и постоянство. Проблема с производительностью как-нибудь сама решится. Что касается промышленности, мы можем проявить интерес к разработке малогабаритной

техники, имеющей относительно небольшой негативный эффект, «техники с человеческим лицом». Это позволит людям наслаждаться своей работой вместо того, чтобы работать исключительно ради зарплаты и надеяться на наслаждение исключительно во время досуга (обычно тщетно). Что касается, опять же, промышленности (несомненно, промышленность — движущая сила современной жизни), мы можем проявить интерес к новым формам сотрудничества между руководством и работниками, даже к формам совместной собственности.

Часто приходится слышать, как говорят, что мы вступаем в эру «учащегося общества». Будем надеяться, что это правда. Нам все еще нужно учиться жить дружно — в мире не только с другими людьми, но и с природой, и прежде всего с теми высшими силами, которые создали природу и создали нас. Ведь мы, несомненно, не появились в силу случайности и, конечно же, не создали себя сами.

Темы, которые в этой главе были лишь затронуты, будут развиты по мере того, как мы будем продвигаться дальше. Не многих легко убедить в том, что нельзя решить проблему, стоящую перед человеческим будущим, внося незначительные корректировки тут и там или, например, изменяя политическую систему.

Следующая глава — это попытка вновь взглянуть на ситуацию в целом с точки зрения мира и постоянства. Теперь, когда в распоряжении человека оказались физические средства, позволяющие ему полностью уничтожить себя самого, очевидно, что вопрос о мире встанет более остро, чем когда-либо в истории человечества. И как можно построить мир без некоторых гарантий постоянства в нашей экономической жизни?

II. Мир и постоянство¹

В современном мире главенствует убеждение, что прочнейшим основанием мира было бы всеобщее материальное процветание. Тщетно было бы искать исторические свидетельства того, что богатым более свойственно миролюбие, чем бедным. Однако на это можно возразить, что богатые никогда не чувствовали себя защищенными от бедняков, что корнем их агрессивности был страх и что ситуация была бы совсем иной, если бы все были богаты. Зачем богатому идти на войну? Ему и так всего достаёт. Разве не более вероятно, что именно бедные, эксплуатируемые, притесняемые пойдут на это, поскольку им нечего терять, кроме своих цепей? Путь к миру, говорят нам, состоит в том, чтобы следовать по пути богатства.

Это главенствующее убеждение обладает почти неотразимой привлекательностью, поскольку предполагает, что чем скорее вы получите одну желанную вещь, тем больше уверенность в том, что вам достанется и другая. Она привлекательна вдвойне, поскольку полностью обходит стороной всю этическую проблематику: не нужно отречений или жертв — наоборот! Наука и техника помогут нам на пути к миру и достатку, а от нас лишь требуется не вести себя глупо и иррационально, причиняя вред самим себе. Послание, обращенное к бедным и недовольным, состоит в том, что они не должны в нетерпении беспокоить или резать курицу, которая в свое время, несомненно, будет нести золотые яйца и для них тоже. А послание, обращенное к богатым, состоит в том, что они должны быть достаточно разумными, чтобы время от времени помогать бедным, потому что тем самым они станут еще богаче.

Впервые опубликовано в: *Resurgence: Journal of the Fourth World*. 1970. Vol. 3. No. I.

Ганди случалось с пренебрежением говорить о «мечтах о системе, настолько совершенной, что ни от кого не потребуется быть хорошим». Но разве это не та самая мечта, которую мы теперь можем воплотить в действительность с помощью поразительных сил науки и техники? Зачем требовать добродетелей, которых человек может никогда не достичь, если все, что нужно — это научная рациональность и технические решения?

Разве мы не склонны прислушиваться скорее не к Ганди, а к одному из самых влиятельных экономистов нашего века — великому лорду Кейнсу? В 1930 году, во время Всемирной экономической депрессии, он ощутил потребность поразмышлять об «экономических возможностях наших внуков» и пришел к заключению, что тот день, когда все будут богаты, возможно, не за горами. И тогда, по его словам, мы «вновь поставим цели выше средств, а хорошее предпочтем полезному».

«Но будьте осторожны! — продолжил Кейнс. — Время для всего этого пока не пришло. Еще сто лет, не меньше, мы должны будем убеждать себя и окружающих в том, что зло есть добро, добро есть зло, поскольку зло полезно, а добро — нет. Жадность, ростовщичество и предусмотрительность должны еще какое-то время оставаться нашими богами. Ведь только они способны вывести нас из туннеля экономической необходимости к свету дня».

Это было написано 40 лет назад и дела с тех пор, конечно, пошли значительно быстрее. Возможно, нам даже не придется ждать еще 60 лет, пока будет достигнут всеобщий достаток. В любом случае, суть кейнсианского послания вполне ясна: будьте осторожны! Этические соображения не только не имеют отношения к делу, они, вдобавок, создают настоящие помехи, «поскольку зло полезно, а добро — нет». Время добра пока не пришло. Дорога в рай вымощена злыми намерениями.

Теперь разберемся с этим утверждением. Оно состоит из трех частей.

Первая: что всеобщее процветание возможно.

Вторая: что его можно достичь, основываясь на материалистической философии, призывающей к самообогащению.

Третья: что это — путь к миру.

Очевидно, что мой разбор нужно начать со следующего вопроса: достаточно ли имеется ресурсов, чтобы их хватило на всех? Тотчас мы сталкиваемся с серьезной трудностью: что такое «достаточно»? Кто знает ответ? Уж конечно не экономист, стремящийся к «экономическому росту», как к высшей из всех ценностей, и, таким образом, не имеющий концепции «достаточного». Существуют бедные общества, обладающие слишком малым, но где то богатое общество, которое говорит: «Стойте! Нам уже достаточно»? Такого нет.

Вероятно, мы можем забыть слово «достаточно» и довольствоваться изучением роста спроса на мировые ресурсы, который возникает, когда каждый попросту усиленно стремится иметь «больше».

Поскольку мы не можем исследовать все ресурсы, предлагаю сосредоточить внимание на том их типе, который в какой-то мере занимает центральное место, — на топливе. Больше процветание означает большее использование топлива — в этом не может быть сомнений.

В настоящее время разница в процветании между бедными мира сего и богатыми действительно очень значительна, и это можно отчетливо показать, обратившись к их относительному потреблению топлива. Назовем «богатыми» население стран со среднестатистическим потреблением топлива (на 1966 год) более одной метрической тонны угольного эквивалента (сокращенно у.э.), а «бедными» — с потреблением ниже этого уровня. Приняв такие определения, мы можем составить следующую таблицу (используя данные ООН за 1966 год).

Таблица 1

	«Богатые»	«Бедные»	Весь мир
Население (млн чел.)	1060 (31%)	2284 (69%)	3384 (100%)
Потребление топлива (млн т у.э.)	4788 (87%)	721 (13%)	5509 (100%)
Потребление топлива на душу (т у.э.)	4,52	0,32	1,65

Среднедушевое потребление топлива среди «бедных» составляет лишь 0,32 тонны — приблизительно в 14 раз меньше, чем среди «богатых»; а в мире очень много «бедных» — согласно принятым нами определениям, примерно семь десятых мирового населения. Если бы «бедные» внезапно начали использовать столько же топлива, сколько «богатые», мировое потребление топлива утроилось бы в тот же момент.

Но такого произойти не может, ведь на все нужно время. А с течением времени запросы и численность как «богатых», так и «бедных» возрастают. Сделаем, в таком случае, пробный расчет. Если среди «богатых» темп прироста населения в год — 1,25%, а среди «бедных» — 2,5%, то к 2000 году население вырастет до приблизительно 6,9 миллиарда — такая цифра не сильно отличается от той, которую можно найти у наиболее авторитетных современных прогнозистов. Если в то же время потребление топлива на душу населения среди «богатых» будет расти на 2,25% в год, тогда как среди «бедных» — на 4,5%, то для 2000 года мы получим приведенные ниже цифры (табл. 2).

В результате общемировое потребление топлива выросло бы с 5,5 миллиарда тонн у.э. в 1966 году до

Таблица 2

	«Богатые»	«Бедные»	Весь мир
Население (млн чел.)	1617 (23%)	5292 (77%)	6909 (100%)
Потребление топлива (млн т у.э.)	15 588 (67%)	7568 (33%)	23 156 (100%)
Потребление топлива на душу (т у.э.)	9,64	1,43	3,35

23,2 миллиарда в 2000-м. Причины этого более чем четырехкратного роста можно было бы отнести наполовину к росту населения и наполовину к выросшему среднему потреблению.

Этот раскол на две половины достаточно любопытен. Но еще любопытнее раскол между «богатыми» и «бедными». От общего роста мирового потребления топлива с 5,5 миллиарда до 23,2 миллиарда тонн у.э., то есть роста на 17,7 миллиарда тонн, на долю «богатых» приходилось бы почти две трети, а на долю бедных — немногим более одной трети. За весь 34-летний период в мире было бы использовано 425 миллиардов тонн у.э., из которых 321 миллиард, или 75%, — «богатыми» и 104 миллиарда — «бедными».

Итак, разве сказанное не представляет ситуацию в целом в крайне любопытном свете? Приведенные вычисления, разумеется, не являются предсказанием. Их, скорее, можно назвать «пробными расчетами». Я предположил очень скромный рост населения среди «богатых» и вдвое больший темп роста среди «бедных», и тем не менее именно «богатые», а не «бедные», наносят больше всего урона — если это можно назвать «уроном». Даже если бы население, классифицированное как «бедное», росло всего-навсего такими же темпами, какие были предположены у «богатых», это едва

ли оказало бы значительное влияние на общемировую потребность в топливе — она уменьшилась бы лишь на десять с небольшим процентов. Но если бы «богатые» решили (я не говорю, что такой сценарий вероятен), что их нынешний уровень потребления топлива *per capita* и вправду достаточно высок, учитывая, что он уже в 14 раз выше, чем у «бедных», — вот это имело бы вес: несмотря на предположенный рост численности «богатого» населения, это сократило бы общемировую потребность в топливе к 2000 году более чем на треть.

Однако самое важное — это вопрос: правдоподобно ли предположение, что мировое потребление топлива к 2000 году могло бы вырасти до величин вроде 23 миллиардов тонн у.э. в год, а за рассматриваемый 34-летний период было бы использовано 425 миллиардов тонн у.э.? В свете наших нынешних знаний о запасах ископаемого топлива эта цифра неправдоподобна, даже если предположить, что четверть или треть потребленного во всем мире топлива была бы получена за счет ядерной энергетики.

Очевидно, что «богатые» постепенно исчерпывают запасы относительно дешевых и простых видов топлива, дарованных природой раз и навсегда. Именно непрекращающийся экономический рост богатых стран порождает все растущий спрос, в результате чего дешевые и простые виды мирового топлива за просто могут стать дорогими и дефицитными задолго до того, как бедные страны достигнут уровня благосостояния, образования, промышленной развитости и способности к накоплению капитала, необходимых для применения альтернативных видов топлива в сколько-нибудь значительном масштабе.

Пробные расчеты, конечно, ничего не доказывают. Когда речь идет о будущем, доказательство в любом случае невозможно, и кто-то мудро заметил, что любые предсказания ненадежны, особенно те, что касаются будущего. Что действительно требуется, так это

способность суждения, и пробные расчеты способны, по крайней мере, помочь нам сделать суждение предметным. Так или иначе в самом важном отношении величина проблемы в наших расчетах *преуменьшена*. Рассмотрение мира как неделимой единицы неправдоподобно. Топливные ресурсы распределены очень неравномерно, и любая нехватка запасов, неважно сколь малая, немедленно разделила бы весь мир на «имущих» и «неимущих» совершенно новым образом. Особенно благодетельствованные районы, например, Средний Восток или Северная Африка, стали бы объектом такого завистливого внимания, какое почти невозможно вообразить сегодня, тогда как некоторые районы с высоким уровнем потребления, такие как Западная Европа или Япония, оказались бы в незавидном положении отказополучателей. Если когда-то и существовала серьезная причина для конфликта, то вот она.

Поскольку, когда дело касается будущего — даже сравнительно недалекого, скажем, ближайших 30 лет, — ничего нельзя *доказать*, всегда можно отмахнуться от даже самых угрожающих проблем, внушив себе, что непременно что-то пойдет иначе. Вполне могли бы случиться просто грандиозные, совершенно неслыханные открытия новых запасов нефти, природного газа или даже угля. И кто сказал, что доля ядерной энергии должна ограничиваться четвертью или третью от совокупного объема потребления? Поэтому проблема может быть переведена в другую плоскость, но она упорно отказывается исчезать. Ведь потребление топлива в обозначенных масштабах — если предположить, что никаких непреодолимых проблем с предложением топлива нет — вызвало бы беспрецедентную угрозу для окружающей среды.

Возьмем ядерную энергию. Некоторые утверждают, что мировые запасы руды с относительно высокой концентрацией урана недостаточны, чтобы обеспечить по-настоящему крупную ядерную программу —

достаточно крупную, чтобы значительно повлиять на общемировую ситуацию с топливом, когда счет идет не просто на миллионы, а на тысячи миллионов тонн угольного эквивалента. Но предположим, они ошибаются. Будет найдено достаточно урана: его соберут с отдаленнейших уголков Земли, доставят в крупнейшие населенные пункты и приведут в высокорadioактивное состояние. Трудно представить себе большую биологическую угрозу, не говоря уже о политической опасности, связанной с тем, что даже самая крошечная часть этого ужасного вещества может быть использована в не самых мирных целях.

С другой стороны, если бы открыли новые фантастические залежи ископаемого топлива и отпала необходимость развития ядерной энергетики, проблема теплового загрязнения приняла бы такие масштабы, с какими еще не приходилось сталкиваться.

Каким бы ни было топливо при росте потребления в 4 раза, а потом в 5, в 6, ... нет приемлемого решения проблемы загрязнения.

Ситуацию с топливом я использовал лишь в качестве примера, иллюстрирующего очень простой тезис: экономический рост, не имеющий четких границ с точки зрения экономики, физики, химии и техники, неизбежно должен зайти в тупик с точки зрения наук об окружающей среде. Такое отношение к жизни, когда средством самореализации становится фанатичное преследование благосостояния — короче говоря, материализм, — не подходит для этого мира, поскольку не содержит ограничивающего принципа, тогда как окружающая среда, в которой оно имеет место, строго ограничена. Уже сейчас окружающая среда пытается сказать нам, что нагрузка на нее в определенных отношениях становится чрезмерной. Результатом «решения» одной проблемы становятся десять новых. Как подчеркивает профессор Барри Коммонер, новые проблемы возникают не вследствие эпизодических ошибок, а в результате успехов техники.

Однако и здесь многие станут настаивать на том, что эти вопросы можно обсуждать исключительно исходя из личного оптимизма или пессимизма. При этом они будут гордиться собственной оптимистичной верой в то, что «наука найдет выход». Полагаю, такие люди могли быть правы, только если бы на лицо была сознательная и фундаментальная смена направления научной деятельности. Развитие науки и техники за последние 100 лет было таково, что опасности выросли еще быстрее, чем возможности. В дальнейшем у меня еще будет, что сказать на эту тему.

Уже сейчас имеются бесчисленные свидетельства того, что великая самоуравновешивающаяся система, какой является природа, в ряде аспектов все больше выходит из равновесия. Мы ушли бы слишком далеко от темы, если бы я попытался собрать эти свидетельства здесь. Достаточным поводом для тревоги должно служить состояние озера Эри, на которое обратил внимание профессор Барри Коммонер. Пройдет еще 10–20 лет, и в подобном состоянии могут оказаться все внутренние воды Соединенных Штатов. Иными словами, можно будет говорить о потере равновесия уже не в отдельных аспектах, а в общем. Чем дальше мы позволяем зайти этому процессу, тем сложнее будет обратить его вспять, если, конечно, точка невозврата уже пройдена.

Таким образом, мы обнаруживаем, что идея безграничного экономического роста — еще и еще, пока избыточное благосостояние не захлестнет всех — должна быть всерьез поставлена под вопрос как минимум в двух пунктах: один касается доступности основных ресурсов, а другой — способности окружающей среды переносить вмешательство предполагаемых масштабов. Очень много уже было сказано о материально-физической стороне дела. Обратимся же теперь к некоторым нематериальным сторонам.

Не может быть сомнений в том, что идея личного обогащения крайне притягательна для человека в силу

самой его природы. Кейнс в своем эссе, которое я цитировал выше, убеждал нас, что еще не пришло время для «возврата к некоторым из наиболее несомненных и определенных принципов религии и традиционной добродетели: что жадность — порок, что брать ростовщический процент — преступление, что любовь к деньгам достойна отвращения».

Экономический прогресс, по мнению Кейнса, возможен, только в том случае, если мы сделаем ставку на те мощные эгоистические побуждения человека, к сопротивлению которым неизменно призывают религия и традиционная мудрость. Современная экономика движима вперед неистовством алчности и распутством на оргии зависти, и это не случайные ее черты, но сами причины ее экспансионистского успеха. Вопрос в том, могут ли эти причины действовать постоянно, или же они несут в себе семена крушения. Если Кейнс говорит, что «зло полезно, а добро — нет», то он тем самым утверждает некий факт, и его утверждение может быть истинным или ложным, или же оно может казаться истинным в краткосрочной перспективе и оказаться ложным в долгосрочной. Что же из этого соответствует действительности?

У нас, надо думать, имеется уже достаточно свидетельств того, что приведенное утверждение ложно в самом что ни на есть прямом, практическом смысле. Если систематически поощрять человеческие пороки, такие как алчность и зависть, неизбежным результатом станет ни много ни мало крах разума. Человек, ведомый алчностью или завистью, теряет способность видеть вещи такими, какие они на самом деле, видеть вещи в их полноте и законченности. Сами по себе его успехи становятся неудачами. Если эти пороки охватывают целые общества, то такие общества могут добиваться поистине поразительных свершений, но при этом становятся все менее способными на решение самых элементарных проблем повседневного существования. Валовой национальный продукт, быть

может, стремительно растет, но только в оценках статистиков, а не в переживаниях реальных людей, обнаруживающих себя под все усиливающимся гнетом отчуждения, фрустрации, незащищенности и т.д. Через какое-то время даже валовой национальный продукт отказывается расти дальше — не из-за неудач науки или техники, а из-за жуткого парализующего отказа в сотрудничестве, который выражается во всевозможном эскапистском поведении не только угнетенных и эксплуатируемых, но и крайне привилегированных групп.

Можно долго причитать по поводу глупости и иррациональности мужчин и женщин, на вершинах общества и в его низах — «если бы только люди осознали свои настоящие интересы!» Но почему они их не осознают? Либо потому, что их разум помутился от алчности и зависти, либо потому, что в глубине души они сознают, что их настоящие интересы в чем-то совершенно другом. Существует революционное изречение, гласящее, что «не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божиим».

И здесь снова ничего нельзя «доказать». Но неужели по-прежнему кажется правдоподобным, что тяжелые социальные заболевания, поражающие сегодня многие богатые общества, — всего лишь преходящее явление, которое умелое правительство (если бы мы только получили по-настоящему умелое правительство!) смогло бы вылечить их, попросту увеличив объемы использования науки и техники или сделав применение пенитенциарной системы более радикальным?

Полагаю, всеобщее процветание в современном значении выражения не способно заложить основ для мира, поскольку подобное процветание достижимо (если оно вообще достижимо) только за счет поощрения таких человеческих побуждений, как алчность и зависть, уничтожающих разум, счастье, безмятежность и, тем самым, миролюбивость человека. Кто-то

может сказать, что богатые ценят мир выше, чем бедные, но только в том случае, если чувствуют себя полностью защищенными. Однако это противоречиво по определению. Их богатство обеспечивается непомерным спросом на ограниченные мировые ресурсы, и это неизбежно выводит их на гибельную траекторию: правда, в первую очередь гибелью грозит столкновение не с бедными (которые слабы и беззащитны), а с другими богатыми.

Одним словом, сегодня мы можем говорить, что человек слишком умен, чтобы суметь выжить, не имея мудрости. Только тот действительно трудится ради мира, кто трудится для возрождения мудрости. Утверждение, что «зло есть добро, добро есть зло», — антитеза мудрости. Нереалистична, ненаучна и иррациональна надежда на то, что поиск доброты и добродетельности можно отложить, пока мы не достигнем всеобщего процветания, и что можно установить мир на Земле, упрямо ища богатств и не занимая головы духовными и моральными вопросами. Быть может, мы и могли позволить себе на какое-то время безнаказанно изгнать мудрость из экономики, науки и техники, пока были относительно неуспешны, но теперь, когда мы стали очень успешны, проблема духовных и моральных истин приобретает центральное значение.

С точки зрения экономики, центральным понятием мудрости является постоянство. Мы должны заниматься экономикой постоянства. Ни одно явление не имеет экономического смысла, если его нельзя, не впадая в абсурд, спланировать в долгосрочной перспективе. «Рост» возможен как стремление к некоей цели, которая, тем самым, будет его границей; не может быть безграничного «роста вообще». Более чем правдоподобны слова Ганди о том, что «даров Земли хватит для утоления всеобщих нужд, но не всеобщей алчности». Постоянство несовместимо с хищническим мировоззрением тех, у кого вызывает ликование

что «предметы роскоши наших отцов стали предметами необходимости для нас». Поощрение и расширение потребностей — антитеза мудрости, равно как свободе и миру. Всякий рост потребностей усиливает нашу зависимость от внешних сил, которые мы не можем контролировать, а значит, усиливается и экзистенциальный страх. Только снизив свои потребности, можно подлинно снизить те трения, которые составляют изначальную причину войны и раздора.

Экономика стабильности предполагает основательную переориентацию науки и техники, которые должны открыть свои двери перед мудростью и, по сути, ввести мудрость в самую свою структуру. Научные и технические «решения», приводящие к заражению окружающей среды или к деградации социальных структур и самого человека, не приносят выгоды, какими бы гениальными или привлекательными для поверхностного взора они ни были. Машины, постоянно растущие в размерах, вызывающие все большую концентрацию экономической власти и осуществляющие все большее насилие над окружающей средой, воплощают не прогресс, а отказ от мудрости. Мудрость требует новой ориентации науки и техники в направлении органичного, чуткого, ненасильственного, элегантного и прекрасного. Часто говорят, что мир неделим — как же тогда можно построить и поддерживать мир, положив в основание безразличную науку и безжалостную технику? Мы должны искать пути к революции в науке и технике, к революции, которая подарит нам изобретения и машины, которые обратят вспять угрожающие нам всем разрушительные тенденции.

Что действительно требуется от ученых и техников? Нам нужны методы и оборудование, которые

- достаточно дешевы, чтобы быть доступными практически для каждого;
- пригодны для применения в малых масштабах;
- согласуются с человеческой потребностью в творчестве.

Эти три характеристики — условия ненасилия и гармоничной связи человека с природой, гарантирующей постоянство. Стоит проигнорировать хотя бы одно из этих трех требований, и что-нибудь неизбежно пойдет не так. Рассмотрим их по порядку.

Машины и методы, достаточно дешевые, чтобы быть доступными практически каждому, — отчего мы должны думать, будто наши ученые и техники не в состоянии их разработать? Для Ганди это было первоочередной задачей: «Я хочу, чтобы безмолвные миллионы, населяющие нашу страну, были здоровыми и счастливыми, и я хочу, чтобы они росли духовно... Если мы почувствуем потребность в машинах, они, разумеется, у нас будут. Место найдется для каждой машины, помогающей каждому отдельному человеку, — говорил он, — но машинам, которые помогают сконцентрировать власть в руках немногих и обращают массы в ничтожных работников станка — если вообще оставляют им работу, — места быть не должно».

Как заметил Олдос Хаксли, представьте, что изобретатели и инженеры сознательно поставили бы перед собой задачу обеспечить обычных людей средствами, «позволяющими выполнять действительно значимую работу, помогающими мужчинам и женщинам добиться независимости от начальников, чтобы стать своими собственными работодателями или членами самоуправляемой кооперативной группы, работающей для собственного обеспечения и для местного рынка... эта новая ориентация технического прогресса [вылилась бы] в последовательную децентрализацию населения, доступа к земле, собственности на средства производства, политической и экономической власти». Другими преимуществами, говорил Хаксли, были бы «более человеческая жизнь для большего количества людей, больше по-настоящему самоуправляющейся демократии и благословенная свобода от глупого и вредного “обучения взрослых”, практикуемого крупными про-

изводителями потребительских товаров посредством рекламы»².

Если методы и машины должны быть достаточно дешевыми, чтобы стать всеобще доступными, то это означает, что их цена должна состоять в некоей определенной взаимосвязи с уровнем доходов в обществе, где они будут использоваться. Лично я пришел к выводу, что верхней границей для среднего объема капиталовложений на рабочее место может служить ежегодный заработок умелого и целеустремленного промышленного рабочего.

Иными словами, если такой работник обычно зарабатывает, допустим, 5000 долларов в год, то средняя цена оборудования его рабочего места ни в коем случае не должна превышать 5000 долларов. Если цена существенно выше, то рассматриваемое общество, скорее всего, постигнут серьезные беды, такие как неподобающая концентрация благосостояния в руках привилегированного меньшинства; усиливающаяся проблема «деклассированных личностей», которых не удается интегрировать в общество, что создает постоянно растущую угрозу; «структурная» безработица; непропорциональное распределение населения в результате чрезмерной урбанизации; а также фрустрация и отчуждение, зашкаливающие уровни преступности и т.д.

Второе требование — пригодность для применения в малых масштабах. О проблеме «масштаба» блестяще и убедительно написал профессор Леопольд Кор: ее отношение к экономике постоянства очевидно. Мелкомасштабные операции, независимо от их количества, всегда потенциально менее вредны для окружающей среды, поскольку мощность каждой из них мала в сравнении с природной мощностью самовосстановления. Малому присуща мудрость, если только речь не идет о малом кругозоре и отрывочности

Pyarelal R. Towards New Horizons. Ahmedabad, India: Navajivan Publishing House, 1959.

человеческого знания, полагающегося куда больше на эксперимент, чем на понимание. Грубое и масштабное применение узкоспециальных знаний, подобное тому, которое мы наблюдаем ныне на примере ядерной энергии, новой сельскохозяйственной химии, технологии перевозок и т.д., неизменно оборачивается величайшей опасностью.

Хотя даже малые сообщества бывают иногда (обычно по незнанию) повинны в разрушении земель, все это детские игры по сравнению с опустошениями, производимыми гигантскими группами, движимыми алчностью, завистью и жадной властью. Очевидно, к тому же, что люди, организованные в малые объединения, будут лучше заботиться о своем клочке земли или других природных ресурсах, чем безличные компании или страдающие манией величия правительства, вообразившие весь мир своей каменоломней.

Третье требование, возможно, самое важное из всех, — методы и оборудование должны быть такими, чтобы оставалось достаточно пространства для человеческого творчества. Никто за последние 100 лет не обсуждал эту тему так настойчиво и встревоженно, как римские папы. Что делается с человеком, если процесс производства «лишает работу любых намеков на человечность, превращая ее в чисто механическую деятельность»? Сам по себе работник превращается в извращенное подобие свободного существа.

«И вот (говорил папа Пий XI) физический труд, который даже после первородного греха был замыслен Провидением для блага человеческой души и тела, во многих случаях стал орудием извращения; ведь мертвая материя покидает заводы улучшенной, тогда как люди претерпевают там унижение и деградацию».

И снова тема столь обширна, что я могу лишь затронуть ее. Прежде всего, требуется надлежащая философия, где под работой будет пониматься не то, чем она в действительности стала, то есть не бесчеловечная рутина, которую следует как можно скорее упразднить

за счет автоматизации, но нечто, «замысленное Провидением для блага человеческой души и тела». Именно работа и возникающие благодаря ей отношения являются, наряду с семьей, истинными основаниями общества. Если основания непрочны, как может быть прочным общество? А если общество болеет, как это может не стать угрозой миру?

«Война, — говорила Дороти Л. Сэйерс, — это наказание, что постигает общества, когда они живут идеями, которые слишком жестоко конфликтуют с законами, управляющими мирозданием... Не думайте, что войны — беспричинные катастрофы: они случаются, когда ложный образ жизни и мышления приводит к нестерпимым ситуациям»³. В экономическом отношении ложность нашего образа жизни состоит, главным образом, в том, что мы систематически поощряем алчность и зависть и тем самым создаем целую армию совершенно неоправданных потребностей. Именно грех алчности отдал нас во власть машин. Не будь алчность — умело поддерживаемая завистью — хозяином современного человека, как бы тогда получилось, что по мере роста «уровня жизни» неистовство экономизма не утихает, а экономическая выгода безжалостнее всего преследуется не кем иным, как населением богатых обществ? Как объяснить практически повсеместный отказ правителей богатых обществ, независимо от того, основаны эти общества на частной или на коллективной собственности, брать курс на гуманизацию труда? Достаточно лишь констатировать, что уровень жизни по той или иной причине снижается, и дискуссии конец. То, что наводящая уныние, бессмысленная, механическая, монотонная, безмозглая работа — это такой удар по человеческой природе, который неизбежно должен привести к эскапизму или агрессии; то, что причиненный ущерб не возместить никаким количеством «хлеба и зрелищ» — эти факты

не отрицаются и не признаются, а встречаются непробиваемым заговором молчания; ведь нелепость их отрицания была бы слишком очевидной, а признать их означало бы выставить главную страсть современно-го общества преступлением против человечества.

Игнорирование и даже отрицание мудрости зашло так далеко, что у большинства наших интеллектуалов нет даже самой приблизительной идеи о том, что может означать это понятие. В результате, пытаясь вылечить болезнь, они всякий раз усиливают действие вызвавших ее причин. Коль скоро причиной болезни стало то, что уму позволили вытеснить мудрость, едва ли даже множество умных исследований позволит найти лекарство. Так что такое мудрость? Где ее искать? Тут мы подходим к самой сути дела: о мудрости можно прочесть в бесчисленных произведениях, но *найти* ее можно только внутри самого себя. Чтобы суметь ее найти, нужно сначала освободиться из-под диктата алчности и зависти. Приходящая, пусть только на миг, вслед за освобождением умиротворенность, приносит озарения мудрости, которых нельзя достичь иначе.

Они позволяют нам увидеть тщетность и неудовлетворительность жизни, прежде всего прочего посвященной преследованию материальных целей и отрицанию духовного. Такая жизнь неизбежно обращает человека против человека и нацию против нации, ведь человеческие потребности бесконечны, а бесконечного никогда нельзя достичь в материальном мире — лишь в духовном.

Человек, несомненно, должен возвыситься над этим «миром» повседневности, и мудрость указывает ему путь. Лишенный мудрости, он создает чудовищную экономику, разрушающую мир, и ищет фантастических утех, вроде высадки человека на Луну. Вместо того чтобы преодолеть «мир» в стремлении к святости, он пытается преодолеть его, добиваясь превосходства в богатстве, власти, науке или даже каком-нибудь во-

ображаемом «спорте». Это и есть настоящие причины войны, и если сначала не устранить их, то любые попытки заложить основания мира останутся призрачными. Вдвойне призрачным будет мир, воздвигнутый на экономических основаниях, покоящихся, в свою очередь, на систематическом поощрении алчности и зависти — тех самых сил, которые и приводят людей к раздору.

Что мы можем сделать, чтобы хотя бы подступиться к умирению алчности и зависти? Наверное, сделать намного менее алчными и завистливыми самих себя; наверное, не позволять предметам роскоши становиться для нас предметами необходимости; и даже, наверное, внимательно приглядеться к нашим предметам необходимости и подумать, нельзя ли от них отказаться или заменить менее притязательными. А если нет сил ни на что из перечисленного, то, может быть, стоит хотя бы перестать рукоплескать тому типу экономического «прогресса», которому ощущимо недостает принципа постоянства, и оказать хотя бы минимальную посильную поддержку тем, кто, не боясь обвинений в чудачестве, трудится над внедрением ненасильственных методов: борцам за сохранение окружающей среды, экологам, защитникам дикой природы, пропагандистам органического сельского хозяйства, дистрибутистам⁴, практикам надомного производства и прочим? Унция практики обычно стоит больше, чем тонна теории.

Понадобится, однако, много унций, чтобы заложить экономические основания мира. Где взять силы, дабы воспротивиться таким ужасным перспективам? И где, вдобавок, взять силы, чтобы побороть неис-

Дистрибутизм (*англ. distributism*) — экономическая философия, выработанная рядом католических мыслителей, в числе которых были писатели Г.К. Честертон и Х. Беллок, и подробно изложенная в энциклике папы Пия XI «*Quadragesimo Anno*». — *Примеч. пер.*

товство алчности, зависти, ненависти и вождения в себе самом?

Думаю, Ганди дал ответ: «Нужно осознать существование души отдельно от тела, осознать постоянство ее природы. Это осознание должно иметь характер живой веры. В конце концов, отказ от насилия не помогает тем, у кого нет живой веры в Бога любви».

III. Роль экономики¹

Было бы преувеличением говорить, что наше экономическое будущее предрешено экономистами, однако в значительности их влияния — или, по крайней мере, влияния экономики — едва ли можно сомневаться. В современном мире экономике принадлежит решающая роль в формировании направлений человеческой деятельности, поскольку она служит источником критериев «экономически целесообразного» и «нецелесообразного», а никакие другие критерии не оказывают большего влияния на действия индивидов, групп, а также правительств. Поэтому может возникнуть мысль, что совета о том, как преодолеть опасности и трудности, с которыми столкнулся современный мир, следует ждать именно от экономистов.

Каков ответ экономистов на проблемы, обсуждавшиеся в предыдущих главах? Когда экономист выносит вердикт, что та или иная деятельность «экономически обоснована» или «экономически нецелесообразна», встают два важных и тесно связанных друг с другом вопроса: во-первых, что этот вердикт означает? Во-вторых, является ли этот вердикт информативным в том смысле, что может служить разумным основанием для практических действий?

Обратившись к истории, можно вспомнить, что когда 150 лет назад шли разговоры об учреждении должности профессора политической экономии в Оксфорде, многие отнюдь не были рады такой перспективе. Эдвард Коплстон, выдающийся ректор кол-

¹ Частично основано на лекции «Чистый воздух и будущее энергетики — экономика и экология», прочитанной в 1967 году и опубликованной Национальным обществом борьбы с загрязнением воздуха. (Clean Air and Future Energy — Economics and Conservation. The Des Vaux Memorial Lecture to National Society for Clean Air. Blackpool, 1967. October 19.)

леджа Ориэль, не хотел допускать в университетскую программу науку, «столь склонную поглощать все остальные». Даже Генри Драммонд (из поместья Элбери Парк), учредивший должность в 1825 году, счел необходимым подчеркнуть, что новую дисциплину нужно держать «в подходящих ей рамках». Первый профессор, Нассау Сениор, определенно не был создан для узких рамок. Уже в своей инаугурационной лекции он предсказал, что новая наука «станет в глазах общества одной из интереснейших и полезнейших наук о человеке», а также, что «человечество в массе своей находит в погоне за благосостоянием величайший источник морального самосовершенствования». Конечно, не все экономисты бросались столь амбициозными заявлениями. Джон Стюарт Милль (1806–1873) рассматривал политическую экономию «не как вещь в себе, но как часть более обширного целого; как ветвь социальной философии, столь сильно сплетенную со всеми остальными ветвями, что ее выводы, даже в пределах ее собственной области, только условно истинны и подвержены вмешательству и противодействию причин, не находящихся в ее прямом ведении». Даже Кейнс, вопреки своему (уже цитированному) совету, согласно которому «жадность, ростовщичество и предусмотрительность должны еще какое-то время оставаться нашими богами», предостерегал нас «переоценивать важность экономической проблемы или решать ее ценой других, более принципиальных и непреходящих вопросов».

Но сегодня такие слова слышны все реже. Едва ли будет преувеличением сказать, что по мере роста материального достатка экономика переместилась в самый центр общественной повестки дня, а экономические показатели, экономический рост, экономические подъемы и проч. стали предметами постоянного интереса, если не одержимости, всех современных обществ. Сегодня найдется мало выражений, означающих столь же безоговорочное и решительное осуж-

дение, как выражение «экономически нецелесообразный». Если говорят, что деятельность «экономически нецелесообразна», это означает, что ее право на существование больше не ставится под вопрос — оно полностью отрицается. Деятельность, оказавшаяся помехой на пути экономического роста, позорна, и если кто-то сохраняет приверженность ей, то он либо вредитель, либо глупец. Вы можете назвать какую-то вещь аморальной, отвратительной, гнетущей или ведущей к деградации людей, угрожающей миру на Земле или благополучию будущих поколений, но пока вы не показали, что она «экономически нецелесообразна», вы еще не дали настоящего повода сомневаться в ее праве на существование, рост и процветание.

Что значит «экономически нецелесообразно»? Я спрашиваю, что это значит для большинства людей: потому что это и так очевидно. Для них «экономически нецелесообразное» подобно болезни — без нее всегда лучше, чем с ней. Экономист должен быть в состоянии диагностировать болезнь, а затем умело ее вылечить. Среди экономистов, правда, нередко случаются разногласия по поводу диагноза, и еще чаще — по поводу лечения, но это лишь доказывает, что предмет необычайно труден, а экономистам, как и всем людям, свойственно ошибаться.

Но спрашивая, «что это значит», я имею в виду нечто другое: я хочу знать *значение, которое возникает из самого метода экономической науки*. Ответ на такой вопрос не вызывает сомнений: нечто экономически нецелесообразно, если оно не может принести достаточной денежной прибыли.

Метод экономики не дает и не может дать никакого другого значения. Были предприняты бесчисленные попытки скрыть этот факт, и они привели к очень большой путанице, но факт остается фактом. Общество, или группа индивидов внутри общества, может решить поддерживать какую-либо деятельность или сохранить те или иные активы из неэкономических

(эстетических, моральных, общественных или политических) соображений. Но это не сделает их экономически целесообразными. Другими словами, экономическое суждение крайне отрывочно: из большого количества вопросов, которые, принимая решения в реальной жизни, нужно рассматривать и взвешивать сообща, экономика отвечает лишь на один — приносит ли решение денежную прибыль тем, кто его принимает, или нет.

Не советую преуменьшать значение слов «тем, кто его принимает». Например, совершенно неправильно полагать, будто экономическая методология, в общем случае, приспособлена для определения того, приносит ли деятельность группы внутри общества прибыль обществу в целом. Даже национализированные отрасли промышленности не рассматриваются с такой всеобъемлющей точки зрения. Перед каждой из них ставят финансовую цель (по сути, накладывают обязанность) и рассчитывают, что она будет двигаться к этой цели вне зависимости от ущерба, который может быть причинен другим хозяйственным отраслям. На самом деле господствующее убеждение, которого с одинаковой страстью придерживаются все политические партии, гласит, что если каждый человек, каждое ремесло и каждая отрасль, не важно национализированная или нет, работает на получение удовлетворительной «отдачи» от используемого капитала, то это ведет к максимизации общественного блага. Даже у Адама Смита не было такой слепой веры в «невидимую руку», действующую якобы по принципу «что хорошо для General Motors, то хорошо для Соединенных Штатов».

Так или иначе, не может быть никаких сомнений в том, что суждения экономики по своей природе *отрывочны*. Эти суждения в силу метода узки даже и в без того узких рамках экономического исчисления. Во-первых, в этих суждениях краткосрочной перспективе придается гораздо больший вес, нежели долгосроч-

ной — потому что в долгосрочной перспективе, как с веселой кровожадностью заметил Кейнс, мы все мертвы. Во-вторых, они основаны на таком определении издержек, из которого исключены все «бесплатные блага», то есть вся Богом данная окружающая среда, за исключением тех ее частей, которые были присвоены частными лицами. Это означает, что деятельность может быть экономически целесообразной, несмотря на то, что оборачивается сущим кошмаром для окружающей среды, а конкурирующая деятельность, ценой некоторых издержек оставляющая окружающую среду в сохранности и безопасности, будет нецелесообразной.

Экономика, кроме того, рассматривает блага исходя из их рыночной стоимости, а не из того, что они представляют собой на самом деле. Одни и те же правила и критерии применяются как к тем благам, которые приходится забирать у природы, так и к рукотворным благам, которые требуют существования природных благ и изготавливаются из них. Отношение ко всем видам благ одинаково, поскольку вся ситуация рассматривается главным образом с позиции извлечения частной прибыли, а это означает, что *игнорирование зависимости человека от мира природы* заложено в саму методологию экономики.

То же самое можно показать и на другом примере. Экономика рассматривает товары и услуги с точки зрения рынка, где человек, желающий купить, встречает человека, желающего продать. Первый — по самой своей сути — охотник за выгодными сделками; его не заботит происхождение товара или условия, при которых он был произведен. Единственное, что его заботит, — получить за свои деньги как можно более ценный товар.

Таким образом, рынок представляет собой лишь внешнюю оболочку общества, своего рода показатель сиюминутной ситуации, сложившейся здесь и сейчас. Он не затрагивает глубинную суть вещей и лежащие за ними природные или социальные факты. В каком-то

смысле рынок — институализированная форма индивидуализма и безответственности. Ни покупатель, ни продавец не отвечают ни за что, кроме самих себя. Со стороны богатого продавца было бы «экономически нецелесообразно» снизить цены для бедных клиентов только потому, что они нуждаются, а со стороны богатого покупателя — заплатить больше лишь потому, что поставщик беден. Равным образом, покупателю было бы «экономически нецелесообразно» отдавать предпочтение товарам отечественного производства, если импортные товары дешевле. Не его дело брать на себя ответственность за платежный баланс страны и не дело остальных рассчитывать, что он это сделает.

Есть одно важное ограничение области безответственности покупателя: он должен остерегаться покупать краденое. Нарушение этого правила не оправдывается ни незнанием, ни невиновностью в самой краже: последствия этого правила могут быть паразитически несправедливы и возмутительны. И тем не менее его требуется соблюдать в силу святости частной собственности, о которой оно и свидетельствует.

Разумеется, освобождение от всякой ответственности, за исключением ответственности перед самим собой, сильнейшим образом упрощает ведение дел. Видя, что такой подход практичен, мы можем не удивляться тому, что он так популярен среди бизнесменов. Удивляет то, что извлечение максимальной выгоды из свободы от ответственности еще и рассматривается как добродетель. Если бы покупатель отказался от хорошей сделки из-за подозрения, что за дешевизной товаров стоит эксплуатация людей при производстве или какие-то другие грязные методы (не считая воровства), он подвергся бы критике за «экономически нецелесообразное» поведение, в котором видят ни много ни мало тяжкий грех. У экономистов, и не только у них, мысль о таком эксцентричном поведении вызывает насмешку и возмущение. У религии экономики свой этический кодекс, и его первая заповедь предписывает:

поступай «экономически целесообразно», когда производишь, продаешь или покупаешь. Лишь когда охотник за выгодными сделками приходит домой и становится потребителем, первая заповедь прекращает свое действие, предлагая «развлекаться» любыми приятными ему способами. Религия экономики оставляет потребителя вне своего поля зрения. Этой странной и важной черте современного мира требуется уделить больше внимания, чем уделялось до сих пор.

На рынке бессчетные качественные различия, жизненно важные для человека и общества, замалчиваются из практических соображений и не допускаются до рассмотрения. Таким образом, на арене «Рынка» власть количества празднует свои величайшие триумфы. Каждая вещь приравнена к любой другой. Приравнять вещи друг к другу значит определить для них цены и сделать их пригодными для обмена. Экономическое мышление, основанное на рыночных отношениях, лишает жизнь сакральности, ведь не может быть ничего сакрального в том, что имеет цену. Поэтому не удивительно, что если экономическое мышление захватывает все общество, то даже простым неэкономическим ценностям, таким как красота, здоровье или чистоплотность, не выжить, если они не докажут свою «экономическую целесообразность».

Чтобы втиснуть неэкономические ценности в рамки экономического исчисления, экономисты используют метод анализа издержек и выгод. Это нововведение обычно считается просвещенным и прогрессивным, поскольку позволяет хотя бы попытаться принять в расчет те издержки и выгоды, которые иначе могли бы остаться совсем без внимания. Но на самом деле это метод низведения высшего до низшего и определения цены для бесценного. Он поэтому никогда не поможет прояснить ситуацию и не приведет к просвещенным решениям — разве что к самообману и обману окружающих. Ведь попытка измерить неизмеримое абсурдна: она не дает ничего, кроме изощренного метода

перехода от предвзятых понятий к predetermined заключениям; все, что нужно для получения желаемых результатов — это приписать неизмеримым издержкам и выгодам подходящие стоимости. Но логическая абсурдность таких измерений — еще не самый большой их недостаток: куда хуже и разрушительнее для цивилизации претензия, будто все имеет цену, или, другими словами, будто деньги — величайшая из всех ценностей.

Область законного и полезного применения экономики ограничена заданными для этой дисциплины рамками, которые сами по себе совершенно недоступны для экономического исчисления. Можно сказать, что экономика стоит не на своем собственном фундаменте, что она является «производным» знанием — производным от метаэкономики. Если экономист не знает метаэкономику или, того хуже, вообще не догадывается о существовании границ применимости экономического исчисления, то он рискует повторить ошибки некоторых средневековых теологов, пытавшихся решить вопросы физики с помощью библейских цитат. Любая наука плодотворна в надлежащих границах, но становится злом и разрушительной силой, стоит ей их преступить.

Экономическая наука потому «столь склонна поглощать все остальные» — и сегодня даже больше, чем 150 лет назад, когда Эдвард Коплстон указал на эту опасность, — что затрагивает ряд очень сильных побудительных мотивов человеческой природы, таких как зависть и алчность. Тем сильнее долг, предписывающий экспертам по этой дисциплине, экономистам, понимать и прояснять ее границы, иначе говоря, понимать метаэкономику.

Что же это такое, метаэкономика? Поскольку экономика имеет дело с человеком в его окружающей среде, можно ожидать, что и метаэкономика состоит из двух частей, одна из которых имеет дело с человеком, а другая — с окружающей средой. Другими словами,

можно ожидать, что экономика должна вывести свои цели и задачи из знаний о человеке и, по крайней мере, существенную часть своей методологии — из знаний о природе.

В следующей главе я попытаюсь показать, как меняются выводы и предписания экономики при смене представления о человеке и его целях в этом мире. В этой главе я ограничиваюсь обсуждением второй части метаэкономики, предполагающей, что существенно важная часть экономической методологии основана на знаниях о природе. Как я уже подчеркивал, на рынке все блага рассматриваются с одной и той же стороны, поскольку рынок является по своей сути институтом бесконечной охоты за выгодными сделками, а это означает, что игнорирование зависимости человека от мира природы свойственно методологии современной экономики, столь сильно ориентированной на рынок. В своем президентском обращении «Отсталость экономики», адресованном Королевскому экономическому обществу, профессор Э.Г. Фелпс Браун отметил, что «вклад в решение самых неотложных проблем в истории, сделанный благодаря развитию экономической теории за последнюю четверть века, незначителен». В числе таких проблем он назвал «необходимость воспрепятствовать негативному влиянию индустриализации, урбанизации и роста населения на окружающую среду и качество жизни».

По правде говоря, выражение «вклад незначителен» можно считать эвфемизмом, потому что никакого вклада вообще нет; наоборот, экономику в той форме, в какой она существует и применяется в текущий момент (с ее приверженностью чисто количественному анализу и боязливым отказом взглянуть на действительную природу вещей), можно совершенно справедливо назвать самым действенным барьером на пути к пониманию этих проблем.

Экономика имеет дело с практически безгранично разнообразными товарами и услугами, производи-

мыми и потребляемыми столь же безгранично разнообразными людьми. Очевидно, что создание какой бы то ни было экономической теории стало бы вообще невозможным, если бы мы не были готовы пренебречь значительной частью качественных различий. Но должно быть столь же очевидным, что полное замалчивание качественных различий, хотя и упрощает теоретизирование, делает его вместе с тем полностью бесплодным. «Развитие экономической теории за последнюю четверть века» (на которое указал профессор Фелпс Браун) протекало, по большей части, в направлении количественного описания и ценой понимания качественных особенностей. Последние, можно сказать, становятся для экономики все невыносимее, поскольку требуют от экономистов проникательности и понимания практических задач, которые они не способны или не желают продемонстрировать. Например, когда экономист, решивший ограничиваться эконометрикой и чисто количественными методами, устанавливает, что валовой национальный продукт страны повысился, скажем, на 5%, он не желает, и, в общем-то, не способен, поставить вопрос, хорошо это или плохо. Стоит ему хотя бы задаться таким вопросом, как его исследование потеряет всякую определенность: рост ВВП — это всегда хорошо, независимо от того, в чем именно он состоял, кто получил от этого выгоду и получил ли ее кто-то вообще. Представление о возможности патологического, нездорового, разрушительного или губительного роста — это, в его глазах, извращенное представление, которое нельзя допускать к рассмотрению. В наши дни незначительное меньшинство экономистов начинают задаваться вопросом, до каких пределов «рост» может продолжаться в дальнейшем, потому что невозможность бесконечного роста в конечной окружающей среде очевидна, но даже это меньшинство не избегает чисто количественного понятия роста. Вместо того чтобы настаивать на приоритете качественных различий,

они просто заменяют рост прекращением роста, то есть одну пустоту другой.

Разумеется, иметь дело с качеством гораздо сложнее, чем с количеством, точно так же как вынесение суждений — способность более высоко порядка, чем умение считать и измерять. Количественные различия проще постичь и уж точно проще определить, чем качественные: их конкретность заманчива и придает им видимость научной точности, даже если эта точность куплена ценой замалчивания действительно важных различий в качестве. Подавляющее большинство экономистов до сих пор ставят перед собой абсурдную цель — сделать свою «науку» такой же научной и точной, как физика — как если бы между бездушными атомами и созданными по образу Божию людьми не было никакой качественной разницы.

Основной предмет экономики — это «блага». Экономисты проводят кое-какие элементарные различия между категориями благ с точки зрения их *приобретателя*, например, различие между потребительскими и производственными благами. По большому счету не делается никаких попыток уделить внимание тому, что эти блага представляют собой в действительности, например, созданы ли они человеком или даны Богом, можно их беспрепятственно воспроизводить или нет. Экономике интересуют прежде всего поведение охотящегося за выгодной сделкой приобретателя, и все появляющиеся на рынке блага рассматриваются под одним и тем же углом независимо от их метаэкономического статуса.

Но на самом деле существуют фундаментальные и жизненно важные отличия одних благ от других, ко-

Таблица 3

Природные блага		Рукотворные блага	
Возобновляемые	Невозобновляемые	Изделия	Услуги
(1)	(2)	(3)	(4)

торыми нельзя пренебречь, не утратив связь с реальностью. Приведенную таблицу категорий (1–4) можно считать минимальной.

Едва ли на первом этапе какое-то различие может быть важнее, чем различие между природными и рукотворными благами, ведь последние предполагают наличие первых. Совершенствование человеческого умения создавать рукотворные блага бесполезно, если ему не предшествует совершенствование умения добывать природные блага, потому что человек — не производитель, а только преобразователь, и для каждого преобразования ему требуются природные блага. В особенности его способность преобразовывать зависит от наличия сырьевых энергоресурсов, и этот факт указывает на то, что среди всех природных благ жизненно важно различать возобновляемые и невозобновляемые. Что касается рукотворных благ, то очевидно, что здесь основным является различие между услугами и изделиями. Таким образом, мы приходим, по меньшей мере, к четырем категориям благ, каждая из которых принципиально отлична от трех остальных.

Рынок ничего не знает об этих различиях. Он развешивает на все блага ценники, заставляя нас думать, что все они имеют равное значение. Нефть на сумму пять фунтов (благо из категории 1) равна пшенице на сумму пять фунтов (категория 2), которая равна ботинкам ценой пять фунтов (категория 3) или пяти фунтам за проживание в отеле (категория 4). Единственный критерий, позволяющий определить, какие из этих различных благ более важны, — это норма прибыли, которую может получить тот, кто их предоставляет. Если блага из категорий 3 и 4 приносят большую прибыль, чем блага из категорий 1 и 2, то это считается «сигналом» того, что будет «рациональным» вложить дополнительные средства в первые и уменьшить объем средств, вкладываемых в последние.

Я не собираюсь сейчас обсуждать надежность или рациональность рыночного механизма так называ-

емой «невидимой руки». Этот вопрос обсуждается постоянно, но всякий раз остается без внимания *коренная несоизмеримость* друг с другом четырех вышеназванных категорий благ. Например, остается незамеченным (а если и замеченным, то не принятым всерьез при построении экономической теории), что понятие «издержек» принципиально разнится в зависимости от того, идет речь о благах возобновляемых или невозобновляемых, об услугах или об изделиях. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, можно сказать, что экономика в своем текущем виде подходит только для анализа благ из категории 3, то есть только для изделий, но применяется ко всем благам и услугам без разбора, потому что принципиальным качественным различиям между четырьмя категориями благ никакого значения не придается.

Я называю эти различия метаэкономическими ввиду того, что их осознание должно предшествовать экономическому анализу. Еще важнее осознать существование «благ», которые никогда не появляются на рынке, поскольку не могут быть — или до сих пор не были — присвоены в частном порядке, но тем не менее составляют необходимое условие для всей человеческой деятельности. Сюда относятся воздух, вода, почва и, по большому счету, весь организм живой природы.

До недавнего времени экономисты имели более или менее веские основания рассматривать организм, внутри которого протекает экономическая деятельность, как *данность*, то есть как вечный и нерушимый. Изучение эффектов, оказываемых на этот организм экономической деятельностью, не было ни частью их работы, ни тем более областью их профессиональной компетенции. Поскольку сейчас появляются все новые свидетельства ущерба, наносимого окружающей среде и, в частности, живой природе, все мировоззрение и вся методология экономики ставится под вопрос. Экономическое учение, если оно не дополнено и

не завершено учением метаэкономики, остается слишком узким и отрывочным, чтобы привести к верным выводам.

Когда средства ставят выше целей — а именно таков, по свидетельству Кейнса, подход современной экономики — это страшно потому, что лишает человека свободы и способности выбирать те цели, которые для него действительно важны; эволюция средств, можно сказать, диктует выбор целей. Неугомонное стремление достичь сверхзвуковых скоростей, колоссальные усилия, потраченные, чтобы высадить человека на Луну, — вот очевидные примеры, иллюстрирующие сказанное. Эти задачи были порождены вовсе не пониманием реальных человеческих нужд и чаяний, которым техника, казалось бы, должна служить, а единственно тем фактом, что необходимые для их выполнения технические средства появились в наличии.

Как мы видим, экономика «производна», она получает указания от так называемой метаэкономики. Когда указания изменяются, изменяется и содержание экономики. В следующей главе нам предстоит выяснить, какие возникают экономические законы и определения «экономически целесообразного» и «экономически нецелесообразного», когда метаэкономические основания западного материализма отбрасываются и заменяются учением буддизма. Выбор для этих целей буддизма совершенно случаен; с тем же успехом можно было бы воспользоваться учением христианства, ислама или иудаизма, а также любой другой великой восточной традиции.

IV. Буддистская экономика¹

«Правильный образ жизни» — одно из требований Благородного Восьмеричного Пути Будды. Поэтому ясно, что должна существовать такая вещь, как буддистская экономика.

Буддистские страны часто выражали намерение хранить верность своему наследию. Например, Бирма: «Новая Бирма не видит противоречий между религиозными ценностями и экономическим прогрессом. Духовное здоровье и материальное благополучие — не враги, а естественные союзники»². И вот еще цитата: «Мы успешно можем соединить унаследованные нами религиозные и духовные ценности с выгодами, которые дарует современная техника»³. И еще: «Для нас, бирманцев, — святой долг заботиться о том, чтобы и наши мечты, и наши действия были в согласии с нашей верой. Этому принципу мы будем следовать всегда»⁴.

При этом такие страны неизменно допускают для себя возможность строить планы экономического развития средствами современной экономики. Они обращаются к экономистам из так называемых развитых стран за советом, за помощью в формировании политического курса и планировании долгосрочного развития («пятилеток», или как там это называют?). Не похоже, чтобы хоть кто-то задумывался над тем, что буддистский образ жизни требует возникновения буддистской экономики, подобно тому, как современная экономика возникла из материалистического образа жизни.

Впервые опубликовано в: *Asia: A Handbook* / ed. by G. Wint. L.: Anthony Blond Ltd., 1966.

² *The New Burma. Economic and Social Board, Government of the Union of Burma.* 1954.

³ *Ibid.*

Ibid.

Сами экономисты, подобно большинству специалистов, страдают своего рода метафизической слепотой, предполагая, что их дисциплина являет собой совершенно беспредпосылочную науку, толкующую об абсолютных и неизменных истинах. Некоторые доходят до того, что утверждают, будто экономические законы так же свободны от «метафизики» или «ценностей», как и закон тяготения. Нам, однако, не нужно вступать в методологические споры. Вместо этого возьмем некоторые фундаментальные принципы и посмотрим на них с точки зрения современного экономиста и с точки зрения буддистского.

Все согласны с тем, что основополагающим источником благосостояния является человеческий труд. И вот, современные экономисты дошли до того, что стали рассматривать «труд» или работу как всего-навсего необходимое зло. С точки зрения нанимателя, труд — это, как ни посмотри, всего лишь статья издержек, которую если и нельзя устранить, скажем, за счет автоматизации, то нужно свести к минимуму. С точки зрения работника, труд сам по себе обладает отрицательной полезностью: работать — значит жертвовать досугом и комфортом, а зарплата — своего рода компенсация за эту жертву. Следовательно, идеал нанимателя — иметь выпуск, не нанимая рабочих, а идеал наемного рабочего — получать доход, не нанимаясь на работу.

Такое отношение к делу, безусловно, имеет крайне далеко идущие последствия как в теории, так и на практике. Если идеальная работа — это отсутствие работы, то любой метод, позволяющий «сократить рабочую нагрузку», считается хорошим. В отсутствие автоматизации самый действенный метод — это так называемое «разделение труда», классическим примером которого стала воспетая Адамом Смитом в его «Богатстве народов»⁵ булавочная фабрика. В данном

Smith A. Wealth of Nations. (Пер на рус. яз.: *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов.* М.: ЭКСМО, 2007. С. 70–71.)

случае оно связано не с обыкновенной специализацией, которую человечество практиковало с незапамятных времен, а с разделением каждого производственного процесса на мельчайшие части. В результате чего конечный продукт может быть произведен с огромной скоростью, причем каждому из участников потребуется совершить не более одного незначительного и в большинстве случаев не требующего квалификации движения.

С точки зрения буддиста, работа имеет по меньшей мере тройное предназначение: дать человеку возможность применять и развивать свои способности, позволить ему преодолеть собственную эгоцентричность, объединившись с другими людьми для общей задачи, и создавать блага и услуги, необходимые для становящегося бытия. Следствия, вытекающие из этого воззрения, бесконечны. Такая организация работы, которая делает ее в глазах рабочего бессмысленной, скучной, оупляющей или нервирующей, была бы самым настоящим преступлением: она означала бы внимание к товарам, а не к людям, ужасающий недостаток сочувствия и привязанность к самым примитивным сторонам мирского бытия. И точно так же борьба за досуг, как альтернатива работе, рассматривалась бы как проявление полного непонимания одной из основных истин человеческого бытия, а именно, что работа и досуг — взаимодополняющие части одного и того же жизненного процесса, и их нельзя разделить, не уничтожив радость работы и блаженство досуга.

Таким образом, с точки зрения буддиста, существует два типа механизации, которые нужно четко различать: один состоит в совершенствовании навыков и возможностей человека, а другой — в передаче человеческой работы механическому рабу, в услужении у которого человек оказывается сам. Как отличить одно от другого? «Ремесленник, — говорит Ананда Кумарасвами, — человек, одинаково хорошо разбирающийся как в современном Западе, так и в древнем

Востоке, — всегда может сам провести тонкое различие между машиной и орудием, если ему позволить это сделать. Ковроткацкий станок — это орудие, приспособление для того, чтобы держать основные нити вытянутыми, пока пальцы ремесленника будут их ворсовать; но механический ткацкий станок — машина, его роль в уничтожении культуры состоит в том, что он выполняет ту часть работы, которая предназначена человеку»⁶. Таким образом, ясно что буддистская экономика должна очень сильно отличаться от экономики современного материализма, поскольку для буддиста сущность цивилизации заключается не в приумножении потребностей, а в очищении человеческих нравов. В то же время первоочередное влияние на формирование нравов людей оказывает их работа. Работа, выполняемая должным образом и в условиях, отвечающих человеческому достоинству и свободе, благословляет и тех, кто ее делает, и то, что они производят. Индийский философ и экономист Дж.Ч. Кумараппа резюмирует этот подход следующими словами:

⁵ Если должным образом принимать во внимание то, какова работа по своей природе, она станет для высших способностей тем же, что еда — для физического тела. Она питает и возвращает высшего человека и заставляет его создавать лучшее из того, на что он способен. Она направляет его свободную волю в подходящее ей русло и дисциплинирует прячущееся внутри него животное, ставя его на путь развития. Она дает человеку великолепное подспорье для того, чтобы продемонстрировать свою шкалу ценностей и развить свою личность⁷

Если у человека нет возможности получить работу, то он в отчаянном положении — не просто потому, что у него нет источника дохода, но потому, он лишен той

⁶ *Coomaraswamy Ananda K. Art and Swadeshi. Madras: Ganesh & Co., 1908.*

⁷ *Kumarappa J.C. Economy of Permanence. 4th ed. Rajghat, Kashi: Sarva-Seva Sangh Publication, 1958.*

живительной силы, которую дает дисциплинированная работа и которую ничем нельзя заменить. Современный экономист может прибегать к чрезвычайно сложным вычислениям, чтобы выяснить, выгодна ли полная занятость или, быть может, «экономически целесообразнее» будет поддерживать неполную занятость, чтобы обеспечить большую мобильность рабочей силы, более стабильную заработную плату и т.д. Фундаментальным критерием успешности для него является, попросту, количество благ, произведенных за данный период времени. «Если предельная неотложность получения благ низка, — пишет профессор Гэлбрейт в «Обществе изобилия», — то низка и неотложность найма последнего человека или последнего миллиона человек»⁸. И еще раз: «Если в интересах стабильности мы можем позволить себе некоторую безработицу — высказывание, характерное, кстати говоря, для крайних консерваторов прошлого — то мы также можем позволить себе снабдить безработных благами, которые позволят им поддерживать привычный уровень жизни».

С точки зрения буддиста, в этих рассуждениях истина ставится с ног на голову, потому что благам придается большее значение, чем людям, а потреблению — больше значение, чем созидательной деятельности. Мы переносим акцент с рабочего на продукт работы, то есть с человека на то, что стоит ниже человека, и оказываемся во власти сил зла. Буддистское экономическое планирование было бы с самого начала ориентировано на полную занятость, а его первоочередной целью было бы дать работу каждому, кто нуждается во «внешнем» рабочем месте. Буддист максимизировал бы занятость вместо того, чтобы максимизировать производство. Женщины, в большинстве своем, не нуждаются во «внешнем» рабочем месте, поэтому широкомасштабная занятость женщин в офисах или

на заводах рассматривалась бы как признак серьезного экономического просчета. В частности, позволять матерям маленьких детей работать на заводах, пока их дети растут беспризорниками, было бы, в глазах буддистского экономиста, столь же экономически нецелесообразным, как в глазах современного экономиста — наем квалифицированного рабочего в солдаты.

Тогда как материалиста интересуют главным образом блага, буддиста — освобождение. Но буддизм — это «Средний путь», и поэтому он ни в коем случае не противоречит материальному благополучию. Путь к освобождению преграждает вовсе не благосостояние, а преданность благосостоянию, не наслаждение приятными вещами, а одержимость ими. Таким образом, ключевые понятия буддистской экономики — простота и ненасилие. С точки зрения экономиста, чудо буддистского жизненного уклада заключается в его совершенной рациональности — поразительно малые средства ведут к чрезвычайно удовлетворительным результатам.

Современному экономисту очень трудно понять сказанное. Он привык мерить уровень жизни объемом годового потребления, постоянно предполагая, что тот, кто потребляет больше, «состоятельнее» того, кто потребляет меньше. Буддистский экономист оценил бы такой подход как безмерно иррациональный, поскольку потребление — лишь средство обеспечить человеческое благополучие, то целью должно быть достижение максимума благополучия при минимуме потребления. Если, например, одежда нужна для поддержания достаточно комфортной температуры и привлекательного внешнего вида, то задача состоит в том, чтобы эти функции выполнялись при наименьших возможных усилиях, то есть предпочтение следует отдавать долговечной одежде, производство которой требует как можно меньше тяжелого труда. Чем меньше нужды в тяжелом труде, тем больше сил остается для искусства и творчества. Высшей степенью

экономической нецелесообразности было бы, скажем, прибегать, как это делают на современном Западе, к портняжному делу, в то время как намного лучшего результата можно достичь, умело облачаясь в простые куски ткани. Верхом неосмотрительности было бы изготавливать быстро изнашивающуюся одежду, и верхом варварства — уродливую, с виду поношенную или вульгарную. Сказанное по поводу одежды равным образом относится ко всем предметам человеческих потребностей. Владение собственностью и потребление — это лишь средства для достижения целей, а буддистская экономика представляет собой систематическое учение о том, как достичь целей минимальными средствами.

Вместе с тем современная экономика в качестве единственной цели всякой экономической деятельности рассматривает потребление, принимая за средства факторы производства — землю, труд и капитал. Короче говоря, буддистская экономика стремится с помощью оптимальных моделей потребления максимизировать человеческое чувство удовлетворенности, а современная — с помощью оптимальных моделей производства максимизировать потребление. Нетрудно понять, что образ жизни, нацеленный на оптимальное потребление, требует значительно меньше усилий, чем образ жизни, подчиненный стремлению к максимизации потребления. Поэтому не стоит удивляться, что, скажем, жизнь бирманца куда меньше отягощена заботами, чем жизнь гражданина Соединенных Штатов, несмотря на то, что количество трудосберегающего оборудования, используемого в Бирме, — капля в море по сравнению с тем, что задействовано в США.

Очевидно, что простота и ненасилие тесно связаны. Оптимальная модель потребления, позволяющая людям достигать высокой удовлетворенности средствами относительно незначительного потребления, дает им возможность вести жизнь, свободную от серьез-

ного давления и забот, и выполнить основное предписание буддистского учения: «Прекрати творить зло; старайся творить добро». Поскольку материальные ресурсы нигде не безграничны, очевидно, что люди, удовлетворяющие свои потребности за счет скромного использования ресурсов, с меньшей вероятностью будут друг с другом на ножах, чем те, кто зависим от высоких темпов их использования. Равным образом, люди, живущие локальными самодостаточными сообществами, с меньшей вероятностью окажутся вовлечены в масштабное насилие, чем те, чье существование зависит от всемирной торговой системы.

Поэтому, с точки зрения буддистской экономики, производство на основе местных ресурсов и для местных нужд — наиболее рациональный способ экономического существования. Тогда как зависимость от товаров, импортируемых издалека, с последующей необходимостью производить товары для экспорта неизвестным людям, живущим где-то далеко, крайне экономически нецелесообразна и может быть оправдана лишь в исключительных случаях и лишь в малых масштабах. Подобно тому, как современный экономист согласился бы, что высокий уровень потребления услуг по транспортировке людей между их домом и местом работы — беда, а не признак высокого уровня жизни, буддистский экономист придерживался бы взгляда, что ситуация, когда человеческие нужды удовлетворяются из удаленных источников, а не из расположенных поблизости, свидетельствует, скорее, о неудаче, чем об успехе. С точки зрения первого, статистика, показывающая рост числа тонн/миль перевозок на душу населения страны, является, скорее, доказательством экономического прогресса, тогда как последний — буддистский экономист — увидел бы в ней свидетельство крайне нежелательных негативных изменений в модели потребления.

Другое бросающееся в глаза различие между современной и буддистской экономикой связано с исполь-

эксплуатация во все больших объемах — акт насилия по отношению к природе, который почти неизбежно должен привести к насилию между людьми.

Один только этот факт мог бы дать пищу для размышления даже тем жителям буддистских стран, которым нет никакого дела до доставшихся им в наследство религиозных и духовных ценностей и которые горячо желают как можно скорее приобщиться к материализму современной экономики. Прежде чем отвергнуть буддистскую экономику как ничего не стоящую ностальгическую мечту, они, возможно, хотели бы подумать над тем, может ли путь экономического развития, начертанный современной экономикой, привести их туда, где они действительно хотят быть. Ближе к концу своей смелой книги «Грозное будущее человечества» профессор Калифорнийского технологического института Харрисон Браун дает следующую оценку:

Тем самым мы видим, что подобно тому, как индустриальное общество фундаментальным образом нестабильно и подвержено возврату в аграрное состояние, нестабильны и условия, обеспечивающие поддержание внутри него индивидуальной свободы, ведь они исключают жесткую организацию и тоталитарный контроль. Действительно, изучив все прогнозируемые трудности, которые угрожают существованию индустриальной цивилизации, трудно понять, как совместить стабильность и поддержание индивидуальной свободы¹⁰.

Даже если отбросить эти рассуждения, как относящиеся к чересчур далекому будущему, вопрос о том, приносит ли приемлемые результаты «модернизация», осуществляемая в данный момент без оглядки на религиозные и духовные ценности, стоит прямо сейчас. Что касается масс, результаты представляются катастрофическими: крах сельской экономики, растущая

¹⁰ *Brown H. The Challenge of Man's Future. N.Y.: The Viking Press, 1954.*

безработица в городе и сельской местности, рост численности городского пролетариата, лишенного пищи для тела и души.

Именно в свете непосредственного опыта и, одновременно, долгосрочных перспектив буддистскую экономику можно рекомендовать даже тем, кто верит, что экономический рост важнее любых духовных или религиозных ценностей. Ведь речь не идет о том, чтобы выбрать между «современным ростом» и «традиционным застоєм». Речь идет о том, чтобы найти правильный путь развития, «Средний путь» между безрассудством материализма и неповоротливостью традиционализма; короче говоря, речь о том, чтобы найти «Правильный образ жизни».

V. Вопрос размера¹

Я был воспитан на такой интерпретации истории, согласно которой вначале была семья, потом семьи сошлись вместе и образовали племена, потом группы племен образовали нации, потом группы наций слились во всякие «Союзы» и «Соединенные Штаты», и вот мы, наконец, могли предвкушать возникновение единого Мирового Правительства. С тех пор как я впервые услышал эту правдоподобную историю, описанный процесс не переставал вызывать у меня чрезвычайный интерес, но я не мог не обратить внимания, что в действительности, похоже, происходит нечто обратное: стремительный рост числа национальных государств. Когда около 25 лет назад возникла Организация Объединенных Наций, в ее составе было 60 членов; к сегодняшнему дню их число увеличилось более чем вдвое и продолжает расти. Во времена моей молодости этот стремительный рост числа государств назывался «балканизацией» и считался чем-то очень плохим. Хотя плохим его называли абсолютно все, он сохранился и вот уже более 50 лет продолжается в большинстве частей света. Крупные единицы имеют тенденцию распадаться на более мелкие. Этот феномен, столь издевательски противоречащий тому, чему меня учили, нельзя оставить незамеченным, независимо от того, одобряем мы его или нет.

К тому же, я был воспитан на теории, согласно которой, чтобы процветать, страна должна быть большой — чем больше, тем лучше. Это тоже казалось вполне правдоподобным. Взгляните на добисмарковскую Германию, которую Черчилль назвал кучкой

Основано на лекции, прочитанной в Лондоне в августе 1968 года и впервые опубликованной в: *Resurgence: Journal of the Fourth World*. 1968. Vol. 2. No. 3.

«хлебопекаренных княжеств», а затем взгляните на бисмарковский рейх. Разве неправда, что процветание Германии стало возможным только благодаря ее объединению? Тем не менее немецкоязычная Швейцария и немецкоязычная Австрия, хотя и не присоединились к Германии, в экономическом отношении были столь же успешны. Если же составить список самых процветающих стран в мире, то окажется, что они в основном очень маленькие: тогда как в списке самых больших стран в мире значительная часть — очень бедные. И это тоже дает пищу для размышлений.

Вдобавок ко всему, я был воспитан на теории «экономики от масштаба»: современная техника обуславливает тенденцию фирм и отраслей, а также наций, к постоянному укрупнению. И действительно, на сегодняшний день число крупных организаций, а возможно, и сама их величина, больше, чем когда-либо в истории. Но число мелких единиц в таких странах, как Великобритания и Соединенные Штаты тоже растет (уж точно не падает). Многие из этих мелких единиц процветают: именно им общество обязано большинством действительно плодотворных новшеств. Опять же, примирить теорию с практикой совсем нелегко; и любого, кто вырос на этих трех сопутствующих друг другу теориях, нынешняя ситуация конечно же немало сбивает с толку.

Даже сегодня всюду слышны разговоры о фатальной необходимости гигантских организаций; но, присмотревшись внимательнее, мы замечаем, что зачастую, как только организация достигает огромного размера, в ней сразу же разворачивается энергичная деятельность по созданию малого на основе большого. Выдающимся достижением г-на Слоуна было реструктурировать гигантскую компанию General Motors таким образом, чтобы она фактически превратилась в федерацию фирм более разумной величины. Попытки сходного переустройства корпорации British National Coal Board, одной из крупнейших в Западной Европе,

предпринимались во времена председательства лорда Робенса: были приложены значительные усилия по внедрению такой структуры, при которой сохранилась бы единая большая организация и в то же время возник бы такой «внутренний климат», какой бывает в федерациях из множества «квазифирм». Монолит был переделан в хорошо координируемое собрание живых, полуавтономных единиц, каждая — со своими собственными амбициями и командным духом. Пока многие теоретики — возможно, не слишком знакомые с реальной жизнью — продолжают поклоняться большим размерам, практики, живущие в настоящем мире, обнаруживают колоссальное стремление там, где это возможно, выиграть за счет удобства, человечности и управляемости малого. И эту тенденцию каждый может заметить сам.

Теперь рассмотрим предмет под другим углом и спросим, что нам, собственно, нужно. Похоже, что в делах людей всегда есть потребность в двух, казалось бы, несовместимых и исключающих друг друга вещах одновременно. Нам всегда нужны и свобода, и порядок сразу. Нам нужна свобода огромного множества малых, автономных единиц и в то же время упорядоченность и скоординированность масштабного, по возможности, всемирного единства. Когда речь идет о действиях, нам явно нужны малые единицы, поскольку действие — личное дело каждого, а каждый отдельный человек в каждый отдельный момент времени может поддерживать связь лишь с очень ограниченным числом людей. Но когда речь идет о мире идей, о принципах или об этике, о неделимости мира, а также об экологии мы должны осознать единство человечества и планировать свои действия соответствующе. Или, выражаясь иначе, хотя и верно, что все люди — братья, но столь же верно и то, что, если говорить о деятельных личностных взаимоотношениях, мы можем быть братьями лишь немногим из них; им мы призваны оказывать больше братской поддержки, чем могли бы

оказать всему человечеству. Каждому знакомы люди, запросто рассуждающие о человеческом братстве и при этом враждебно относящиеся к ближним, а также люди, у которых прекрасные отношения со всеми ближними и страшные предрассудки по поводу всех, кто находится за пределом их круга общения.

Что я хотел бы подчеркнуть, так это *двойственность* человеческих запросов в отношении размера. Нет единого решения. Для разных целей человеку нужны разные структуры, как малые, так и большие, как исключительные, так и всеобъемлющие. Между тем людям, как правило, сложно держать в голове сразу две истины, если на первый взгляд они противоположны друг другу. Люди всегда склонны требовать однозначного окончательного решения — как будто в реальной жизни бывают какие-то окончательные решения, кроме смерти. Задача любой созидательной работы всегда так или иначе состоит в восстановлении равновесия. Сегодня люди почти повсеместно страдают чрезмерным поклонением гигантизму. Поэтому необходимо настаивать на преимуществах малого — там, где они имеют место. (Если бы господствовало поклонение малому, пришлось бы приложить усилия в противоположном направлении.)

Есть другой способ учесть вопрос масштаба: прежде всего нужно провести различия, расставить все по местам. Каждому виду деятельности подходит свой масштаб, и чем более активный и глубоко личный характер имеет деятельность, чем меньшее число людей может принимать в ней участие, тем больше нужно установить порядков, обеспечивающих такие взаимоотношения. Возьмем, к примеру, обучение: споры о преимуществе обучающей машины перед некоторыми другими средствами обучения бесконечны. Что ж, давайте проведем различие. Чему мы хотим научить? Сразу же становится очевидным, что одним вещам можно научить только при условии очень тесного личного контакта, тогда как другим явно можно учить

en masse: посредством радио- и телеэфира, обучающих машин и т.д.

Какой масштаб подходящий? Это зависит от того, что мы пытаемся сделать. Вопрос масштаба крайне остро стоит сегодня в политических, общественных и экономических делах, да и вообще, почти везде. Каков, например, подходящий размер для города? Или: каков подходящий размер для страны? Сегодня это серьезные и трудные вопросы. Нельзя получить ответы на них, попросту введя данные в вычислительную машину. Вещи, имеющие в нашей жизни по-настоящему серьезное значение, не поддаются подсчетам — мы не можем напрямую рассчитать, что является правильным, но мы очень даже хорошо знаем, что неправильно! Мы можем распознать правильное и неправильное в их крайних проявлениях, хотя и не можем судить о них настолько точно, чтобы говорить: «Это должно увеличить на 5%» или «Это должно уменьшить на 5%».

Рассмотрим вопрос о размере города. Хотя точного ответа на подобный вопрос дать нельзя, думаю, можно вполне уверенно утверждать, что желательный размер города, скорее всего, не может превышать что-то порядка полумиллиона жителей. Совершенно ясно, что если город превышает такой размер, то это не создает никаких дополнительных преимуществ. Тот факт, что в Лондоне, Токио или Нью-Йорке счет идет на миллионы, не увеличивает реальную ценность этих городов, но лишь создает огромные проблемы и ведет к человеческой деградации. Возможно, поэтому население порядка 500 000 жителей могло бы считаться верхним допустимым пределом. Куда большую трудность представляет вопрос о нижнем пределе для действительно большого города. Даже самые огромные из городов, о которых рассказывает история, были по меркам XX века очень малы. Не вызывает сомнений, что инструменты и институты культуры города зависят от величины накопленного в данном городе благосостояния. Но то, насколько большое благосостояние жители

хотят накопить, зависит от того, какому типу культуры они привержены. Философия, искусство и религия стоят очень — очень! — небольших денег. Другие типы так называемой «высокой культуры», такие как космические исследования или сверхсовременная физика, стоят уйму денег, но несколько далеки от реальных нужд людей.

Я поднимаю вопрос о подходящем размере больших городов не только потому, что он важен сам по себе, но и потому, что он, как мне представляется, имеет самое прямое отношение к вопросу о размерах наций.

Упомянутое мной поклонение гигантизму является, возможно, одной из причин (и точно — одним из следствий) развития современной техники, в особенности транспорта и средств коммуникаций. Высокий уровень развития транспортной и коммуникационной системы имеет одно безмерно значимое следствие: она дает людям *свободу перемещения*.

Миллионы людей, влекомые огнями большого города, переезжают, бросая деревни и маленькие городки, отправляются в огромные города, чтобы стать причиной их ненормального роста. Взгляните на Соединенные Штаты — страну, где этот процесс представлен, наверное, лучше всего. Социологи изучают проблему мегалополисов. «Мегалополисов» — потому что города стали уже слишком велики, чтобы называться «метрополисами». Они беззаботно рассуждают о постепенном сосредоточении населения Соединенных Штатов на трех полюсах, в трех необъятных мегалополисах: первый — полностью застроенная область от Бостона до Вашингтона с населением 60 миллионов человек; второй — вокруг Чикаго, еще 60 миллионов; и третий — на западном побережье от Сан-Франциско до Сан-Диего, снова полностью застроенная область с населением 60 миллионов человек. Остальная часть страны — на пути к практически полному запустению: заброшенные провинциальные городки и земля, обрабатываемая бесчисленными тракторами, зерно-

уборочными комбайнами и несметным множеством химикатов.

Если представлять себе будущее Соединенных Штатов именно так, то вряд ли это будущее стоит того, чтобы до него дожить. Но, нравится нам это или нет, оно станет результатом того, что люди получили свободу перемещения, результатом той поразительной мобильности рабочей силы, которую экономисты ценят превыше всего.

Все в этом мире должно иметь *структуру*, иначе это — хаос. До наступления эпохи массового транспорта и массовых коммуникаций структура была данностью, поскольку мобильность людей была относительно низка. Те, кто хотел сменить место, делали это, о чем свидетельствует наплыв ирландских святых, перемещавшихся по всей Европе. Существовали и коммуникации, и мобильность, но не безграничная свобода перемещения. И вот, значительная часть структуры развалилась, и страна стала походить на большое грузовое судно с незакрепленным грузом. Возникает крен, весь груз сваливается в кучу, и судно идет ко дну.

Один из ключевых элементов структуры всего человечества — это, конечно же, *государство*. А один из ключевых элементов, или инструментов, структуризации (если мне позволительно воспользоваться этим термином) — это границы, национальные границы. Прежде, до вторжения техники, значение границ было почти исключительно политическим и династическим: они служили ограничителями политической власти, определяя то, как много людей вы можете собрать для войны. Экономисты боролись с тем, чтобы границы становились экономическими барьерами. Это породило идеологию свободной торговли. Но в те времена люди и вещи еще не обладали такой свободой перемещения: транспорт был достаточно дорогим, чтобы передвижение людей и товаров никогда не превышало незначительного уровня. В доиндустриальную эпоху

торговали не предметами первой необходимости, а драгоценными камнями, металлами, предметами роскоши, специями и, как ни обидно, рабами. Разумеется, товары, предназначенные для удовлетворения основных жизненных нужд, приходилось производить на месте. А миграция населения, за исключением периодов бедствий, сводилась к перемещению людей, у которых, как у ирландских святых или ученых Парижского университета, были на то совершенно особые причины.

Но сейчас мобильным стал каждый человек, каждая вещь. Все структуры находятся под угрозой, все они уязвимы, как никогда прежде.

Экономика, которой, как рассчитывал лорд Кейнс, было предназначено скромное место одной из множества профессий, вроде лечения зубов, внезапно становится самым важным предметом из всех. Экономическая политика поглощает почти все внимание государства и одновременно становится еще более беспомощной. Простейшие вещи, которые всего лишь 50 лет назад можно было сделать без труда, становятся невозможны. Чем дальше богатеет общество, тем невыполнимее становятся дела, не приносящие немедленной выручки. К экономике относятся с такой рабской покорностью, что она сумела проглотить почти все проблемы внешней политики. «Да, нам не нравится союз с этими людьми, но мы зависим от них экономически, поэтому должны потакать им», — так сегодня рассуждают. Экономика неумолимо поглощает этику и ложится в основу любых прочих людских соображений. Теперь стало совершенно ясно, что такое развитие ненормально. У него, конечно, много корней, но один из очень заметных — колоссальные достижения современной техники в области транспорта и коммуникаций.

Люди, привыкшие смотреть на вещи просто и беззаботно, уверены, что быстрый транспорт и мгновенная коммуникация распахивают перед ними новые измерения свободы (в каких-то весьма тривиальных отношениях это действительно происходит). Они, од-

нако, не замечают того, что эти достижения одновременно ведут к уничтожению свободы, поскольку из-за них, в отсутствие разумной политики и разумных мер по смягчению деструктивных последствий такого технологического развития, все становится крайне уязвимым и ненадежным.

Очевидно, что в больших странах деструктивные последствия более серьезны, ведь, как мы видели, границы задают «структуру»: порвать с родиной, пересечь границу и пустить корни в другой стране — все это требует куда большей решительности, чем перемещение в границах собственной страны. Таким образом, фактор свободы перемещения тем значительнее, чем больше размеры страны. Деструктивное воздействие данного фактора можно проследить как в бедных странах, так и в богатых. В богатых странах, таких как Соединенные Штаты Америки, он, как уже упоминалось, приводит к возникновению мегалополисов. Вдобавок, этот фактор становится причиной все более трудно решаемой проблемы деклассированных личностей, людей, которые получили свободу перемещения, но не могут найти свое место в обществе. Со свободой перемещения напрямую связаны и другие ужасающие проблемы: преступность, отчуждение, стресс, распад социальных связей на всех уровнях, включая семью. В бедных странах (особенно, напомним, в больших) этот же фактор вызывает массовую миграцию в большие города, массовую безработицу и, поскольку сельская местность лишается жизненных сил, создает угрозу голода. Результат — «дуальное общество», не обладающее каким бы то ни было внутренним единством и крайне подверженное политической нестабильности.

Возьмем для иллюстрации случай Перу. Столица этой страны — Лима, расположенная на тихоокеанском побережье, имела в начале 1920-х годов, то есть всего 50 лет назад, население 175 000 человек. Сейчас ее население приближается к трем миллионам. Некогда красивый испанский город ныне заполнен трущо-

бами и окружен поясами нищеты, забирающимися в самые Анды. Но это еще не все. *Из сельских местностей ежедневно прибывает тысяча человек — и никто не знает, что с ними делать.* Социальная или психологическая структура жизни в глубинке рассыпалась — люди получили свободу перемещения и начали прибывать в столицу по тысяче в день, чтобы ютиться на клочке свободного пространства (под носом у полиции, которая приходит их вышибать), строить свои лачуги и искать работу. *И никто не знает, что с ними делать.* Никто не знает, как остановить поток.

Представьте себе, что в 1864 году Бисмарк присоединил бы к Германии всю Данию, а не только маленькую ее часть, и что с тех пор ничего бы не произошло. Датчане были бы немецким этническим меньшинством и, вероятно, боролись бы за поддержание существования своего языка, становясь для этого билингвами — официальным языком был бы, разумеется, немецкий. Только лишь прилежно германизируясь, они могли бы избежать участи граждан второго сорта. Неизбежно имел бы место отток наиболее честолюбивых и предприимчивых — и прилежно германизовавшихся — датчан на юг, в главные округа страны. Каков был бы тогда статус Копенгагена? Он был бы отдаленным провинциальным городом. Или представьте себе, что Бельгия — часть Франции. Каков был бы статус Брюсселя? Опять же, он был бы незначительным провинциальным городом. Нет нужды подробно объяснять, почему. А теперь представьте, что Дания в составе Германии и Бельгия в составе Франции внезапно, как сейчас очаровательно выражаются, «тронулись»² и захотели независимости. Зазвучали бы бесконечные пламенные речи на тему того, что эти «недостраны» не могут быть экономически жиз-

В оригинале игра слов: «nats» — сокращение от «nationalists» (националисты) — созвучно с «nuts» (сумасшедший, чокнутый). — *Примеч. пер.*

неспособными, что их желание независимости свидетельствует — процитируем известного политического комментатора — о «юношеской эмоциональности, политической наивности, приверженности ложной экономике и совершенно бессовестном оппортунизме».

Что же тогда говорить об экономике маленьких независимых стран? Как обсуждать проблему, которая проблемой не является? Нет таких понятий, как «жизнеспособная страна» или «жизнеспособная нация». На самом деле существует лишь проблема жизнеспособности людей: жизнеспособен человек, реальная личность, вы и я. Если индивид стоит на ногах и может заработать себе на жизнь, он жизнеспособен. Люди не приобретут жизнеспособность просто от того, что их соберут вместе в большом количестве и объединят в огромное сообщество. И люди не лишатся жизнеспособности просто от того, что большое сообщество расколется на ряд малых хорошо управляемых групп, основанных на более тесных и лучше согласованных связях. Все это ясно, как день и спорить тут совершенно не о чем. Некоторые спрашивают: «Что будет, если страна, состоящая из одной богатой провинции и нескольких бедных, распадется на части из-за отделения богатой провинции?» Скорее всего, ответ будет таким: не произойдет ничего особенного. Богатая часть и дальше будет богатой, а бедные провинции — бедными. «Ну а если до отделения богатая провинция субсидировала бедные, что тогда?» Что ж, субсидии, конечно, могут прекратиться. Но богатые редко субсидируют бедных; чаще они их эксплуатируют, пусть даже исключительно как участников торговых отношений. Эту ситуацию можно слегка маскировать некоторым перераспределением налоговых поступлений или незначительной благотворительной помощью, но последнее, чего хотели бы богатые, — это отделение от бедных.

Обычно все происходит несколько иначе, а именно бедные провинции хотят отделиться от богатых, тогда как богатые хотят удержать их, поскольку знают, что

эксплуатировать бедных куда проще, когда они находятся в твоих собственных границах. Как же относиться к бедной провинции, которая желает отделиться, рискуя лишиться субсидий?

Не нам, конечно, решать ее судьбу, но что нам обо всем этом думать? Разве проявленное ее населением желание не заслуживает уважения и одобрения? Разве мы не хотим, чтобы люди стали хозяевами своей жизни, самостоятельными, свободными? Таким образом, это тоже не проблема. Поэтому осмелюсь утверждать, что никакой проблемы жизнеспособности не существует — весь наш опыт говорит об этом. Никто никогда не считал, что для того, чтобы страна могла экспортировать свои товары по всему свету и импортировать отовсюду, ей необходимо присоединить весь мир.

А как насчет абсолютной необходимости иметь большой внутренний рынок? Это еще одна оптическая иллюзия — отождествлять «большой» рынок с большой территорией внутри политических границ. Нечего и говорить, что лучше иметь процветающий рынок, чем бедный, но располагается ли этот рынок вне политических границ или внутри них — это не особо влияет на положение дел. Никогда не слышал, что Германии обязательно нужно было присоединить Соединенные Штаты, чтобы в больших количествах экспортировать на этот весьма процветающий рынок «фольксвагены». Зато когда бедное сообщество оказывается политически привязано к богатому или управляемо им — это действительно влияет на положение дел. Почему? Потому что в мобильном обществе, где люди имеют свободу перемещения, действие закона неравновесия гораздо сильнее, чем действие так называемого закона равновесия. Кому поведется, у того и тетух несется, а кому не поведется, у того не несется и куры. Провинция, которой «повелось», высасывает все соки из менее удачливой, а слабые, не имея защиты от сильных, лишены шансов: они могут либо так и оставаться слабыми, либо эмигрировать и присоеди-

ниться к сильным. Помочь себе самостоятельно они не в силах.

Самая важная проблема второй половины XX века — это географическое распределение населения, вопрос «регионализма». Но под регионализмом здесь понимается не объединение множества государств в зоны свободной торговли, а нечто противоположное — развитие всех регионов внутри каждой страны. По сути, сегодня это самая важная тема на повестке дня всех крупнейших стран. Национализм, столь распространенный сегодня среди национальных меньшинств, как и стремление к самоуправлению и так называемой независимости — все это не что иное, как логичная и рациональная реакция людей, чей регион нуждается в развитии. Особенно это касается бедных стран, где им не на что надеяться, пока не начнется успешное региональное развитие, пока не будут приложены усилия по развитию территорий, лежащих вне столичного города и включающих всю сельскую местность, где живут и работают люди.

Если таких усилий никто не прилагает, то у бедняков остается один выбор — либо продолжать влачить жалкое существование у себя дома, либо эмигрировать в большой город, где их существование будет еще более жалким. Странно, что конвенциональная мудрость экономики наших дней бессильна помочь бедным.

Эта мудрость неизменно доказывает эффективность такой политики, результатом которой на самом деле становятся власть и обогащение тех, кто и так богат и властен. Она доказывает, что выгодно развивать только ту промышленность, которая сосредоточена как можно ближе к столице или другому большому городу, но никак не в сельской местности. Она доказывает, что крупные проекты экономически неизменно более целесообразны, чем малые, а капиталоемкие следует всегда предпочитать трудоемким. Экономическое исчисление, в том виде, в каком его практикует

экономика наших дней, заставляет промышленников избавляться от человеческого фактора, потому что машины не делают тех ошибок, которые делают люди. Результат — колоссальные усилия по автоматизации человеческой деятельности и стремление к образованию все более крупных организационных единиц. Это означает, что те, кому нечего продавать, кроме своего труда, остаются в наихудшем рыночном положении, какое только возможно. Конвенциональная мудрость экономики (точнее, того, чему сейчас учат под этим названием) игнорирует бедных — тех самых людей, кому развитие действительно нужно. Экономика гигантизма и автоматизации — пережиток условий и мышления XIX века; она совершенно неспособна решить какие бы то ни было реальные проблемы наших дней. Нужна совершенно новая система мышления — система, основанная на первоочередном внимании к людям, а не к товарам (товары позаботятся о себе сами!). «Производство массами, а не массовое производство» — такой фразой можно было выразить ее суть. Вместе с тем то, что было невозможно в XIX веке, оказалось возможным в веке XX. И меры, отказ от которых в XIX веке был если не неизбежен, то, по крайней мере, понятен, стали абсолютно неотложными. Речь идет о сознательном использовании нашего огромного технического и научного потенциала для борьбы с нищетой и человеческой деградацией. Такую борьбу нужно вести в тесном контакте, прежде всего, с реальными людьми — с индивидами, семьями и малыми группами, а не с государствами и прочими анонимными абстракциями, что предполагает политическую и организационную структуру, которая сможет обеспечить этот тесный контакт.

Что означают такие слова и выражения, как «демократия», «свобода», «человеческое достоинство», «уровень жизни», «самореализация», «чувство удовлетворенности»? Что они описывают — мир товаров или мир людей? Разумеется, мир людей. Но люди мо-

гут быть самими собой лишь в малых, ясно обозримых группах. Таким образом, мы должны научиться мыслить в категориях гибкой структуры, способной иметь дело с множеством мелкомасштабных единиц. Если экономическое мышление неспособно на это, то оно бесполезно. Если оно не может выйти за рамки необъятных абстракций, таких как национальный доход, темп роста, капиталоотдача, анализ «затраты—выпуск», мобильность рабочей силы, накопление капитала, и коснуться таких реалий человеческой жизни, как бедность, фрустрация, отчуждение, отчаяние, нервные расстройства, преступления, эскапизм, стресс, столпотворение, уродство, духовная смерть, то давайте выбросим экономику в мусорное ведро и начнем с чистого листа.

Разве недостаточно «знаков времени», показывающих, что начать сначала необходимо?

РЕСУРСЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

VI. Величайший ресурс — образование

Люди жили и размножались на протяжении всей Истории, и фактически нет такого уголка Земли, который им не приходилось бы населять, и где они не создали ту или иную форму культуры. Всегда они находили средства к существованию и возможность сделать запасы. Цивилизации строились, расцветали и в большинстве случаев достигали своего заката и гибли. Здесь не место обсуждать, почему они гибли, но можно утверждать, что всякий раз должна была иметь место какая-то неприятность с ресурсами. В большинстве случаев на той же земле впоследствии возникали новые цивилизации, что было бы совершенно необъяснимо, если бы причиной гибели цивилизаций было простое истощение материальных ресурсов. Разве такие ресурсы могли бы восстановиться?

Вся история так же, как и опыт текущего времени, указывает на тот факт, что главный ресурс создается человеком, а не природой: ключевой фактор всего экономического развития имеет свой источник в умах людей. Внезапно случается всплеск инициативы, решительности, открытий, созидательной деятельности, причем не в какой-то одной области, а сразу во многих. Возможно, никто не в состоянии сказать, где был его первоначальный источник, но мы можем наблюдать, как он поддерживает и даже усиливает сам себя посредством разного рода школ, то есть образования. Таким образом, мы можем в самом буквальном смысле назвать образование наиболее жизненно важным из всех ресурсов.

Если западная цивилизация находится в состоянии долговременного кризиса, то не будет притянутым за уши предположение — у нее что-то не так с обра-

зованием. Уверен, что ни одна цивилизация никогда не вкладывала столько энергии и ресурсов в организованное образование, а если у нас и есть какая-то по-настоящему непоколебимая вера, то это вера в то, что образование — ключ ко всему или, во всяком случае, должно им быть. Вообще говоря, наша вера в образование настолько сильна, что мы завещаем ему все наши проблемы, если никакие другие решения не работают. Век ядерной энергии принесет новые опасности? Развитие генной инженерии откроет двери для новых злоупотреблений? Коммерциализация породит новые искушения? Наш ответ — дальнейшее улучшение и распространение образования. Жизнь в современном мире становится все сложнее и сложнее — это означает, что каждому требуется образование все более высокого уровня. Недавно кто-то сказал, что «к 1984 году станет весьма желательным, чтобы даже самый заурядный человек не приходил в замешательство при необходимости использовать логарифмическую таблицу, основы интегрального и дифференциального исчисления, а также определять и употреблять такие слова, как “электрон”, “кулон” и “вольт” В дальнейшем он должен научиться держать в руках не только ручку, карандаш и линейку, но также магнитную ленту, электронную лампу и транзистор. Это — условие лучшей коммуникации, как между индивидами, так и между группами». Похоже, что и международная ситуация требует, прежде всего, чрезвычайных усилий по улучшению образования. Классическая формулировка этого тезиса была дана несколько лет назад сэром Чарльзом Сноу (ныне он лорд) в его лекции Рида:¹ «Утверждение, что мы должны стать образованными или погибнуть, несколько мелодраматично и не совсем соответствует фактам. Но утверждение, что мы должны

Лекция имени сэра Роберта Рида (англ. Sir Robert Rede's Lecture) — ежегодная лекция в Кембриджском университете. Лектор каждый раз специально назначается вице-канцлером университета. — *Примеч. пер.*

стать образованными или уже на своем веку застать крайний упадок, вполне оправданно». Согласно лорду Сноу, гораздо успешнее всех остальных действуют русские, и они «будут иметь огромное преимущество», «пока англичане и американцы не приложат усилия к тому, чтобы стать образованнее, научиться иначе думать и иначе чувствовать».

Вспомним, что лекция лорда Сноу называлась «Две культуры и научная революция», в ней он выражал свою обеспокоенность по поводу того, что «в интеллектуальном отношении западное общество все явственнее поляризуется и раскалывается на две противоположные группы... на одном полюсе — литературно образованные интеллектуалы... на другом — представители точных наук». Он сетует на «пропасть взаимного непонимания», разделяющую эти две группы и хочет, чтобы через нее был перекинут мост. Сейчас, считает он, совершенно ясно, что этот мост необходим. Задачей предлагаемой им образовательной политики было бы, во-первых, получить столько «первоклассных специалистов, сколько только сумеет вырастить наша страна». Во-вторых, сформировать «гораздо более обширный слой высококлассных профессионалов», предназначенных для проведения вспомогательных исследований, высокоуровневого проектирования и развития. В-третьих, обучить еще «тысячи и тысячи» прочих ученых и инженеров и, наконец, обучить «политиков и управленцев, целое сообщество людей, достаточно хорошо разбирающихся в науке, чтобы иметь представление, о чем говорят ученые». Лорд Сноу, по-видимому, предполагает, что если представителей последней группы удастся сделать достаточно образованными, чтобы они, по крайней мере, «имели представление», о чем говорят настоящие люди, то есть ученые и инженеры, то мост между «двумя культурами» возможен.

Эти идеи об образовании, весьма и весьма показательные для нашего времени, оставляют неприятное

впечатление, что от обычных людей, включая политиков, управленцев и прочих, нет особого толку. Они не сумели получить степень, но, по крайней мере, им нужно дать образование, достаточное для того, чтобы они имели представление о том, что происходит, и знали, что ученые имеют в виду, когда говорят — процитируем пример лорда Сноу — о втором законе термодинамики. Я сказал, что это неприятное впечатление, поскольку сами ученые никогда не устают повторять, что плоды их лабораторной деятельности «нейтральны»: обогатят ли они человечество или уничтожат его — зависит от того, как их использовать. А кому решать, как их использовать? Знания и навыки, которым обучают ученых и инженеров, ни малейшим образом не делают их компетентными в принятии таких решений — да разве можно было бы иначе говорить о нейтральности науки?

Если в наши дни возлагается столько надежд на способность образования наделять обычных людей умением справляться с проблемами, которые перед ними ставит научный и технический прогресс, то, наверное, смысл образования не сводится к тому, что вкладывает в это слово лорд Сноу. Наука и инженерия производят «знание-как», но «знание-как» само по себе — ничто, средство без цели, чистая потенция, неоконченное предложение². Отождествить «знание-как» с культурой — это все равно, что отождествить пианино с музыкой. Способно ли образование помочь нам закончить предложение, обратить потенцию в реальность с выгодой для человека?

Для этого первой и главной задачей образования должна стать передача идей о ценностях, о том, к чему нам стремиться в нашей жизни. Нет сомнений, что знания-как тоже должны передаваться, но лишь

² «Знание-как» — перевод используемого Шумахером термина «know-how». Этот термин отличен от введенного Г. Райлом термина «knowing how», который на русский язык тоже переводят как «знание-как». — *Примеч. пер.*

во вторую очередь, поскольку было бы верхом безрассудства вложить в руки людей источник огромной власти, не удостоверившись, что у них есть разумные идеи по поводу того, что с ним делать. В настоящее время трудно сомневаться, что все человечество находится в смертельной опасности — не потому, что нам недостает научного и технического «знания-как», а потому, что мы чаще всего используем его разрушительно, не проявляя мудрости. Образование поможет нам только в том случае, если оно будет больше учить мудрости.

Я предложил считать сущностью образования передачу ценностей, но ценности не помогут нам найти путь в жизни, пока не станут для нас родными, не делаются, так сказать, частью нашего душевного склада. Ценности, следовательно, нечто большее, чем просто формулы или догматические утверждения, они — то, чем мы мыслим и чувствуем, инструменты, с помощью которых мы познаем мир, интерпретируем его и переживаем в опыте. Когда мы мыслим, мы не просто мыслим, а мыслим идеями. Наш ум — не *tabula rasa*. Мы способны помыслить что-либо лишь постольку, поскольку наш ум уже заполнен всевозможными идеями — ими мы и мыслим. На протяжении всего нашего детства и молодости, пока сознание и критическое мышление еще не взяли на себя миссию цензора и стражника у ворот, несметные полчища идей проникают в наш ум. Этот период можно назвать «темными веками»: на его протяжении мы — лишь наследники. Только в более поздние годы мы можем мало-помалу научиться разбираться в полученном наследстве.

Прежде всего, язык. Каждое слово — идея. Ум, в который на протяжении «темных веков» просачивается английский, оказывается в результате заполнен набором идей, принципиально отличающихся от тех, которые представлены в китайском, русском, немецком или даже американском языках. Наряду со словами, мы усваиваем правила их использования друг с

другом, грамматику — еще один пучок идей, исследование его настолько увлекло некоторых современных философов, что, по их мнению, всю философию можно свести к изучению грамматики.

Философы — и не только они — всегда уделяли очень серьезное внимание идеям как *результату мысли и наблюдения*. Но слишком уж мало внимания уделялось в Новое и Новейшее время изучению идей, образующих сами инструменты, при помощи которых осуществляется мысль и наблюдение. Мелкие идеи, быть может, и легко переменить на основе опыта и осознанного размышления, но когда речь идет о более значительных, всеобщих и утонченных идеях, поменять их может оказаться совсем не так просто. На самом деле, зачастую трудно даже осознать их наличие, ведь они — инструменты нашего мышления, а не его результаты. Точно так же вы видите то, что находится вне вас, но не так-то просто увидеть сам глаз, то, с помощью чего вы видите. Зачастую, даже осознав наличие таких идей, их невозможно оценить на основе обычного опыта.

Мы часто замечаем, что в умах других людей присутствуют идеи, *которыми* они мыслят, даже не осознавая этого. Мы называем такие идеи предрассудками — и логически это совершенно правильно, ведь они просто однажды просочились в ум и никоим образом не являются результатами суждения. Но предрассудками обычно называют такие идеи, которые явным образом ошибочны, и ошибочность их может заметить любой, кроме того, кто ими страдает. Большинство идей, которыми мы мыслим, совсем иного рода. К одним из них, например, к тем, которые встроены в слова или грамматику, вообще нельзя применить понятие истинности или ошибочности; другие определенно являются результатами суждения, а не предрассудками; наконец, третьи — молчаливые допущения или предпосылки, осознать которые может быть трудно.

Таким образом, я утверждаю, что мы мыслим идеями (или *посредством* идей), а то, что мы называем мышлением — это, как правило, применение уже имеющих в наличии идей к данной ситуации или набору фактов. Допустим, когда мы размышляем о политической ситуации, то более или менее систематично применяем к ней наши политические идеи, посредством которых мы пытаемся сделать эту ситуацию понятной, «постигаемой» для нас. Сходным образом дело обстоит во всех прочих случаях. Некоторые идеи касаются ценностей: тем самым мы оцениваем ситуацию в свете наших идей-ценностей.

Очевидно, что от того, как мы интерпретируем мир и переживаем его в опыте, очень сильно зависит, какого рода идеи наполняют наш ум. Если они в основном мелкие, слабые, поверхностные и непоследовательные, то жизнь покажется пресной, неинтересной, незначительной и хаотичной. Результатом становится чувство пустоты, которое трудно вынести. Единственное, но слишком простое решение — заполнить вакуум каким-нибудь большим, фантастическим понятием — будь то из области политики или какой угодно другой, — которое внезапно словно озаряет все вокруг, придавая нашему существованию цель и смысл. Нет нужды уточнять, что здесь таится одна из больших опасностей нашего времени.

Когда люди требуют образования, они обычно имеют в виду нечто большее, чем просто привитие навыков, нечто большее, чем просто знание фактов, и нечто большее, чем просто приятное времяпрепровождение. Возможно, они и сами не могут точно сформулировать, чего именно они ищут. Но мне кажется, что в действительности они ищут идей, благодаря которым мир и их собственные жизни станут для них постигаемы. Когда нечто постижимо для вас, вы чувствуете свою сопричастность, когда нечто непостижимо, вы чувствуете отчужденность. «Не знаю» — говорят люди в бессильном протесте против непостижимости

мира, с которым они сталкиваются. Если ум неспособен привнести в мир набор — или, лучше сказать, инструментарий — по-настоящему сильных идей, то мир предстанет перед ним в виде хаоса, массы бессвязных явлений и бессмысленных событий. Обладатель такого ума подобен человеку, очутившемуся без карты в незнакомой местности, где нет ни вех, ни указателей, ни каких бы то ни было признаков цивилизации. Ничто вокруг не имеет для него смысла, не приковывает к себе его заинтересованного взгляда — он лишен средств постижения окружающей его реальности.

Вся традиционная философия представляет собой попытку создать упорядоченную систему идей, предназначенных для того, чтобы с их помощью жить и интерпретировать мир. «Философия, как ее представляли себе греки, — пишет профессор Кун, — это одна большая попытка человеческого ума проинтерпретировать систему знаков и тем самым соотносить человека с миром как всеобъемлющим порядком, в котором есть место и для него». Классическая христианская культура позднего Средневековья подарила человеку чрезвычайно полную и изумительно последовательную интерпретацию знаков, а именно систему жизнеопределяющих идей, дающую подробнейшую картину человека, вселенной и места человека во вселенной. Но эта система была впоследствии расшатана и разорвана на части. Результатом стали потеря ориентиров и отчужденность, никем не выраженные более драматично, чем Кьеркегором в середине прошлого века:

Говорят можно ковырнуть пальцем землю и понюхать, чтобы узнать, куда ты попал, я ковыряю существование, — оно ничем не пахнет. Где я? Что такое мир? Что означает самое это слово? Кто обманом вовлек меня сюда и бросил на произвол судьбы? Кто я? Как я пришел и мир? Почему меня не спросили раньше, не познакомили со здешними нравами и обычаями, а прямо втиснули в шеренгу, словно рекрута, завербованного поставщиком

душ? Откуда взялась во мне заинтересованность в этом крупном предприятии, именуемом действительностью? Каков мой интерес? Разве участие это не в воле каждого? А если я обязан участвовать, то где председатель? К кому же мне обратиться с жалобой?³

Возможно, никакого председателя и нет. Бертран Рассел говорил, что вся вселенная — «суть лишь результат случайного сцепления атомов», и что научные теории, ведущие к такому заключению, «если и не совсем вне критики, то до такой степени достоверны, что любая философия, их отвергающая, обречена... Только на твердом фундаменте полного отчаяния можно теперь строить надежное убежище для души». Астроном сэра Фред Хойл говорит о «поистине ужасающей ситуации, в которой мы оказались. Посреди этой совершенно фантастической вселенной мы едва ли представляем, имеет ли наше существование какое-то реальное значение».

Отчужденность порождает одиночество и отчаяние, «встречу с ничто»⁴, цинизм, пустые жесты неповиновения — все это видно сегодня на примере большей части экзистенциалистской философии и литературы в целом. Или же она внезапно оборачивается страстным принятием какого-нибудь рассчитанного на фанатиков учения, которое, чудовищно упрощая реальность, делает вид, что дает ответы на все вопросы. Так, какова же причина отчужденности? Никогда не переживала наука большего триумфа, никогда не была власть человечества над окружающей средой более полной, а его прогресс — более стремительным. Значит, вовсе не недостаток знания-как приводит в от-

Пер. по: Кьеркегор С. Повторение. М., 1997. С. 89. — *Примеч. пер.*

⁴ «Встреча с ничто: опыт экзистенциальной философии» (нем. *Begegnung mit dem Nichts: Ein Versuch über die Existenzphilosophie*) — книга немецкого философа Гельмута Куна (1899–1991), которого Шумахер цитирует выше. — *Примеч. пер.*

чаяние не только религиозных мыслителей, таких как Кьеркегор, но и ведущих математиков и ученых, таких как Рассел и Хойл.

Мы умеем многое, но знаем ли мы, что именно нам нужно? Ортега-и-Гассет лаконично формулирует эту проблему: «В отсутствие идей мы не можем вести жизнь на человеческом уровне. От них зависит то, что мы делаем. Жить означает, не больше и не меньше, делать что-то одно, вместо чего-то другого». Если так, то что же такое образование? Это передача идей, делающих человека способным выбирать между чем-то одним и чем-то другим, или, если снова процитировать Ортегу, «прожить жизнь, которая будет чем-то большим, чем бессмысленной трагедией или внутренним переживанием позора».

Как, к примеру, помогло бы нам в этом знание второго закона термодинамики? Лорд Сноу рассказывает, что когда образованные люди сокрушаются по поводу «безграмотности ученых», он иногда спрашивает их, многие ли среди них могут описать второй закон термодинамики. Ответ, по его словам, обычно холоден и отрицателен. «А ведь этот вопрос, — говорит он, — можно считать в области науки примерным эквивалентом вопроса: читали ли вы Шекспира?» Подобное утверждение — вызов самим основам цивилизации. Настоящее значение имеет инструментарий идей, которыми, с помощью которых и посредством которых мы интерпретируем мир и переживаем его в опыте. Второй закон термодинамики — не более чем рабочая гипотеза, уместная для использования в разного рода научных исследованиях.

С другой стороны, произведения Вильяма Шекспира изобилуют самыми жизнеопределяющими идеями, касающимися внутреннего развития человека, показывают весь блеск и всю нищету человеческого существования. Разве могут эти две вещи быть равносильными? Что я теряю как человеческое существо, ни разу не слышав о втором законе термодинамики? От-

вет: ничего⁵. А что я теряю, не зная Шекспира? Если только я не получу понимание из других источников, то попросту потеряю всю свою жизнь. Учить ли нам наших детей, что эти две вещи равноценны: тут — немного знания физики, там — немного знания литературы? Если мы будем так делать, то грехи отцов падут на головы детей третьего и четвертого колена, ведь именно столько времени проходит обычно с момента рождения идеи до ее полного созревания, когда она заполняет головы людей нового колена, которые начинают ею мыслить.

Наука неспособна произвести идеи, которыми мы могли бы жить. Даже величайшие идеи науки — не более чем рабочие гипотезы, полезные, когда речь идет о целях специального исследования, но совершенно непригодные для интерпретации мира и для того, чтобы направлять нашу жизнь. Таким образом, если человек ищет образования потому, что чувствует себя отчужденным и потерявшим ориентиры, потому, что жизнь кажется ему пустой и бессмысленной, то, изучая есте-

Примечание: Кстати, второй закон термодинамики гласит, что тепло не может само по себе перейти от более холодного тела к более горячему, или, выражаясь проще, «Вы не можете согреться о предмет, который холоднее вас самих», — знакомая, хотя и не слишком вдохновляющая идея, которую совершенно неоправданно расширили до псевдонаучного представления о том, что вселенная с необходимостью должна закончить свои дни своего рода «тепловой смертью», когда все температурные различия исчезнут.

Конец, конец, огарок догорел!
 Жизнь — только тень, она — актер на сцене.
 Сыграл свой час, побегал, пошумел —
 И был таков. Жизнь — сказка в пересказе
 Глупца. Она полна трескучих слов
 И ничего не значит.

(Шекспир В. Макбет. Акт V. Сц. 5 / пер. Б. Пастернака. — *Примеч. пер.*)

Этими словами Макбет встретил свое последнее несчастье. Сегодня их повторяют на правах науки, в то время как эта наука переживает величайший триумф за все времена.

ственные науки, то есть, приобретая «знание-как», он не получит того, что ищет. Их изучение имеет свою ценность, которую я не намерен преуменьшать: благодаря ему человек очень много узнаёт об устройстве природы и об инженерном искусстве, но оно ничего не говорит ему о смысле жизни и никоим образом не излечивает его отчужденность и скрытое отчаяние.

Если так, то куда же он обратится? Возможно, несмотря на все то, что он слышит о научной революции и о том, что наш век — это век науки, он обратится к так называемым гуманитарным дисциплинам. Здесь, если ему повезет, он действительно может найти великие и жизнеопределяющие идеи, которыми он сможет мыслить, которые сделают для него мир, общество и его собственную жизнь постигаемыми. Каковы основные идеи, которые он имеет шанс найти в этой области сегодня? У меня нет возможности составить полный их список, поэтому ограничусь тем, что перечислю шесть ведущих идей — все они берут начало в XIX веке, который, насколько я могу видеть, по-прежнему господствует в умах «образованных» людей.

1. Идея эволюции: из низших форм непрерывно развиваются высшие — и это естественный и автоматический процесс. Последние 100 лет или около того реальность во всех без исключения ее аспектах систематически рассматривается сквозь призму этой идеи.

2. Идея конкуренции, естественного отбора, выживания наиболее приспособленного, претендующая на объяснение этого естественного, автоматического процесса эволюции и развития.

3. Идея о том, что все высшие проявления человеческой жизни, такие как религия, философия, искусство и проч. (Маркс назвал их «туманными образованиями в мозгу людей») — не более чем «необходимые продукты, своего рода испарения их [людей] материального жизненного процесса»⁶, надстройка, воздвигнутая для

⁶ Пер. по: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. М., 1965. С. 25. — *Примеч. пер.*

того, что бы замаскировать и поддержать экономические интересы. В действительности же вся человеческая история — это история классово-борьбы.

4. Можно подумать, будто с марксистской интерпретацией высших проявлений человеческой жизни конкурирует фрейдистская, в которой они сводятся к темным побуждениям подсознания и объясняются, главным образом, нереализованным желанием инцеста в детские года и ранний подростковый период.

5. Общая идея релятивизма, которая включает отрицание всех абсолютов, размывает любые нормы и стандарты, ведет к полному подрыву идеи истины в прагматизме и оказывает влияние даже на математику, которую Бертран Рассел определил как «предмет, где мы никогда не знаем, о чем мы говорим и истинно ли нами сказанное».

6. Наконец, торжествующая идея позитивизма, согласно которой никакое знание не надежно, если его нельзя достичь методами естественных наук. Следовательно, никакое знание не подлинно, если оно не основывается на общедоступных для наблюдения фактах. Другими словами, позитивизм интересуется исключительно знанием-как и отрицает возможность объективного знания о смысле или цели.

Думаю, никто не захочет отрицать размах и влияние этих шести «больших» идей. Они — не результат какого бы то ни было строгого эмпиризма. Ни одну из них нельзя верифицировать никакими фактами. Каждая из них представляет собой гигантский прыжок воображения в непознанное и непознаваемое. Разумеется, трамплином для прыжка была маленькая площадка наблюдаемых фактов. Эти идеи не смогли бы так прочно засесть в умах людей, если бы каждая из них не содержала в себе важную долю истины. Но существенная характеристика всех этих идей состоит в их претензии на всеобщность. Эволюция подводит под свои законы все явления — не только материальные, от *космических туманностей* до *homo sapiens*,

но и духовные, такие как язык или религия. Конкуренция, естественный отбор и выживание наиболее приспособленного преподносятся не как совокупность наблюдений, одна из многих, а как всеобщие законы. Маркс не говорит, что историю иногда творила классовая борьба. Нет, «научный материалист», поступая не слишком-то научно, распространяет эти отдельные наблюдения, ни много ни мало, на «всю историю общества до нынешнего времени». Так же и Фрейд не довольствуется тем, чтобы сообщить о ряде клинических наблюдений, но предлагает всеобщую теорию человеческой мотивации, утверждая, например, что вся религия — не что иное, как обсессивный невроз. Релятивизм и позитивизм — это, разумеется, чистой воды метафизические доктрины, с той лишь своеобразной и ироничной особенностью, что они отрицают правомерность всякой метафизики, включая свою собственную.

Что общего у этих шести «больших» идей, помимо их не-эмпирической, метафизической природы? Каждая из них включает положение, что нечто, принявшееся раньше за явление высшего порядка, на самом деле представляет собой «не что иное», как более утонченное проявление «низшего», если, конечно, не отрицается само различие высшего и низшего. Так, человек, подобно всей остальной вселенной, на самом деле не что иное, как случайное сцепление атомов. Различия между человеком и камнем — по большей части обманчивая видимость. Величайшие достижения человека в области культуры — не что иное, как замаскированные проявления экономической алчности или результат сексуальной фрустрации. В любом случае, бессмысленно говорить, что человек должен стремиться к «высшему», а не к «низшему», потому что нет никакого вразумительного смысла, который можно было бы приписать таким чисто субъективным понятиям, как «высшее» и «низшее», а слово «должен» — всего лишь знак деспотической мании величия.

Идеи отцов пали на головы третьего и четвертого колен, живущих во второй половине XX века. Для их создателей эти идеи были попросту результатом интеллектуальной деятельности. В третьем и четвертом коленах они стали самими орудиями и инструментами, посредством которых мир интерпретируется и переживается в опыте. Тот, кто привносит новые идеи, редко сам бывает ими ведом. Но в третьем и четвертом коленах его идеи обретают власть над человеческими жизнями: именно тогда они становятся частью того огромного скопища идей, таких как язык, которые просачиваются в ум человека в период его «темных веков».

Сегодня идеи XIX века прочно сидят в умах практически всех людей западного мира как образованных, так и необразованных. В умах необразованных людей они по-прежнему весьма запутанны и туманны, слишком слабы, чтобы сделать мир постигаемым. Отсюда и возникает жажда образования, то есть чего-то такого, что выведет нас из темного леса неразберихи и невежества к свету понимания.

Я уже сказал, что образование, затрагивающее исключительно точные науки, не может этого для нас сделать, поскольку имеет дело только со знанием-как, тогда как мы нуждаемся в понимании того, почему вещи таковы, каковы они есть, и что мы должны делать с нашей жизнью. Знание, получаемое нами от изучения каждой отдельной науки, в любом случае, слишком специфично и узкоспециально, чтобы помочь в достижении целей широкого плана. Поэтому мы обращаемся к гуманитарным дисциплинам, чтобы обрести ясное видение больших и жизнеопределяющих идей нашей эпохи. Даже в гуманитарных дисциплинах мы можем увязнуть в массе узкоспециальной учености, начиняющей наш ум множеством мелких идей, таких же неуместных, как и идеи, которые мы можем получить из естественных наук. Но нам может улыбнуться удача (если речь вообще идет об удаче):

мы можем найти учителя, который «расчистит наши умы», прояснит идеи — «большие» и всеобщие идеи, уже присутствующие в наших умах — и тем самым сделает мир постигаемым для нас.

Такой процесс действительно заслуживал бы называться «образованием». А что дает нам нынешнее образование? Видение мира как пустоши, где нет ни смысла, ни цели, где человеческое сознание — обидная и невероятная случайность, где в конечном счете реальны только боль и отчаяние. Когда — с помощью настоящего образования — человеку удастся взобраться на «высоту времени» (выражение Ортеги) или «высоту идей нашего времени», он оказывается в бездне небытия. Его чувствам словно вторят слова Байрона:

Скорбь — знание, и тот, кто им богаче,
Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания — не древо жизни⁷.

Другими словами, даже гуманистическое образование, поднимая нас на высоту идей нашего времени, не может «принести благ», потому что люди совершенно справедливо ищут более изобильной жизни, а не горя.

Что же случилось? Как такое стало возможным? Ведущие идеи XIX века, якобы покончившие с метафизикой, сами по себе — плохая, извращенная, противная жизни метафизика. Мы страдаем ими как смертельным расстройством. Неправда, что знание — горе. Но губительные заблуждения приносят безмерное горе в третьем и четвертом коленах. Это заблуждения не науки, но философии, провозглашаемой от имени науки. Этьен Жильсон выразил эту мысль более 20 лет назад:

Подобное развитие событий вовсе не было неизбежным, но ускоряющийся прогресс естественных наук делал его все более вероятным. Растущий интерес к практической пользе науки был сам по себе и естественен, и справед-

Байрон Дж. Г. Манфред. Акт 1. Ст. 1 / пер. И. Бунина // Байрон Дж. Г. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1981. — Примеч. пер.

лив, но заставил людей забыть, что наука — это знание, а практическая польза — всего лишь его побочный продукт... Перед лицом неожиданных успехов в деле основательного объяснения устройства материального мира, люди стали либо презирать все дисциплины, лишенные подобной доказательности, либо переделывать их по образу естествознания. Было решено, что метафизика и этика должны быть либо исключены из поля зрения, либо заменены новыми позитивными науками; в обоих случаях они были бы устранены. Этой опасной тенденцией объясняется то рискованное положение, в котором западная культура оказалась к данному моменту.

Нельзя даже сказать, что метафизика и этика были бы устранены. Напротив, все, что мы получили — плохую метафизику и отвратительную этику.

Историки знают, что метафизические заблуждения могут привести к смерти. Р.Дж. Коллингвуд писал:

Диагноз, поставленный греко-римской цивилизации Отцами Церкви, приписывает ее упадок метафизическому расстройству.. Не нападения варваров разрушили греко-римский мир... Причины были метафизического характера. «Языческий» мир, говорили они [Отцы Церкви], не сумел уберечь свои собственные основополагающие убеждения, поскольку из-за неудач метафизического анализа возникла путаница по поводу того, в чем же эти убеждения состоят... Если бы метафизика была всего лишь интеллектуальной роскошью, это не имело бы значения.

Этот отрывок без всяких изменений можно отнести к сегодняшней цивилизации. Мы запутались и не знаем, каковы наши настоящие убеждения. Наши умы могут быть так или иначе заполнены великими идеями XIX века, но наши сердца все равно в них не верят. Друг с другом воюют ум и сердце, а не разум и вера, как обычно говорят. Наш разум помутнен необыкновенной, слепой и неразумной верой в несколько фантастических и противных жизни идей, унаследованных из XIX столетия. Первейшая задача нашего разума — найти для себя другую веру, более истинную, чем эта.

Образование не поможет нам, если оно не оставляет места метафизике. Независимо от того, относится ли предмет к точным наукам или к гуманитарным дисциплинам, если его преподавание не способствует прояснению метафизики, то есть основополагающих убеждений, то оно не делает человека образованным и, следовательно, не может представлять для общества настоящей ценности.

Часто говорят, что образование терпит крах из-за чрезмерной специализации. Но такой диагноз обманчив и недостаточен. Сама специализация не является плохим образовательным принципом. Какие у нее альтернативы? Поверхностное усвоение всех основных предметов на дилетантском уровне? Или длительное *studium generale*, когда людей заставляют тратить время, мучаясь с предметами, которыми они не собираются заниматься в будущем, и мешают им, тем самым, погрузиться в изучение того, что им действительно интересно? Такие системы никак не могут быть правильным решением, потому что порождают тот тип интеллектуала, о котором осуждающе высказался кардинал Ньюмен: «Интеллектуал, как его представляют сегодня... это тот, у кого есть «взгляды» по всем философским вопросам и по всем злободневным темам». Такое обилие «взглядов» — скорее знак невежества, чем знания. «Я научу тебя [правильному отношению] к знанию, — сказал однажды Конфуций. — Зная что-либо, считай, что знаешь, не зная, считай, что не знаешь, — это и есть [правильное отношение] к знанию»⁸.

Настоящий изъян кроется не в специализации, а в недостаточной глубине преподнесения предметов и в отсутствии осведомленности в вопросах метафизики. Преподавание наук в его нынешнем виде не предполагает осведомления учащихся ни о предпосылках науки, ни о смысле и значении научных законов, ни о месте естественных наук в космосе человеческой мыс-

ли. В результате, предпосылки науки сплошь и рядом принимаются за ее открытия. Преподавание экономической науки в его нынешнем виде не предполагает осведомления учащихся о том, какое представление о человеческой природе лежит в основе экономической теории наших дней. На самом деле многие экономисты и сами не осведомлены о том факте, что это представление неявно присутствует в их учении, и что если бы это представление изменилось, то почти все их теории пришлось бы менять. Как может учение о политике быть рациональным, если оно не исследует все вопросы вплоть до их метафизических корней? Политическое мышление неизбежно должно впасть в путаницу и окончиться демагогией, если серьезное изучение связанных с ним метафизических и этических проблем продолжает отвергаться. Путаница уже достигла таких размеров, что можно справедливо усомниться в образовательной ценности изучения многих так называемых гуманистических предметов. Я говорю «так называемых» потому, что едва ли предмет можно назвать гуманистическим, если принятое в нем представление о человеческой природе не эксплицировано.

Все предметы, вне зависимости от того, насколько они узкоспециальны, связаны с сердцевиной — они подобны лучам, испускаемым солнцем. Сердцевину составляют наши самые основные убеждения, те идеи, которые действительно имеют над нами власть. Другими словами, сердцевина состоит из метафизики и этики, из идей, которые, нравятся нам это или нет, выходят за пределы мира фактов. Поскольку они выходят за пределы мира фактов, их нельзя подтвердить или опровергнуть, используя обыкновенный научный метод. Но это не означает, что эти идеи чисто «субъективны», или «относительны», или же представляют собой всего лишь произвольные конвенции. Пусть и выходя за пределы мира фактов, они должны хранить верность реальности — явный парадокс с точки зрения наших мыслителей-позитивистов. Если какие-то

идеи не хранят верность реальности, то приверженность им неизбежно должна привести к катастрофе.

Образование поможет нам только в том случае, если будет создавать «полноценных людей». По-настоящему образованный человек — это не тот, кто знает всего понемножку, и даже не тот, кто знает каждый предмет во всех деталях (даже если бы такое было возможно). В действительности «полноценный человек» может почти не иметь детального знания фактов и теорий и дорожить энциклопедией «Британника» потому, что она избавляет от необходимости учить то, что знает сама, но он всегда будет поддерживать по-настоящему близкую связь с сердцевинной. У него не будет сомнений по поводу того, каковы его основные убеждения и в чем заключаются смысл и цель его жизни. Возможно, он и не будет в состоянии выразить все эти вещи в словах, но сама его жизнь станет свидетельством уверенного их понимания, обретенного благодаря внутренней ясности.

Попытаюсь объяснить несколько подробнее, что понимается под «сердцевинной». Любая человеческая деятельность представляет собой стремление к чему-то, что мыслится как благо. Это не более чем тавтология, но она помогает нам поставить правильный вопрос: «Благо для кого?» Для того человека, о стремлении которого идет речь. Таким образом, если этот человек не расставит по местам и не согласует свои многочисленные порывы, стимулы и желания, то его устремления, скорее всего, будут запутанны, противоречивы, безуспешны и, вполне вероятно, разрушительны. Очевидно, тем самым, что «сердцевина» — это место, где он должен выстроить упорядоченную систему идей о себе и мире, которая будет задавать направленность его различным устремлениям. Если он никогда не задумывался о том, чтобы это сделать (ведь он всегда так занят или просто гордится тем, что «скромно» считает себя агностиком), то и тогда сердцевина ни в коем случае не будет пустовать: в ней

найдут прибежище все те жизнеопределяющие идеи, которые тем или иным образом проникли в его ум в период «темных веков». Я попытался показать, что эти идеи являют собой сегодня: полное отрицание смысла и цели существования людей на Земле, приводящее любого, кто действительно поверит в эти идеи, в полное отчаяние. К счастью, как я уже говорил, сердце зачастую оказывается сообразительнее, чем ум, и отказывается принять эти идеи во всей их полноте. Это спасает человека от отчаяния, но, создавая путаницу, приводит его в замешательство. Путаница царит в его основополагающих убеждениях, отсюда — путаница и неопределенность в его действиях. Если бы только он позволил свету сознания озарить сердцевину и задался вопросом об основополагающих убеждениях — он создал бы порядок там, где сейчас беспорядок. Тем самым он стал бы «образованным» в том смысле, что покинул бы тьму метафизической путаницы.

Но я не думаю, что он сможет добиться в этом успеха до тех пор, пока совершенно осознанно — пусть и только предварительно — не примет некоторые метафизические идеи, почти напрямую противоположные засевшим в его уме идеям из XIX века. Приведу три примера.

Тогда как идеи XIX века направлены на отрицание или устранение иерархии уровней универсума, представление об иерархическом порядке — неотъемлемый инструмент понимания. Не признавая «уровней бытия» или «степеней значимости», мы не можем сделать для себя мир постигаемым, и мы лишены всяких шансов определить собственное место, место человека, в схеме универсума. Только лишь взглянув на мир как на лестницу и определив место, отведенное на этой лестнице человеку, мы сможем признать за ним некую задачу, наделяющую его существование на Земле смыслом. Возможно, задача человека — или, если хотите, его счастье — заключается в том, чтобы достичь более высокой степени реализации своих по-

тенций, более высокого уровня бытия, или «степени значимости», чем даны ему «от природы». Но нельзя даже проверить такое предположение, если не признать существование иерархической структуры. До тех пор пока мы интерпретируем мир посредством великих жизнеопределяющих идей XIX века, они ослепляют нас и не дают увидеть этих различий в уровнях.

Но как только мы примем существование «уровней бытия», то без труда сможем понять, почему, например, методы естествознания нельзя использовать для изучения политики или экономики и почему открытия физики — что, кстати, понимал и признавал Эйнштейн — не имеют философских следствий.

Если принять аристотелевское разделение метафизики на онтологию и эпистемологию, то высказывание о наличии уровней бытия — онтологическое. Добавлю к нему эпистемологическое: природа нашего мышления такова, что мы не можем не мыслить посредством противоположностей.

Нетрудно заметить, что на протяжении всей нашей жизни перед нами встает задача по примирению противоположностей, которые с точки зрения логики примирить нельзя. Типичные жизненные проблемы нельзя решить, оставаясь на том уровне бытия, на котором мы обычно находимся. Как примирить требования свободы и дисциплины в образовании? Бесчисленные учителя и матери действительно делают это, но никто не может записать решение на бумаге. Они делают это, прибегая к способности высшего уровня, на котором противоположности преодолеваются, — к способности любви.

Дж.Н.М. Тиррел ввел термины «конвергентный» и «дивергентный», чтобы различать проблемы, которые можно и которые нельзя решить с помощью логических умозаключений. Нашей жизнью движут дивергентные проблемы, которые нужно «прожить» и которые решаются только с приходом смерти. С другой стороны, конвергентные проблемы — самое полезное

изобретение человека. Они не существуют в реальности, а создаются в процессе абстрагирования. Когда такая проблема решена, ее решение можно записать на бумаге и сообщить другим людям, которые смогут использовать это решение, не воспроизводя затраченных на него умственных усилий. Если бы с человеческими взаимоотношениями — в семье, экономике, политике, образовании и т.д. — дело обстояло так же, то... как же мне закончить предложение?.. В общем, никаких человеческих взаимоотношений больше бы не было, а были бы только механические реакции: мы все были бы живыми мертвецами. Дивергентные проблемы, так сказать, заставляют человека тянуться к более высокому уровню, их решение требует вмешательства сил высшего уровня, что порождает спрос на такие силы, а вслед за этим ведет и к росту их предложения: в результате в нашу жизнь проникают любовь, красота, добро и истина. Только с помощью этих высших сил противоположности можно примирить в процессе жизненного опыта.

Естествознание и математика занимаются исключительно конвергентными проблемами. Именно поэтому они могут развиваться поступательно, а каждое новое поколение может начинать прямо оттуда, где остановились его предшественники. Но цена этого высока. Занимаясь одними только конвергентными проблемами, мы не оказываемся ближе к жизни, а, наоборот, отдаляемся от нее. Чарльз Дарвин в своей автобиографии писал:

До 30-летнего возраста, или даже позднее, мне доставляла большое удовольствие всякого рода поэзия и еще в школьные годы я с огромным наслаждением читал Шекспира, особенно его исторические драмы. Я указывал также, что в былое время находил большое наслаждение в живописи и еще большее — в музыке. Но вот уже много лет, как я не могу заставить себя прочитать ни одной стихотворной строки; недавно я пробовал читать Шекспира, но это показалось мне невероятно, до отвращения, скуч-

ным. Я почти потерял также вкус к живописи и музыке... Кажется, что мой ум стал какой-то машиной, которая перемальывает большие собрания фактов в общие законы, но я не в состоянии понять, почему это должно было привести к атрофии одной только той части моего мозга, от которой зависят высшие [эстетические] вкусы... Утрата этих вкусов равносильна утрате счастья и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы⁹.

Это обнищание, столь волнующе описанное Дарвином, постигнет всю нашу цивилизацию, если мы позволим сохраниться нынешним тенденциям, которые Жильсон называет «распространением позитивной науки на социальные факты». Все дивергентные проблемы можно превратить в конвергентные с помощью «редукции». Но результатом станет утрата всех высших сил, облагораживающих человеческую жизнь, и деградация не только эмоциональной стороны нашей природы, но, вдобавок, как верно почувствовал Дарвин, наших умственных способностей и нравственных качеств. Признаки этого видны сегодня повсюду.

Настоящие жизненные проблемы — в политике, экономике, образовании, браке и т.д. — это всегда проблемы преодоления или примирения противоположностей. Это дивергентные проблемы, их нельзя решить, отталкиваясь от обыденного восприятия мира. Для их решения требуется не просто задействовать мыслительные силы, но посвятить все свое существо. Разумеется, иллюзорные решения в виде умных формул предлагаются постоянно, но они никогда не работают долго, поскольку неизменно строятся на отрицании одной из противоположностей и тем самым ведут к потере качественного понимания человеческой жизни.

Darwin Ch. Autobiography / ed. by N. Barlow. L.: Wm. Collins Sons & Co. Ltd., 1958. [Пер. по: Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера // Дарвин Ч. Сочинения. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1959. — Примеч. пер.]

ни. В случае экономики предложенное решение может предусматривать свободу, но не планирование, или *vice versa*. В случае промышленной организации оно может предусматривать дисциплину, но не участие рабочих в управлении, или *vice versa*. В случае политики оно может предусматривать фигуру лидера в отсутствие демократии, или, опять же, демократию без фигуры лидера.

Когда приходится разбираться с дивергентными проблемами, это, как правило, изнуряет, тяготит и тревожит. Поэтому люди пытаются избежать их и скрыться от них. Занятой руководитель, весь день имевший дело с дивергентными проблемами, по дороге домой прочтет детективную историю или решит кроссворд. Но ведь он напрягал мозг весь день. Почему же он продолжает это делать? Ответ в том, что детектив и кроссворд — источники конвергентных проблем, и это помогает расслабиться. Они требуют некоторых мозговых усилий, быть может даже серьезных, но зато они не вызывают этого невыносимого напряжения в попытках дотянуться до высшего уровня — последнее свойственно исключительно дивергентным проблемам, проблемам примирения непримиримых противоположностей. Только дивергентные проблемы составляют настоящую материю жизни.

Теперь, наконец, я обращусь к третьему классу понятий метафизики. Я утверждаю, что они принадлежат метафизике, хотя обычно они рассматриваются отдельно: речь идет о понятиях этики.

Как мы видели, в XIX веке наиболее влиятельные идеи вели к отрицанию или, по меньшей мере, затушевыванию концепции «уровней бытия» и идеи, согласно которой одни вещи занимают более высокое положение, чем другие. Это, разумеется, означало крушение этики, основанной на различении добра и зла и предполагающей, что добро занимает более высокое положение, чем зло. И, как уже было сказано, грехи отцов падают на головы третьего и четвертого

колен, которые росли без каких бы то ни было моральных наставлений. Люди, придумавшие идею, что «мораль — это чушь», использовали для этого ум, хорошо укомплектованный идеями морали. Но умы третьего и четвертого колен уже не укомплектованы такими идеями: они укомплектованы идеями, придуманными в XIX веке, а именно, что «мораль — это чушь», что все, представляющееся «высшим», на самом деле совершенно убого и вульгарно.

Невозможно описать возникшую в результате путаницу. Каков тот, как сказали бы немцы, *Leitbild*, тот путеводный образ, которым юношество могло бы руководствоваться в своем образовании и самовоспитании? Его нет, или, вернее, царит такая неразбериха и мешанина образов, что из них нельзя извлечь никакого осмысленного направляющего принципа. Интеллектуалы, функция которых должна бы состоять в наведении порядка, проводят время в рассуждениях о том, что все относительно — или еще о чем-то, что ведет к тем же заключениям. Или же они рассуждают о вопросах этики с позиций самого беззастенчивого цинизма.

Приведу пример, на который я уже ссылался выше. Он показателен, поскольку это пример одного из самых влиятельных людей нашего времени, позднего лорда Кейнса. «Еще сто лет, не меньше, — писал он, — мы должны будем убеждать себя и окружающих в том, что зло есть добро, добро есть зло, поскольку зло полезно, а добро — нет. Жадность, ростовщичество и предусмотрительность должны еще какое-то время оставаться нашими богами».

Можно не удивляться, что, когда выдающиеся и потрясающие люди говорят подобное, возникает известная путаница с различением добра и зла, которая выливается в демагогию, когда все спокойно, и в преступления — стоит жизни слегка прийти в движение. Что жадность, ростовщичество и предусмотрительность (то есть экономическая безопасность) должны

быть нашими богами — для Кейнса это было всего лишь светлой идеей: у него-то, можно не сомневаться, были более благородные боги. Но ничто на свете не обладает такой силой, как идеи, и едва ли будет преувеличением сказать, что к нынешнему времени боги, которых он посоветовал, взошли на трон.

В этике, как и в очень многих других областях, мы безрассудно, хоть и умышленно, отказались от великого наследия классического христианства. Мы низвели даже сами слова, без которых невозможно рассуждать об этических вопросах, — добродетель, любовь, умеренность. В результате мы совершенно невежественны и необразованны в предмете, самом важном из всех, какие только можно себе представить. Мы лишены идей, посредством которых мы могли бы мыслить, и нам только и остается, что поверить, будто этика — это область, где мышлению делать нечего. Кто сегодня хоть что-нибудь знает о семи смертных грехах или четырех кардинальных добродетелях? Кто-нибудь сможет хотя бы их перечислить? А если мы считаем, что эти почтенные старые идеи не стоят того, чтобы о них беспокоиться, то какие новые идеи пришли на их место?

Что займет место противной жизни и душе метафизики XIX века? У меня нет сомнений в том, что задача нашего поколения — метафизическое переустройство. Нельзя сказать, чтобы нам нужно было изобретать что-то новое, но в то же время недостаточно просто вернуться к старым формулам. Наша задача — и задача всего образования — понять сегодняшний мир, мир, в котором мы живем и в котором мы выбираем.

Проблемы образования — это всего лишь отражение наиболее глубинных проблем нашей эпохи. Их нельзя решить с помощью организации, управления или денежных расходов, хотя я и не отрицаю значение всего перечисленного. Мы страдаем метафизическим расстройством и нам нужно метафизическое лечение. Образование, не способное разъяснить нам наших

сердцевинных убеждений — это всего лишь привитие навыков, а то и вовсе индульгенция. Ведь именно в наших сердцевинных убеждениях царит беспорядок, и до тех пор, пока будут сохраняться нынешние антиметафизические настроения, беспорядок будет усугубляться. Образование и в помине не будет больше величайшим ресурсом человека, а превратится в орудие разрушения — в точном соответствии с принципом *corruptio optimi pessima*¹⁰.

¹⁰ Падение доброго — самое злое падение (лат.). — Примеч. пер.

VII. *Надлежащее использование земли*

Не может быть сомнений, что величайший среди материальных ресурсов — это земля. Изучите, как общество использует свою землю, и вы сможете вполне достоверно заключить, каково будет его будущее. Земля обеспечивает существование пахотного слоя почвы, который, в свою очередь, обеспечивает существование необъятного многообразия живых существ, включая человека. В 1955 году Том Дейл и Вернон Джилл Картер, экологи с большим стажем, опубликовали книгу под названием «Пахотный слой и цивилизация». Нет ничего лучше для решения стоящих передо мной в данной главе задач, чем процитировать некоторые из ее вступительных абзацев:

Цивилизованный человек почти всегда был способен добиться временного господства над окружающей средой. Его главной бедой стала иллюзия, будто это господство вечно. Он считал себя «господином мира», не имея полного понимания законов природы.

Человек, будь он цивилизован или дик, — дитя природы, а не ее господин. Если он хочет сохранить власть над своей окружающей средой, то должен действовать с оглядкой на определенные природные законы. Пытаясь обмануть эти законы, он обычно разрушает ту естественную окружающую среду, на которую опирается его собственное существование. И когда окружающая среда стремительно разрушается, цивилизация приходит к упадку.

Кто-то обобщил всю историю словами: «Цивилизованный человек прошествовал по лицу Земли, оставив пустыни в отпечатках своих ног». Такое утверждение, быть может, и преувеличено, но не лишено оснований. Цивилизованный человек разграбил большинство земель, на которых жил долгое время. Это главная причина, по которой развивающиеся цивилизации перемещались с места на место. Это главная причина упадка цивилизаций

в издавна населенных регионах. Это — главенствующий фактор, определивший все исторические тенденции.

Те, кто пишет историю, редко замечали, какое значение имеет использование земли. Не похоже, чтобы они осознавали, что судьбы большинства человеческих цивилизаций и империй были в значительной степени определены тем, каким образом использовалась земля. Осознавая влияние окружающей среды на историю, они при этом не в состоянии заметить, что человек обычно изменял или грабил свою окружающую среду.

Каким образом цивилизованный человек грабил благоприятную для него окружающую среду? Главным образом, истощая или уничтожая природные ресурсы. Он вырубал или сжигал большую часть пригодного к использованию дерева на лесистых горных склонах и в долинах. Чрезмерным выпасом своего домашнего скота он превращал травянистые луга в голую пустошь. Он истреблял множество диких животных, рыб и других водных обитателей. Он допускал, чтобы эрозия лишила его фермерские угодья плодородного пахотного слоя. Он позволял унесенной эрозией почве засорить реки и наполнить его водохранилища, ирригационные каналы и гавани илом. Во многих случаях он использовал и растрачивал большую часть легко добываемых металлов и других полезных ископаемых. После этого либо его цивилизацию ожидал упадок посреди им самим учиненных грабежей, либо он переселялся в новое место. К настоящему моменту существовало от десяти до тридцати цивилизаций (число зависит от того, какой классификацией цивилизаций мы воспользуемся), прошедших по этому пути к краху¹.

Похоже, «экологическая» проблема» не так нова, как часто представляют. Но есть два решительных отличия: во-первых, Земля сегодня населена гораздо гуще, чем в прежние времена, и переселяться по большому счету некуда; и, во-вторых, темп изменений идет намного быстрее, особенно в последнюю четверть столетия.

Dale T., Carter V.G. Topsoil and Civilisation. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1955.

И все равно по-прежнему господствует убеждение, что (что бы там ни случилось с цивилизациями прежних времен), наша собственная, современная западная цивилизация освободилась из-под зависимости от природы. Показательна позиция главного редактора «Бюллетеня ученых-атомщиков»² Евгения Рабиновича. В выпуске газеты «The Times» от 29 апреля 1972 года он пишет:

Единственные животные, — исчезновение которых могло бы угрожать биологическому выживанию человека на Земле — это бактерии, населяющие наши тела. Что касается всех остальных — нет убедительных доказательств того, что человечество не сумело бы выжить, даже оставшись единственным видом животных на Земле! Если бы были созданы экономические условия для синтеза пищи из сырых неорганических материалов (что, скорее всего, рано или поздно произойдет), человек стал бы независим даже от растений, от которых сегодня он зависит как от источника пищи...

Лично у меня — и, подозреваю, у подавляющего большинства людей — вызвала бы содрогание сама идея [обитать в среде, лишенной животных и растений]. Но миллионы жителей «городских джунглей» Нью-Йорка, Чикаго, Лондона или Токио выросли и провели всю жизнь в практически «азойской» среде обитания (если не считать крыс, мышей, тараканов и прочих омерзительных видов) и выжили.

По-видимому, Евгений Рабинович рассматривает приведенное в прессе заявление как «имеющее рациональное оправдание». Он с сожалением говорит о том, что «в последние годы в печати было высказано — порой очень уважаемыми учеными — много не имеющих ра-

² «Bulletin of Atomic Scientists» (англ.) — предназначенный для широкой публики журнал по проблемам угроз ядерной энергии и оружия массового поражения. Журнал был основан в 1945 году группой ученых, работавших до этого над созданием атомных бомб в рамках Манхэттенского проекта. См.: <http://bos.sagepub.com/>. — *Примеч. пер.*

ционального оправдания соображений о священности природных экосистем, их естественной стабильности и об опасности вмешательства в них со стороны человека».

Что есть «рациональное» и что есть «священное»? Человек — господин природы или ее дитя? Если синтез пищи из неорганических материалов станет «экономически целесообразен» («что, скорее всего, рано или поздно произойдет»), если мы перестанем зависеть от растений, то связь между цивилизацией и пахотным слоем почвы будет разорвана. Будет ли? Эти вопросы дают понять, что «надлежащее использование земли» представляет собой не техническую и не экономическую, а прежде всего метафизическую проблему. Очевидно, что эта проблема принадлежит к более высокому уровню рационального мышления, чем тот, что представлен в последних двух цитатах.

Всегда есть вещи, которые мы делаем ради них самих, и вещи, которые мы делаем для достижения какой-то другой цели. Одна из самых важных задач любого общества — провести различие между целями и средствами-для-целей, прийти к некоей единой точке зрения и к соглашению на этот счет. Земля — это всего лишь средство производства или нечто большее, цель сама по себе? Говоря «земля», я имею в виду и населяющих ее существ.

Не годится подсчитывать полезность вещей, которые мы совершаем просто ради того, чтобы их совершать. Например, большинство из нас старается содержать себя в определенной чистоте. Почему? Только ли из соображений гигиены? Нет, значение гигиены второстепенно: мы воспринимаем чистоту как ценность сама по себе. Мы не подсчитываем ее стоимость — экономическому исчислению тут просто не место. Можно было бы доказать, что мытье экономически нецелесообразно: оно стоит времени и денег, а в его процессе ничего не производится — кроме чистоты. Есть много таких видов деятельности, которые эко-

номически совершенно нецелесообразны, но их продолжают осуществлять ради них самих. Экономисты нашли простой способ их анализировать: они делят всю человеческую деятельность на «производство» и «потребление». Все наши действия, попадающие в раздел «производство», подлежат экономическому исчислению, а все, относящиеся к разделу «потребление», — не подлежат. Но реальная жизнь плохо поддается таким классификациям, потому что человек-производитель и человек-потребитель — это в действительности один и тот же человек, который всегда производит и потребляет *одновременно*. Даже рабочий на заводе потребляет определенные «удобства», обычно называемые «условиями труда», и если предоставляемые «удобства» недостаточны, он не может — или отказывается — продолжать работу. И даже про человека, потребляющего воду и мыло, можно сказать, что он производит чистоту.

Мы производим для того, чтобы в качестве «потребителей» быть в состоянии позволить себе определенные преимущества и комфорт. Но если бы кто-то потребовал этих преимуществ и этого комфорта непосредственно в процессе «производства», ему бы сказали, что это экономически нецелесообразно, неэффективно, и что общество не может такого себе позволить. Другими словами, все зависит от того, выполняется ли действие человеком-производителем или человеком-потребителем. Если человек-производитель путешествует первым классом или пользуется роскошным автомобилем, то это называют пустой тратой денег. Но когда тот же самый человек, только в ипостаси человека-потребителя, делает то же самое, это называют признаком высокого уровня жизни.

Нигде эта дихотомия не видна так отчетливо, как в связи с использованием земли. Фермер рассматривается исключительно в качестве производителя, который должен всеми возможными способами снижать издержки и увеличивать эффективность, даже если тем

самым он навредит здоровью почвы и красоте ландшафта, даже если конечным результатом будет обезлюдение земли и перенаселение городов. Сегодня есть такие владельцы масштабных фермерских хозяйств, плодоовощеводы и производители продуктов питания, которые и не подумают потреблять собственную продукцию. «К счастью, — говорят они, — у нас достаточно денег, чтобы позволить себе продукты, выращенные органически, без использования ядов». Когда их спрашивают, почему они сами не придерживаются органических методов и не избегают использования ядовитых веществ, они отвечают, что этого они позволить себе не могут. Одно дело — что может позволить себе человек-производитель, совсем другое — что может позволить себе человек-потребитель. Но поскольку оба они — один и тот же человек, вопрос о том, что же в действительности человек (или общество) может себе позволить, вызывает нескончаемую путаницу.

Мы не сможем разобраться с этой путаницей до тех пор, пока будем рассматривать землю и населяющих ее существ *исключительно* как «факторы производства». Они, разумеется, являются-таки факторами производства, то есть средствами-для-целей, но это — второстепенное в их природе, а не основное. Прежде всего они — цели сами по себе; они — метаэкономичны, и когда мы утверждаем в качестве факта, что они в определенном смысле священны, это имеет рациональное оправдание. Человек не создавал их, и нет ничего рационального в том, чтобы относиться к тому, что мы не создали и не можем создать, а испортив, не можем воссоздать, в той же манере, в какой нам позволено относиться к тому, что мы создали сами.

Высшие животные имеют экономическую стоимость в силу своей полезности, но они имеют и метаэкономическую ценность сами по себе. Если у меня есть автомобиль — вещь, созданная людьми, то я вполне законно могу полагать, что наилучший способ использовать его, не заботясь о техническом обслужи-

вании, — эксплуатировать, пока не выйдет из строя. Действительно, я рассчитал, что таков экономически наиболее целесообразный метод его использования. Если расчеты были правильны, то никто не может критиковать меня за то, что я ими руководствуюсь, ведь в созданной человеком вещи, такой как автомобиль, ничего священного нет. Но если у меня есть животное (пусть даже это всего-навсего курица или теленок) — живое, наделенное чувствами существо, могу ли я относиться к нему исключительно с точки зрения полезности? Могу ли я эксплуатировать его, пока оно не выйдет из строя?

Бесполезно пытаться ответить на такого рода вопросы с помощью научных методов. Это вопросы метафизики, а не точной науки. Уравнивать «автомобиль» и «животное» исходя из их полезности и не осознавать при этом наиболее основополагающего различия между ними, различия в «уровнях бытия» — метафизическое заблуждение, способное привести к тяжелейшим последствиям на практике. В наш век неверия мы с самодовольным презрением смотрим на священные формулы, с помощью которых религия помогала нашим предшественникам осознать значение метафизических истин. «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском» — не для праздности, а для того «чтобы возделывать его и хранить его». И, кроме того, Он дал человеку владычество «над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». Когда Он создал «зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их», то увидел, что это «хорошо». Но когда Он увидел все, что Он создал, всю биосферу, как мы сказали бы сегодня, то заметил, что это было «очень хорошо»³. Человеку, высшему из его созданий, было дано «владычество»,

В синодальном переводе «Ветхого Завета»: «хорошо весьма». См.: Бытие 2:15; 1:28, 31. — *Примеч. пер.*

а не право тиранить, разрушать и уничтожать. Бесплезно говорить о человеческом достоинстве, не принимая этого *noblesse oblige*. Всегда и во всех традициях для человека считалось ужасным и бесконечно опасным ставить себя в преступное отношение к животным, в особенности к издавна одомашненным. Ни в нашей истории, ни в чьей-либо еще, не было мудрецов или святых, которые были бы жестокими с животными или не видели в них ничего, кроме полезности. Зато бесчисленны истории и легенды, в которых святость, так же как и счастье, связывается с сердечной добротой к низшим созданиям.

Интересно заметить, что от имени науки современному человеку говорят, что он в действительности — не кто иной, как обезьяна без шерсти или даже случайное сцепление атомов. «Теперь, — говорит профессор Джошуа Ледерберг, — мы можем дать определение человека. По крайней мере, с точки зрения генотипа, он — шесть футов особой молекулярной последовательности атомов углерода, водорода, кислорода, азота и фосфора»⁴. Будучи столь «скромного» мнения о самом себе, еще «скромнее» современный человек думает о служащих его нуждам животных и относится к ним, как если бы они были машинами. Другие, менее искушенные люди (а может, менее развращенные?) выказывают иное отношение. Х. Филдинг Холл, находясь в Бирме, сообщал:

Для него [бирманца] люди — это люди, животные — это животные, и люди стоят намного выше животных. Но из этого он не делает вывода, что превосходство человека разрешает ему убивать животных или дурно с ними обращаться. Все как раз наоборот. Именно потому, что человек стоит настолько выше животного, он может и должен проявлять по отношению к животным величайшую заботу, испытывать к ним величайшее сострадание и делать им добро всеми возможными способами. Девиз

Man and His Future: A Ciba Foundation Volume / ed. by G. Wolstenholme. L.: J. & A. Churchill Ltd., 1963.

бирманца: *noblesse oblige*. Если ему и неведомы эти слова, то ведем их смысл⁵.

В Книге притчей Соломоновых мы читаем, что праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко. Святой Фома Аквинский писал: «Очевидно, что если человек изъявляет сострадательную приязнь к животным, то он тем более предрасположен испытывать сострадание к другим людям». Никто не спрашивал, могли ли люди *позволить себе* жить согласно этим убеждениям. На уровне ценностей, целей-самих-по-себе, не существует такого вопроса — можно ли их «себе позволить»?

То, что можно сказать применительно к населяющим землю животным, можно равным образом — без намека на сентиментальность — сказать и применительно к самой земле. Хотя невежество и алчность вновь и вновь подрывали плодородие почвы до такой степени, что это приводило к краху целых цивилизаций, не существовало ни одного традиционного учения, в котором не осознавались бы метафизическая ценность и значение «щедрой земли». И там, где с этими учениями считались, целостным и здоровым становилось не только сельское хозяйство, но и все прочие элементы цивилизации. И наоборот, там, где люди воображали, что не могут «позволить себе» работать в сотрудничестве с природой, а не против нее, результатом становилась болезненность почвы, которая неизменно передавалась всем остальным элементам цивилизации.

В наше время главную опасность для почвы, а вместе с тем не только для сельского хозяйства, но и для цивилизации в целом, представляет та решимость, с которой городские люди применяют к сельскому хозяйству принципы промышленности. Не найти более показательного примера, иллюстрирующего эту тен-

Hall H.F. The Soul of a People. L.: Macmillan & Co., Ltd., 1920.

денцию, чем пример доктора Сикко Л. Мансхольта, который, будучи вице-председателем Европейского экономического сообщества, начал осуществление «плана Мансхольта в европейском сельском хозяйстве». По его убеждению, фермеры — это «группа, которая до сих пор не восприняла стремительных изменений в обществе». Большинство из них должны оставить фермерство и превратиться в городских работников промышленности, потому что «заводские рабочие, те, кто занят на стройках, и те, кто выполняет административную работу, уже сейчас имеют пятидневную рабочую неделю и две недели отпуска в год. Скоро у них, возможно, будет четырехдневная рабочая неделя и четыре недели отпуска в год. А что же фермер? Он приговорен к семидневной рабочей неделе — ведь корову, за которой нужно ухаживать только пять дней в неделю, еще не изобрели — а отпусков у него нет вообще»⁶.

Соответственно, план Мансхольта состоит в том, чтобы как можно быстрее достичь, во-первых, объединения множества малых семейных ферм в крупные сельскохозяйственные единицы, управляемые по заводскому типу, и, во-вторых, максимального сокращения доли населения, занятой в сельском хозяйстве. Людям необходимо оказать поддержку, «которая открывает перед фермерами как старшего, так и младшего поколений возможности уйти из сельского хозяйства»⁷.

Как правило, обсуждая план Мансхольта, о сельском хозяйстве говорят как об одной из европейских «отраслей промышленности». Встает вопрос, действительно ли сельское хозяйство — отрасль промышленности, или же оно представляет собой нечто принципиально иное. Поскольку это вопрос метафизический, или,

⁶ *Mansholt S.É. Our Accelerating Century. The Royal Dutch / Shell Lectures on Industry and Society. L., 1967.*

⁷ *Bergmann D. et al. A Future for European Agriculture. The Atlantic Institute. P., 1970.*

говоря иначе, метаэкономический, нет ничего удивительного в том, что экономисты его не поднимают.

Итак, основополагающий «принцип» сельского хозяйства состоит в том, что оно имеет дело с жизнью, то есть с живыми существами. Его продукты — результаты живых процессов, а его средства производства — живая почва. Кубический сантиметр живой почвы содержит миллиарды живых организмов, для исчерпывающего изучения которых потребовались бы способности, далеко превосходящие человеческие. В то же время основополагающий «принцип» современной промышленности состоит в том, что она имеет дело с технологиями, созданными человеком, сырьем для которых служат рукотворные неживые материалы. Идеал промышленности — устранение живых существ. Рукотворные материалы потому предпочтительны природным, что их можно изготавливать по шаблону, осуществляя идеально точный контроль качества. Рукотворные машины работают надежнее и предсказуемее, чем живые существа, такие как, например, люди. Идеал промышленности — устранить фактор живого, включая человеческий фактор, и отдать производственный процесс во власть машин. Альфред Норт Уайтхед определил жизнь как «выпад, направленный в адрес монотонного механизма вселенной». И мы могли бы определить современную промышленность как «выпад против непредсказуемости, непунктуальности, типичной непокорности и строптивости живой природы и в том числе человека».

Другими словами, не может быть сомнений в том, что основополагающие «принципы» сельского хозяйства и промышленности не просто несовместимы, но противоположны друг другу. Реальная жизнь полна трений, тут и там создаваемых несовместимостью в равной степени нужных противоположностей. Так же, как жизнь была бы бессмысленна, если бы не было смерти, и сельское хозяйство было бы бессмысленно, если бы не было промышленности. Но это не отменяет

той истины, что сельское хозяйство первично, а промышленность вторична, а означает, что человеческая жизнь может продолжаться в отсутствие промышленности, но не в отсутствие сельского хозяйства. Однако человеческая жизнь на уровне цивилизации требует соблюдения *баланса* этих двух принципов. Но этот баланс неминуемо нарушается, когда люди не в состоянии осознать принципиального различия между сельским хозяйством и промышленностью (различие такое же огромное, как различие между жизнью и смертью) и пытаются обращаться с сельским хозяйством как с еще одной отраслью промышленности.

Разумеется, этот довод не нов. Группа экспертов с мировым именем лаконично сформулировала его в работе «Будущее европейского сельского хозяйства»:

Разные части света в зависимости от их климата, качества почвы и цен на рабочую силу имеют очень разные преимущества при производстве того или иного товара. Все страны выиграли бы от такого разделения труда, которое позволило бы каждой стране сосредоточиться на тех сельскохозяйственных операциях, которые в ее условиях наиболее производительны. Результатом стали бы как более высокий доход сельскохозяйственного сектора, так и более низкие издержки экономики в целом, в особенности промышленности. Нельзя найти фундаментального оправдания для сельскохозяйственного протекционизма⁸.

Будь это действительно так, оставалось бы совершенно непостижимым, почему сельскохозяйственный протекционизм был на протяжении всей истории скорее правилом, чем исключением. Почему в большинстве стран чаще всего не горят желанием получить столь соблазнительную награду за выполнение таких простых предписаний? Именно потому, что «сельскохозяйственные операции» затрагивают нечто большее, чем получение доходов и снижение издержек: они за-

Bergmann D. et al. Op. cit.

трагивают взаимоотношения человека и природы как таковые, образ жизни общества в целом, здоровье, счастье и гармонию человека в той же мере, в какой и красоту его среды обитания. Поскольку всему этому в рассуждениях экспертов нет места, нет в них места и человеку — даже если эксперты и пытаются найти там для него место, так сказать, *post factum*, уверяя, что общество ответственно за «социальные последствия» принятой им политики. План Мансхольта, по мнению экспертов,

представляет собой смелую инициативу. Он основан на принятии фундаментального принципа: доходы от сельскохозяйственной деятельности только в том случае удастся сохранить на прежнем уровне, если сокращение численности населения, занятого в сельском хозяйстве, будет ускорено, и если фермы быстро достигнут экономически жизнеспособного размера... Сельское хозяйство, по крайней мере, в Европе, принципиальным образом ориентировано на пищевое производство... Хорошо известно, что по мере роста реального дохода спрос на пищу растет относительно медленно. Это ведет к тому, что совокупные доходы, получаемые в сельском хозяйстве, растут относительно медленно по сравнению с доходами в промышленности; поддержание равных темпов роста среднедушевого дохода возможно только в случае соответствующих темпов снижения числа занятых в сельском хозяйстве... Вывод, похоже, неизбежен: в условиях, характерных для иных развитых стран, для удовлетворения потребностей сообщества хватило бы и трети нынешних фермеров⁹.

Если мы, подобно самим экспертам, займем метафизическую позицию грубейшего материализма, для которого денежные издержки и денежные доходы — окончательные критерии и детерминанты человеческих действий, а живой мир имеет значение лишь в качестве карьеры для разработки, то возразить что-то на эти утверждения будет трудно.

Но существует и более широкий взгляд: земля — бесценный актив, а задача человека и вопрос его счастья — «возделывать и хранить» ее. Можно сказать, что, распоряжаясь землей, человек должен преследовать три цели: здоровье, красоту и постоянство. Достижение четвертой цели (и единственной, которую признают эксперты) — производительности — будет в этом случае практически побочным эффектом. Для грубого материалиста сельское хозяйство «принципиальным образом ориентировано на пищевое производство». Но в глазах сторонника более широкого взгляда, перед сельским хозяйством стоят по меньшей мере три задачи:

- поддерживать связь человека с живой природой, чрезвычайно уязвимой частью которой он был, есть и будет оставаться;
- очеловечивать и облагораживать людскую среду обитания в целом; и
- создавать продукты питания и прочие материалы, необходимые для достойной жизни.

Я не верю, что цивилизация, которая признает только третью задачу и решает ее с такой беспощадностью и насилием, не просто отрицает две другие задачи, но систематически противится их решению, имеет хоть какие-то шансы на длительное выживание. Сегодня мы гордимся тем, что доля людей, вовлеченных в сельское хозяйство, упала до очень низкого уровня и продолжает падать. Великобритания производит примерно 60% пищи, потребляемой ее жителями, тогда как только 3% ее работающего населения трудится на фермах. В Соединенных Штатах конца Первой мировой войны в сельском хозяйстве все еще было занято 27% всех рабочих (в конце Второй мировой — 14%). Оценки на 1971 год показывают цифру всего лишь 4,4%. Это снижение доли рабочих, вовлеченных в сельское хозяйство, обычно неразрывно связано с массовым оттоком населения из сельской местности и разрастанием городов. Но в то же время, как указывает Льюис Хербер,

психологическая, экономическая и биологическая стороны жизни в метрополиях находятся в кризисе. Миллионы людей выражают свое осознание этого кризиса, голосуя, так сказать, «ногами»: они собирают пожитки и уезжают прочь. Те из них, кому не удастся порвать все связи с метрополиями, по крайней мере, пытаются это сделать. Их попытка — показательный социальный симптом¹⁰.

Обитатель огромных современных городов, как утверждает г-н Хербер, находится в более изолированных условиях, чем его предки, жившие в сельской местности: «Городской человек современных метрополий достиг фактически беспрецедентного для человеческой истории уровня анонимности, социальной атомизации и духовной изоляции»¹¹.

Что же ему остается? Он старается перебраться в пригород и превращается в человека, постоянно совершающего длинные поездки на работу в город и обратно. Поскольку деревенская культура потерпела кризис, деревенские люди спасаются бегством, покидая землю, а поскольку жизнь в метрополиях также терпит кризис, городские люди бегут из городов. «Никто — согласно доктору Мансхольту — не может позволить себе роскошь действовать экономически нецелесообразно»¹², и в результате жизнь становится невыносимой для всех, кроме очень богатых.

Я согласен с г-ном Хербером в том, что «примирение человека с природой теперь не просто желательно — оно стало необходимостью». Ни туризм, ни осмотры достопримечательностей и прочие занятия досуга не помогут в деле этого примирения: оно возможно только при условии привнесения в структуру сельского хозяйства изменений, противоположных тем, которые предложил доктор Мансхольт и которые поддержали

¹⁰ Herber L. *Our Synthetic Environment*. L.: Jonathan Cape Ltd., 1963.

Ibid.

¹² Mansholt S.L. *Op. cit.*

цитированные мною выше эксперты. Вместо поиска способов ускорить отток людей из сельского хозяйства, мы должны заняться развитием программ, которые помогут восстановить деревенскую культуру, сделать работу на земле (будь то с полным рабочим днем или на полставки) выгодной для большего количества людей, подчинить нашу деятельность на земле тройному идеалу здоровья, красоты и постоянства.

Текущая социальная структура сельского хозяйства, возникшая в результате масштабной механизации и значительной химизации (и обычно оправдываемая этими нововведениями), делает сохранение связи человека с живой природой невозможной. Вообще говоря, она поддерживает все самые опасные тенденции современности — насилие, отчуждение, разрушение окружающей среды. Здоровье, красота и постоянство едва ли вообще считаются заслуживающими обсуждения — и это еще один пример того пренебрежения человеческими ценностями (что означает пренебрежение и самим человеком), к которому неизбежно приводит идолопоклонничество экономизма.

Если «красота — это сияние истины», то сельское хозяйство не сможет выполнить свою вторую задачу, а именно очеловечить и облагородить людскую среду обитания в целом, пока полностью и беззаветно не присягнет на верность истинам, которые раскрывают перед нами природные живые процессы. Одна из них — это закон возврата, другая — разнообразие (которое противоречит всякого рода монокультурной специализации), еще одна — децентрализация: то или иное применение можно найти даже для не самых лучших ресурсов, которые в любом случае было бы нерационально перевозить на большие расстояния. Но ход вещей и советы экспертов направлены в противоположную сторону — в сторону индустриализации и деперсонализации сельского хозяйства, специализации, концентрации и любого расточения природных ресурсов, если только это обещает сэкономить труд.

В результате сельскохозяйственная деятельность человека отнюдь не очеловечивает и не облагораживает его среду обитания в целом, а напротив, последняя подгоняется под навевающие уныние стандарты и уродуется до безобразия.

Все это делается потому, что человек-производитель не может позволить себе «роскошь поступать экономически нецелесообразно», и поэтому не может заниматься производством самых необходимых «предметов роскоши», таких как красота, здоровье и постоянство, которых человек-потребитель страдает больше всего. Это стоило бы слишком много. И вот, чем богаче мы становимся, тем меньше мы можем «себе позволить». Вышеупомянутые эксперты подсчитали, что «бремя» субсидий сельскому хозяйству составляет для Сообщества Шести¹³ «около 3% валового национального продукта» — величина, по их словам, «далекая от такой, которой можно пренебречь». Учитывая, что темп роста валового национального продукта превышает 3%, можно было бы подумать, что вынести такое «бремя» нетрудно; но эксперты отмечают, что «национальные ресурсы предназначены, прежде всего, для индивидуального потребления, инвестирования и общественных услуг... Используя столь большую долю ресурсов для помощи гибнущим предприятиям, будь то сельскохозяйственным или промышленным, сообщество отказывает себе в возможности осуществить необходимые усовершенствования»¹⁴ в этих прочих областях.

Яснее и не скажешь. Если сельское хозяйство не окупается, то оно — всего лишь «гибнущее предприятие». С чего бы ему помогать? Никаких «необходимых усовершенствований» в отношении земли осуществить нельзя, а можно — только в отношении

¹³ Речь идет о шести странах — основательницах Европейского сообщества: Бельгии, Франции, ФРГ, Италии, Люксембурге и Нидерландах. — *Примеч. пер.*

¹⁴ *Bergmann D. et. al. Op. cit.*

фермерского дохода: сократив количество фермеров. Такова философия городского человека, отчужденного от живой природы и выдвигающего собственную шкалу приоритетов, доказывая экономически, что мы не можем «позволить себе» никакую другую. На самом деле любое сообщество может позволить себе заботиться о своей земле и поддерживать ее здоровье и красоту на протяжении вечности. Это не представляет технических сложностей и не требует каких-то отсутствующих у нас знаний. Когда речь идет о выборе приоритетов, нет нужды консультироваться у экспертов-экономистов. Мы слишком много знаем об экологии, чтобы иметь оправдание за все злоупотребления, допускаемые нами при распоряжении землей и животными, при хранении и производстве продуктов питания и, наконец, за чрезмерную урбанизацию. Мы допускаем эти злоупотребления не из-за бедности (не потому что мы не можем позволить себе прекратить их), а из-за того, что как общество мы лишены прочного фундамента веры в какие-либо метаэкономические ценности. А когда нет такой веры, ее место занимает экономическое исчисление. Это совершенно неизбежно. Разве могло быть иначе? Природа, сказал кто-то, не терпит пустоты; и когда имеющееся «духовное пространство» не наполнено теми или иными высокими мотивами, оно обязательно будет заполнено чем-нибудь более низким — мелочным, недалеким и расчетливым отношением к жизни, рационализацией которого и становится экономическое исчисление.

У меня нет никаких сомнений в том, что бессердечное отношение к земле и населяющим ее животным — симптом и результат множества других наших качеств. Тех самых, которые вызывают в нас фанатичное стремление к быстрым переменам, благоговение перед техническими, организационными, химическими, биологическими и прочими новшествами, подталкивающими нас пустить их в ход задолго до того, как мы хотя бы приблизительно поймем их долгосрочные

последствия. Простой вопрос о том, как мы относимся к земле, к самому драгоценному после человека нашему ресурсу, обращен к нашему образу жизни в целом; и понадобится коренным образом изменить нашу философию, если не сказать — религию, прежде, чем по-настоящему изменится наша политика в отношении земли. Вопрос не в том, что мы можем себе позволить, а в том, на что мы решаем тратить наши деньги. Если бы мы вновь благородно признали мета-экономические ценности, нашим ландшафтам вернулись бы здоровье и красота, а наши люди вновь обрели бы достоинство человека, который знает, что он выше животного, но никогда не забывает, что *noblesse oblige*.

VIII. Ресурсы для промышленности

Самое поразительное в современной промышленности — это то, как много она требует и как мало дает. Похоже, неэффективность современной промышленности превосходит обычное человеческое воображение и в результате остается незамеченной.

Несомненно, самая промышленно развитая страна сегодня — Соединенные Штаты Америки. Ее население насчитывает 207 миллионов человек, то есть 5,6% всего человечества. В ней проживают в среднем около 57 человек на квадратную милю (тогда как по миру в целом — более 70), и она целиком расположена в северной зоне умеренного климата, что позволяет называть ее одной из обширнейших редконаселенных областей мира. Было подсчитано, что если поместить все мировое население в границы Соединенных Штатов, плотность населения в этом случае будет всего лишь примерно такой же, как нынешняя плотность населения в Англии. Такое сравнение могут назвать «нечестным». Однако даже если взять Соединенное Королевство в целом, плотность его населения более чем в 10 раз выше, чем в Соединенных Штатах (а это означает, что более половины сегодняшнего населения мира могло бы разместиться в Соединенных Штатах прежде, чем плотности населения этой страны и нынешнего Соединенного Королевства сравнялись бы). А ведь во многих других индустриализованных странах плотность населения еще выше. Если взять Европу в целом (без учета СССР), то плотность ее населения — 242,7 человека на квадратную милю, или в 4,25 раза выше, чем в Соединенных Штатах. Таким образом, никак нельзя сказать, что Соединенные Штаты находятся в относительно невыгодном положении

из-за слишком большого количества людей и слишком маленького пространства.

Точно так же нельзя сказать, что территория Соединенных Штатов обделена природными ресурсами. Наоборот, за всю человеческую историю не было открыто другой большой территории с такими же прекрасными и богатыми ресурсами. Это остается правдой и сегодня, несмотря на то, что за прошедшее время значительная часть этих ресурсов была разработана и уничтожена.

И тем не менее промышленная система Соединенных Штатов не в состоянии существовать за счет одних только внутренних ресурсов: чтобы обеспечивать себя нужным количеством сырья, ей пришлось опутать своими щупальцами весь земной шар. Ведь живущие в Соединенных Штатах 5,6% мирового населения для своей жизни нуждаются примерно в 40% мировых полезных ископаемых. Прогнозы на 10, 20 или 30 лет вперед всякий раз предсказывают одно и то же — дальнейший рост зависимости экономики Соединенных Штатов от поставок сырья и топлива извне. Например, по подсчетам Национального нефтяного совета к 1985 году Соединенные Штаты будут вынуждены импортировать 57% всей потребляемой ими нефти. Это означает, что нефтяной импорт США намного (на 800 миллионов тонн) превысит текущий совокупный нефтяной импорт Японии и Западной Европы из стран Африки и Ближнего Востока.

Промышленную систему, использующую 40% мировых полезных ископаемых для обеспечения менее 6% мирового населения, можно было бы назвать эффективной только в том случае, если бы она достигла поразительных успехов в делах человеческого счастья, благосостояния, культуры, мира и гармонии. Нет нужды подробно останавливаться на том факте, что американская система этого не делает. И нет ни малейших шансов, что она сделала бы это, *если только* достигла бы более высоких темпов роста производства, которые

были бы связаны, как и полагается, с еще более значительной потребностью в конечных мировых ресурсах. Профессор Уолтер Хеллер, бывший председатель Совета экономических консультантов при президенте США, выразил мнение, которое, несомненно, разделяется большинством современных экономистов:

Нам нужен рост, чтобы претворить в жизнь чаяния нашей нации. У экономики с высоким ростом и с полной занятостью больше возможностей высвободить общественные и частные ресурсы для борьбы с шумовым загрязнением, с загрязнением земли, воздуха и воды, чем у экономики с низким ростом.

«Не могу, — говорит он, — представить себе успешную экономику без роста». Но если невозможно представить, чтобы экономика Соединенных Штатов была успешной без дальнейшего быстрого роста, и если ее рост зависит от способности забирать все больше ресурсов у остального мира, что же делать с теми 94,4% человечества, которые так далеко «позади» Америки?

Если для борьбы с загрязнением, которое, вроде бы, само по себе возникает из-за высокого роста, необходима экономика с высоким ростом, то можно ли надеяться однажды вырваться из этого удивительного круга? Так или иначе нужно ответить на вопрос о том, имеются ли на Земле адекватные ресурсы для дальнейшего развития промышленной системы, которая так много потребляет и так мало дает? Сегодня мы слышим голоса все большего количества людей, отвечающих отрицательно. Возможно, наибольшего внимания заслуживает мнение исследовательской группы Массачусетского технологического института (МТИ), опубликовавшей «Пределы роста», доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». Доклад содержит, помимо прочего, любопытную таблицу известных мировых запасов. Она показывает, на сколько лет хватит известных мировых запасов при сохранении текущих мировых темпов потребления; на сколько лет известных мировых запасов хватит, если

потребление продолжит расти экспоненциально; и на сколько лет запасов хватило бы в условиях растущего потребления, если бы эти запасы в 5 раз превосходили те, что известны сегодня. Все эти показатели приведены для 19 невозобновляемых природных ресурсов, жизненно необходимых для индустриальных обществ. Особенно интересна последняя колонка, в которой показана «Доля США от общемирового потребления ресурсов, в %»:

Алюминий	42	Молибден	40	Ртуть	24
Вольфрам	22	Нефть	33	Свинец	25
Железо	28	Никель	38	Серебро	26
Золото	26	Олово	24	Уголь	44
Кобальт	32	Платиновые		Хром	19
Марганец	14	металлы	31	Цинк	26
Медь	33	Природный газ	63		

Только два или три из этих полезных ископаемых США производят в количествах, достаточных, чтобы покрыть собственное потребление. Подсчитав (при тех или иных предпосылках), когда будут исчерпаны запасы каждого из этих полезных ископаемых, авторы осторожно делают следующее заключение:

Учитывая нынешние темпы потребления ресурсов и их прогнозируемое ускорение, можно заключить, что подавляющее большинство невозобновляемых ресурсов, важных в настоящее время, через 100 лет будут чрезвычайно дорогостоящими.

Они уверены, что уже через короткое время современная промышленность, «крайне зависимая от системы международных соглашений с добывающими странами о поставке сырья», может столкнуться с кризисами неслыханных масштабов.

К сложному экономическому вопросу о судьбе различных отраслей промышленности, когда ресурсы один за другим станут непомерно дорогими, добавляется способный принимать непредсказуемые формы политический вопрос об отношениях между странами-производителями и странами-потребителями, когда географические

территории, где сосредоточены оставшиеся ресурсы, станут более ограниченными. Недавняя национализация южноамериканских шахт и увенчавшиеся успехом ближневосточные инициативы по поднятию цен на нефть показывают, что политический вопрос может встать за долго до ультимативного экономического.

Множество скрупулезных гипотетических расчетов — важная, но едва ли неотъемлемая часть работы, сделанной группой из МТИ. В конце концов выводы, сделанные группой, следуют из принятых ею предпосылок, а достаточно совсем небольшой проницательности, чтобы понять, что бесконечный рост материального потребления в конечном мире невозможен. Не нужно в больших количествах изучать полезные ископаемые, тренды, контуры обратной связи, динамику систем и т.п., чтобы прийти к выводу, что *времени осталось мало*. Возможно, и был смысл в том, чтобы для получения результатов, к которым любой неглупый человек мог бы прийти, сделав пару расчетов на клочке бумаги, использовать компьютер — ведь современный мир верит в компьютеры и факты, презируя простоту. Но пытаться изгонять демонов руками Вельзевула, принца демонов, — опасная и обычно самоубийственная игра.

Ведь большинство ресурсов, которым группа из МТИ уделила столь пристальное внимание, к сути дела не относится. Возможность того, что они станут редкими и дорогостоящими, не представляет для современной промышленной системы большой угрозы. Кто знает, сколько их все еще залегает в земной коре, сколько удастся извлечь с применением все более изобретательных методов прежде, чем настанет пора говорить о глобальном истощении, сколько можно получить из океанских вод и сколько — путем переработки отходов производства. Действительно, нужда — мать изобретений, и вряд ли изобретательность промышленности и ее блестящей сторонницы — современной науки — будет побеждена так легко.

Скорее, для развития своих главных догадок, команде из МТИ стоило бы сосредоточиться на анализе того ресурса, доступность которого — условие доступа ко всем остальным и *который нельзя использовать повторно*. Речь идет об энергии.

В ряде предыдущих глав я уже упоминал об энергетической проблеме. Ее невозможно избежать. Ее важность невозможно переоценить — это центральная из всех проблем. Можно сказать, что энергия для механического мира — то же самое, что сознание для мира людей. Если исчезнет энергия, исчезнет всё.

До тех пор пока достаточное количество первичной энергии доступно по приемлемым ценам, трудности получения любых других первичных ресурсов можно преодолеть или обойти стороной. В то же время нехватка первичной энергии означала бы, что спрос на большинство прочих первичных продуктов сократился бы настолько, что вопрос об их нехватке, скорее всего, просто не возник бы.

Хотя эти основополагающие факты совершенно очевидны, они все еще не вполне осознаны. По-прежнему сохраняется (и поддерживается чрезмерной ориентацией современной экономики на *количественные* методы) тенденция рассматривать энергоснабжение как лишь одну из бесчисленных проблем. Именно таким был подход команды из МТИ. Ориентация на количественные методы до такой степени лишает нас качественного понимания, что мы перестаем осознавать даже качественный смысл «порядков величины». Это, кстати говоря, и есть одна из главных причин всеобщей неспособности смотреть на вещи реалистично при обсуждении перспектив энергоснабжения в современных индустриальных обществах. Например, люди говорят, что «уголь на исходе и будет заменен нефтью». Когда им указывают, что это будет означать быстрое истощение всех доказанных и прогнозируемых (то есть таких, которые еще предстоит открыть) запасов нефти, они вежливо парируют, что

«мы стремительно приближаемся к ядерной эре», а значит, нет нужды беспокоиться о чем бы то ни было и меньше всего — о сохранении ископаемых топливных ресурсов. Национальные и интернациональные агентства, комитеты, научные группы и тому подобные организации проводят бесчисленные исследования, цель которых — с помощью великого множества изощренных вычислений показать, что спрос на западноевропейский уголь падает и будет продолжать падать так быстро, что главная проблема в том, как, не теряя времени, избавиться от углекислоты. Вместо того чтобы взглянуть на общую ситуацию, которая была и остается в высшей степени предсказуемой, авторы этих исследований неизменно смотрят на ее бесчисленные составляющие, ни одна из которых не предсказуема в отрыве от остальных, поскольку нельзя понять части, пока не понято целое.

В пример можно привести обстоятельное исследование, проведенное Европейским объединением угля и стали в 1960–1961 годах. В отчете по нему можно было найти точный количественный ответ фактически на любой вопрос о судьбе топлива и энергии в странах ЕЭС до 1975 года, какой только мог прийти в голову. Вскоре после публикации этого отчета мне случилось написать на него отзыв, несколько отрывков из которого, пожалуй, будет уместно процитировать:

Может показаться изумительным уже то, что кто-то способен предсказать изменение заработной платы и производительности шахтеров на 15 лет вперед в своей собственной стране. Но еще изумительнее видеть, как этот кто-то предсказывает цены и тарифы на грузоперевозки американского угля. Американский уголь определенного качества, говорят нам, будет стоить около 14,5 долларов за тонну в 1970-м (включая стоимость доставки в североморский порт) и «немного больше» — в 1975 году. «Около 14,5 долларов», говорится в отчете, следует читать, как «что-то в пределах от 13,75 до 15,25»: предельная погрешность составляет 1,5 доллара, или 5%. [На самом деле по

новым договорам, заключенным в октябре 1970 года, CIF¹ тонны американского угля в европейских портах вырос до 24–25 долларов!]

В свою очередь, цены на нефтяное топливо составят порядка 17–19 долларов за тонну, тогда как прогнозы в отношении природного газа и ядерной энергии разнятся. По мнению авторов, обладая этими (а также многими другими) «фактами», не составляет труда подсчитать, какое количество угля, добываемого в странах ЕЭС, будет конкурентоспособно в 1970 году. Ответ — «около 125 миллионов тонн, то есть немногим более половины от нынешних объемов добычи».

Сегодня стало модным считать, что иметь хоть какие-то цифры относительно будущего лучше, чем не иметь никаких. Нынешний метод получения цифр о неизвестном состоит в том, чтобы сделать догадку о тех или иных обстоятельствах — это называется «предпосылкой» — и с помощью изощренных вычислений вывести из нее прогноз. Такой прогноз преподносится затем как результат научного доказательства, как нечто, стоящее гораздо выше простого гадания. Эта практика губительна: все, к чему она может привести, — это колоссальнейшие ошибки планирования, ведь она предлагает фальшивый ответ там, где на самом деле требуется находчивое суждение.

В рассматриваемом исследовании принимается огромное множество произвольных предпосылок, которые затем, так сказать, вводятся в счетную машину для получения «научного» результата. Было бы дешевле и, по правде говоря, честнее попросту предположить конечный результат².

И действительно, «губительная практика» привела-таки к максимизации ошибок планирования. Производственные мощности западноевропейской угольной промышленности были фактически урезаны до

Cost, Insurance and Freight (англ.) — стоимость, страхование и фрахт. Условия морской торговли, при которых цена товара включает стоимость самого товара, а также его транспортировки и страховки для морских перевозок. — *Примеч. пер.*

² The Economic Journal. 1964. Vol. 74. No. 293. P. 192.

половины своего прежнего объема — не только в ЕЭС, но и в Британии. За период между 1960-м и 1970-м годом зависимость ЕЭС от импортного топлива выросла с 30 до более 60%, а Соединенного Королевства — с 25 до 44%. Несмотря на то что были все возможности предсказать общую ситуацию, которая сложится в 1970-е годы и позднее, западноевропейские правительства, поддержанные подавляющим большинством экономистов, целенаправленно уничтожили почти половину угольной промышленности своих стран — как если бы уголь был не более чем одним из бесчисленных рыночных товаров, которые следует производить, пока это приносит прибыль, и списать в утиль, как только прибыль исчезнет. В ответ на вопрос, чем же заменить внутреннее углеснабжение в долгосрочной перспективе, раздавались уверения, что «в обозримом будущем» будет налажено снабжение другими видами топлива по низким ценам — уверения, не основанные ни на чем, кроме принятия желаемого за действительное.

Дело не в том, что было недостаточно информации, и не в том, что политики упускали из виду какие-то важные факты. Вовсе нет, знание текущей ситуации было совершенно адекватным, а оценки будущих трендов — совершенно здравыми и реалистичными. Но политики были неспособны сделать из того, что им было известно, правильные выводы. Аргументы тех, кто указывал на высокую вероятность серьезной нехватки энергии в ближайшем будущем, не принимались во внимание, не опровергались с помощью контраргументов, а просто игнорировались или высмеивались. Не требовалось большой проницательности, чтобы осознать, что, каким бы там ни было далекое будущее ядерной энергетики, на протяжении остатка столетия судьбу мировой промышленности будет определять нефть. Что можно было сказать о перспективах нефти 10 лет (или около того) назад? Приведу цитату из лекции, прочитанной в апреле 1961 года.

На попытки рассуждать о наличии сырой нефти в долгосрочной перспективе бросил тень тот факт, что 30–50 лет назад кто-то предсказал, что нефть совсем скоро должна иссякнуть, но, смотрите-ка, не иссякла. Удивительно, сколь многие люди воображают, будто, указав на чьи-то давние ошибки в предсказаниях, они каким-то образом доказывают, что нефть не иссякнет никогда, как бы стремительно не росла ее ежегодная добыча. Когда речь заходит о будущем энергоснабжении, равно как и об атомной энергии, многие умудряются занимать позицию бескрайнего оптимизма, совершенно невосприимчивого к доводам рассудка.

Я предпочитаю основываться на информации, исходящей от самих нефтяников. Они не говорят, что нефть иссякнет в скором времени. Наоборот, они утверждают, что большая часть нефти к сегодняшнему дню еще не обнаружена, и что во всем мире запасы нефти, издержки освоения которых не слишком велики, вполне могут составлять что-то порядка 200 миллиардов тонн, то есть примерно в 200 раз больше текущей ежегодной мировой добычи. Мы знаем, что так называемые доказанные запасы нефти составляют в настоящее время около 40 миллиардов тонн. Разумеется, мы не станем впадать в элементарное заблуждение и думать, будто это вся нефть, какая только есть. Наоборот, мы с радостью готовы поверить, что в ближайшие несколько десятилетий будут открыты почти невообразимые дополнительные 160 миллиардов тонн нефтяных запасов. Почему почти невообразимые? Потому что, например, недавнее впечатляющее открытие крупных нефтяных залежей в Сахаре (которое заставило многих поверить, будто будущие перспективы нефтедобычи коренным образом изменились) едва ли хоть как-то повлияло бы на эту цифру. По сегодняшним оценкам экспертов, нефтяные месторождения Сахары могут в конечном счете принести до миллиарда тонн нефти. Впечатляющая цифра, если сравнить с ежегодным нефтяным потреблением, скажем, Франции, но совсем незначительная, если смотреть на нее как на долю от тех 160 миллиардов тонн, которые, как предполагается, будут открыты в обозримом будущем. Вот почему я сказал «почти невообразимые»: потому, что и вправду трудно вообра-

зять 160 открытий, подобных открытию сахарской нефти. И тем не менее давайте предположим, что они могут (и будут) иметь место.

Таким образом, дело выглядит так, будто доказанных запасов нефти должно хватить на 40 лет, а всех запасов — на 200 лет, если, конечно, сохранится текущий уровень ее потребления. Но, к сожалению, уровень потребления не стоит на месте, а уже много лет растет на 6–7% в год³. Действительно, если бы этот рост остановился прямо сейчас, то о замене угля нефтью не могло быть и речи, и, похоже, все совершенно уверены в том, что потребление нефти — в мировом масштабе — будет расти прежними темпами. Индустриализация продолжает завоевывать мир, и основное топливо в ее локомотиве — это нефть. Неужели кто-то полагает, что этот процесс внезапно прекратится? Если нет, то, может быть, стоит потратить немного времени и посчитать, чисто арифметически, как долго он сможет продолжаться.

То, что я предлагаю, — не прогноз, а попросту пробный расчет или, как сказали бы инженеры, анализ выполнимости. Рост на 7% в год означает удвоение в течение десяти лет. Таким образом, в 1970 году мировое потребление нефти может составить 2 миллиарда тонн в год. [На самом деле, оно достигло 2,3 миллиарда тонн.] За десятилетие было бы добыто приблизительно 15 миллиардов тонн. Чтобы величина доказанных запасов сохранилась на уровне 40 миллиардов тонн, за это время нужно было бы доказать около 15 миллиардов тонн новых запасов нефти. Поскольку ежегодная добыча к этому времени

Взрывные темпы роста добычи и потребления нефти, имевшие место в 1960–1970-х годах, когда была написана книга, впоследствии замедлились (и даже претерпели спад в 1980–1983 годах). В 1994–2006 годах среднегодовой темп роста общемирового спроса на нефть составлял 1,76%, после чего случился новый спад: в 2008–2009 годах показатель падал на 1,8% в год. (Цит. по: BP, *Statistical Review of World Energy*, 2010.) Относительно низкий рост добычи и потребления нефти мог иметь множество разных причин, таких как нефтяной кризис 1973 года, рост цен на нефть из-за войны в Персидском заливе в 1990 году, мировой кризис 2008 года, общее снижение темпов роста населения и т.д. — *Примеч. пер.*

удвоилась бы, общая величина доказанных запасов пре-
взошла бы ее не в 40 раз, как сейчас, а только в 20. Нет
ничего абсурдного или невозможного в подобном раз-
витии событий. Но 10 лет — это очень короткий срок,
когда речь идет о проблемах топливного снабжения. По-
этому давайте посмотрим еще на десятилетие вперед, в
1980 год. Если бы потребление нефти продолжило расти
приблизительно на 7% ежегодно, то в 1980 году оно вы-
росло бы примерно до 4 миллиардов тонн в год⁴. Общая
добыча за второе десятилетие составила бы приблизи-
тельно 30 миллиардов тонн. Если бы мы хотели поддер-
живать объем доказанных запасов на уровне, дающем
двадцатилетнюю «фору» (а немногие захотели бы делать
большие вложения, не видя возможности получать отда-
чу от них в течение хотя бы 20 лет), то недостаточно было
бы просто восполнить добычу 30 миллиардов тонн неф-
ти. Нужно было бы к 1980 году иметь доказанные запасы
нефти 80 миллиардов тонн (20 раз по 4 миллиарда). Таким
образом, за второе десятилетие нужно было бы открыть
не менее 70 миллиардов тонн новых запасов. Полагаю, уже
эта цифра выглядит довольно-таки фантастической. Вдо-
бавок, к этому времени мы уже израсходовали бы около
45 миллиардов из нашего изначального общего запаса в
200 миллиардов тонн. Оставшиеся 155 миллиардов тонн
позволили бы поддерживать потребление нефти на уров-
не 1980 года в течение менее 40 лет. Не нужно дальней-
ших арифметических выкладок, чтобы понять, что после
1980 года продолжение быстрого роста стало бы факти-
чески невозможным.

Итак, результаты нашего «анализа выполнимости» та-
ковы: если оценки общих запасов нефти, опубликован-

В действительности в 1980 году во всем мире было до-
быто 23,4 миллиарда баррелей, или приблизительно 3,1–
3,3 миллиарда тонн нефти (точный пересчет баррелей на
тонны осложняется тем, что нефть может иметь разные ко-
эффициенты перевода из баррелей в тонны, в зависимости
от ее сорта). В 2009 году мировая добыча нефти составила
30,8 миллиарда баррелей, то есть порядка 4,1–4,3 миллиарда
тонн. Доказанные мировые запасы нефти составили в том
же году 1341 миллиард баррелей, или 180–190 миллиардов
тонн. См.: US Energy Information Administration. <http://www.eia.gov/> — *Примеч. пер.*

ные ведущими геологами-нефтяниками, хоть как-то соответствуют действительности, то нет сомнений, что в течение ближайших десяти лет нефтяная промышленность сможет поддерживать нынешний уровень роста; ее способность расти теми же темпами 20 лет вызывает серьезные сомнения; и почти наверняка она не сможет продолжать быстрый рост после 1980 года. В этот год или в один из ближайших мировое потребление топлива было бы выше, чем когда-либо прежде, и доказанные запасы нефти в абсолютном значении также достигли бы рекордных значений. Никто не говорит, что мировые нефтяные ресурсы подошли бы к концу, но к концу подошел бы рост нефтедобычи. Любопытно, что это уже произошло в США с природным газом. Его добыча достигла исторического пика, но соотношение текущей добычи и оставшихся запасов таково, что ее дальнейший рост может оказаться невозможным⁵.

Что касается Британии — высоко индустриализованной страны с высоким уровнем потребления нефти, но без внутренних источников снабжения — нефтяной кризис настанет в ней, не когда вся мировая нефть иссякнет, но когда мировое нефтяное снабжение перестанет расти. Если это произойдет примерно через 20 лет (как это было в наших пробных расчетах), когда индустриализация завоюет весь земной шар и в слаборазвитых странах проснется вкус к высокому уровню жизни, хотя и будет

Теория, согласно которой исторический пик добычи полезного ископаемого может быть предсказан исходя из динамики темпов его потребления и обнаружения его новых запасов, была выдвинута американским геофизиком М.К. Хаббертом в 1956 году. Хабберт предсказал, что добыча нефти в США достигнет пика около 1970, а в мире — около 2000 года. Тогда как добыча нефти в США действительно достигла пика в 1971 году и с тех пор убывает, мировая добыча нефти в предсказанные сроки пика не достигла. Согласно современным исследованиям, добыча нефти из скважин может достичь пика в ближайшие годы, а возможно уже его достигла. См.; World Energy Outlook. 2010. P. 77–80. В то же время в альтернативных источниках, таких как битуминозные пески, содержится во много раз больше нефти, чем в обычных месторождениях, но добыча такой нефти на данный момент является очень дорогостоящей. — *Примеч. пер.*

сохраняться тяжелейшая бедность, то что же еще станет результатом всего этого, как не напряженная, даже ожесточенная, борьба за нефтяное снабжение, борьба, в которой любая страна с большими потребностями и незначительными внутренними источниками снабжения окажется в очень слабом положении.

Если хотите, можете преобразовать пробный расчет, изменив базовые предпосылки пусть даже на 50%: вы увидите, что результаты не станут существенно иными. Если вам по душе крайний оптимизм, можете считать вполне вероятным, что точка максимального роста будет достигнута не к 1980 году, а несколькими годами позже. Какое это имеет значение? Мы или наши дети будем всего на несколько лет старше.

Все это означает, что National Coal Board, этому попечителю национальных угольных запасов, выпала важнейшая задача и величайшая ответственность — обеспечить щедрое предложение угля, когда грянет всемирная борьба за нефть. Но это будет невозможно, если компания допустит, чтобы угольная промышленность или существенная ее часть была ликвидирована из-за того, что нефть в силу всевозможных временных причин стала дешевой и доступной в изобилии...

В каком положении окажется уголь, скажем, в 1980 году? Все указывает на то, что спрос на уголь в этой стране будет выше, чем сейчас. Нефти все еще будет очень много, но необязательно достаточно для удовлетворения всех потребностей. Возможно, будет идти всемирная борьба за нефть, отражением которой, вероятно, станет чрезвычайный рост ее цен. Все мы должны надеяться, что National Coal Board сумеет в целостности и сохранности провести свою промышленность сквозь предстоящие тяжелые годы и сохранит, насколько это возможно, способность добывать около 200 миллионов тонн угля в год. Даже если временами может казаться, что меньше угля и больше импортной нефти будет дешевле или удобнее для определенных лиц или для экономики в целом, национальную топливную политику должна определять долгосрочная перспектива. И эту долгосрочную перспективу нужно оценивать в свете таких всемирных тенденций, как индустриализация и рост населения. Показатели

говорят, что к 1980 году у нас мировое население будет, по меньшей мере, на треть больше нынешнего, уровень промышленного производства — в два с половиной раза выше, чем сегодня, а использование топлива вырастет более чем вдвое. Чтобы позволить двукратное увеличение совокупного потребления топлива, будет необходимо увеличить добычу нефти вчетверо; удвоить получение гидроэлектроэнергии; сохранить добычу природного газа хотя бы на нынешнем уровне; добиться существенного вклада со стороны ядерной энергетики (хотя он все равно будет скромным) и добывать угля приблизительно на 20% больше, чем сейчас. Разумеется, за следующие 20 лет произойдет много событий, которые мы не можем предвидеть сегодня. Какие-то из них могут привести к увеличению потребности в угле, а какие-то — к снижению. Нельзя основывать принятие решений на непредвиденном или на том, чего предвидеть нельзя. Если наше сегодняшнее решение будет основано на том, что можно предвидеть сегодня, то это будет решение сохранить угольную промышленность, а не ликвидировать ее...⁶

Эти и многие другие предостережения, звучавшие на протяжении 1960-х годов, не только не были приняты во внимание, но и становились предметом насмешек и презрения — вплоть до наступления всеобщей топливной паники 1970 года. Каждое новое открытие нефти или природного газа, будь то в Сахаре, Нидерландах, Северном море или на Аляске, провозглашалось значительнейшим событием, «фундаментально меняющим все будущие перспективы», — как будто приведенный выше анализ не предполагал, что открытия огромных количеств нефти будут происходить каждый год.

Главное критическое замечание, которое сегодня можно высказать по поводу пробных расчетов 1961 года, состоит в том, все цифры немного занижены. События развивались даже быстрее, чем я ожидал 10 или 20 лет назад.

Schumacher E.F. Prospect for Coal. Address to a Conference of University Appointments Offices. 1961. April.

Даже сегодня прорицатели, не зная устали, вещают об отсутствии проблем. На протяжении 1960-х годов основная масса успокоительных заверений раздавалась из уст представителей нефтяных компаний, хотя цифры полностью опровергали их слова. И, когда половина производственных мощностей и намного больше половины промышленных запасов угля Западной Европы уничтожены, они сменили пластинку. Теперь нам говорили, что ОПЕК (Организация стран — экспортеров нефти) навсегда останется пустым сочетанием букв, потому что арабы никогда не смогут договориться друг с другом, не говоря о том, чтобы договориться с не-арабами; сегодня очевидно, что ОПЕК — крупнейшая картельная монополия, какую когда-либо видел свет. Нам говорили, что страны-экспортеры нефти так же сильно зависят от стран-импортеров, как и последние от первых; сегодня очевидно, что это не более, чем принятие желаемого за действительное, потому что нужда потребителей нефти столь велика, а их спрос столь неэластичен, что страны-экспортеры, действуя в унисон, могут увеличивать свою выручку таким нехитрым способом, как сокращение выпуска. Все еще находятся люди, говорящие, что если бы цены на нефть выросли слишком сильно (что бы это ни значило), то нефть потеряла бы покупателей, но совершенно очевидно, что для нефти нет готового заменителя, который мог бы занять ее место в существенных масштабах. Поэтому нефть, по большому счету, не может потерять покупателей.

Тем временем в нефтяных странах начинают осознавать — чтобы обеспечить население новыми источниками средств к существованию, одних только денег недостаточно. Чтобы создать такие источники, в дополнение к деньгам нужны огромные усилия и долгое время. Нефть — это «расходуемое имущество», и чем быстрее мы позволим ему израсходоваться, тем меньше останется у нас времени для создания нового фундамента экономического существования. Вы-

вод очевиден: настоящий долгосрочный интерес как стран-экспортеров нефти, так и стран-импортеров состоит в том, чтобы продлить «срок жизни» нефти, насколько это возможно. Первым нужно время, чтобы сформировать альтернативные источники средств к существованию, а последним нужно время, чтобы приспособить свои зависимые от нефти экономики к ситуации, когда нефть будет дефицитной и очень дорогой, ситуации, которую абсолютно точно успеет застать большинство живущих сегодня. И для тех стран, и для других величайшую угрозу представляет продолжение быстрого роста добычи и потребления нефти по всему миру. Катастрофических тенденций на нефтяном фронте можно было бы избежать лишь в том случае, если было бы осознано фундаментальное созвучие долгосрочных интересов стран обеих групп и предприняты согласованные усилия по стабилизации и постепенному сокращению объемов ежегодно потребляемой нефти.

Что касается импортирующих стран, очевидно, что самый серьезный оборот проблема принимает для Западной Европы и Японии. Этим двум областям угрожает опасность оказаться в роли «отказополучателей» нефтяных импортов. Не нужно скрупулезных компьютерных исследований, чтобы установить этот безрадостный факт. До совсем недавнего времени Западная Европа жила в мире уютной иллюзии, что «мы вступаем в век бесконечной, дешевой энергии», а известные ученые, как и многие другие люди, выражали твердое убеждение в том, что в будущем «энергии на рынке будет с избытком». В Белой книге британского правительства по топливной политике, выпущенной в 1967 году, утверждалось, что

открытие природного газа в Северном море — важнейшее событие в истории развития британского энергообеспечения. По значимости оно идет сразу за становлением ядерной энергетики в качестве потенциального главного источника энергии. В будущие годы эти два со-

бытия приведут к фундаментальным изменениям характера спроса и предложения на рынке энергии.

Достаточно лишь сказать, что сегодня, по прошествии пяти лет, Британия зависима от импортной нефти больше, чем когда-либо. В отчете, представленном государственному секретарю по вопросам охраны окружающей среды в феврале 1972 года, глава, посвященная энергии, начинается словами:

Присылаемые нам данные вызывают глубокую озабоченность будущим энергетических ресурсов как в этой стране, так и в мире в целом. Оценки того, сколько времени пройдет, прежде чем ископаемые топлива будут исчерпаны, разнятся, но становится все яснее, что срок их жизни ограничен, и должны быть найдены удовлетворительные альтернативы. Зарождающиеся высокие потребности развивающихся стран, рост населения, темпы, которыми люди истощают источники энергии, не особо, видимо, задумываясь о последствиях, убежденность, что в будущем ресурсы будут доступны лишь ценой все возрастающих экономических издержек, опасности, которыми грозит ядерная энергетика — все эти факторы способствуют растущему беспокойству.

Жаль, что «растущее беспокойство» не дало о себе знать в 1960-е годы, на протяжении которых почти половина британской угольной промышленности была заброшена как «экономически нецелесообразная». Заброшенная однажды, она фактически стала потерянной навсегда — и вызывает изумление, что, несмотря на «растущее беспокойство», представители влиятельных кругов продолжают настаивать на закрытии шахт из «экономических» соображений.

IX. Ядерная энергия — спасение или проклятие?¹

Главной причиной всеобщего спокойствия — ныне все менее заметного — по поводу будущего энергоснабжения, несомненно, было возникновение ядерной энергии, случившееся, как все думали, как раз вовремя. Люди мало заботились о том, чтобы понять, что представляла собой эта новая энергия. Она была в новинку, она была изумительна, она была прогрессом и, по обещаниям, она должна была стать дешевой. Раз уж рано или поздно понадобится новый источник энергии, почему бы не обзавестись им прямо сейчас?

Высказывание, приведенное ниже, было сделано шесть лет назад. В то время оно выглядело крайне неортодоксальным.

Религия экономики заставляет людей поклоняться быстрым переменам, не обращая внимания на тот элементарный трюизм, что изменение, которое не является бесспорным улучшением — сомнительная благодать. Бремя доказательства переложили на плечи тех, кто придерживается «экологической точки зрения»: пока они не предоставят свидетельства явного вреда человеку, изменения будут продолжаться. В противоположность этому здравый смысл говорит, что бремя доказательства должно лежать на плечах того, кто хочет ввести изменение: он должен показать, что оно не может иметь вредных последствий. Но это ведь заняло бы слишком много времени, а значит, было бы экономически нецелесообразно! На самом деле экология должна быть обязательным предметом изучения для всех экономистов, как профес-

Основано на лекции «Чистый воздух и будущее энергетики — экономика и экология». (Clean Air and Future Energy — Economics and Conservation. The Des Væux Memorial Lecture to National Society for Clean Air. Blackpool, 1967. October 19.

сионалов, так и любителей, и возможно, это позволило бы восстановить хотя бы толику равновесия. Ведь с точки зрения экологии «природной среде, сложившейся на протяжении миллионов лет, следует отдавать должное. Нельзя, просто «потыкав» наугад, усовершенствовать нечто, столь сложное как планета, населенная более чем полутора миллионами видов растений и животных, живущих вместе в состоянии более или менее сбалансированного равновесия, вновь и вновь используя все те же молекулы воздуха и почвы. Всякие изменения в сложном механизме предполагают некоторый риск и должны предприниматься только после тщательного изучения всех имеющихся фактов. Прежде чем изменения станут внедряться повсеместно, они должны быть опробованы в малых масштабах. Когда информация недостаточна, изменения должны придерживаться образца природных процессов, в пользу которых бесспорно свидетельствует то, что они поддерживают жизнь уже на протяжении очень долгого времени².

Эти рассуждения шестилетней давности принимали далее следующий ход. Несомненно, что из всех изменений, привнесенных человеком в царство природы, масштабное ядерное деление — самое существенное и опасное. В результате ионизирующее излучение стало самым серьезным фактором загрязнения окружающей среды и величайшей угрозой выживанию человека на Земле. Внимание дилетантов, что не удивительно, было все это время приковано к атомной бомбе, однако есть хотя бы шанс, что она никогда больше не будет использована. Значительно опаснее для человечества может оказаться так называемое мирное использование атомной энергии. Вообще говоря, нет более яркого примера диктатуры экономики. Решения о том, строить ли привычные энергостанции, использующие уголь или нефть, или ядерные станции, принимаются исходя из экономических соображений и, возможно, немного — представлений о «социаль-

Buchsbaum R., Buchsbaum M. Basic Ecology. Pittsburgh: Boxwood Press, 1957.

ных последствиях», которые может вызвать урезание угольной промышленности. Тот факт, что ядерное деление представляет собой невероятную, ни с чем не сравнимую и уникальную опасность для человеческой жизни, не учитывается ни в каких вычислениях и никогда не упоминается. Нигде в мире страховые агенты (люди, для которых оценивать угрозу — профессия) не желают страховать в пользу третьего лица ядерные станции, в результате чего понадобилось специальное законодательство, по которому государство берет значительную ответственность на себя³. При этом угроза остается угрозой независимо от наличия или отсутствия страховки, но правительства и граждане до такой степени поработаны религией экономики, что, похоже, единственный вопрос, который их заботит — «выгодно ли это?»

И не было никакой нехватки в предупреждениях со стороны авторитетных лиц. Воздействия альфа-, бета- и гамма-лучей на живую материю отлично изучены: радиационные частицы вонзаются в организм, словно пули, а наносимый ими урон зависит, главным образом, от дозировки и от того, какие клетки они поражают⁴. Еще в 1927 году американский биолог Г.Дж. Мёллер опубликовал свое знаменитое исследование генетических мутаций, вызываемых бомбардировками рентгеновских лучей⁵, а с начала 1930-х годов о генетической опасности излучения знают уже не

Highton C.T. Die Haftung für Strahlenschäden in Grossbritannien // Die Atomwirtschaft. Zeitschrift für die wirtschaftlichen Fragen der Kernumwandlung. 1959. Jahrg. 4. Nr. 4.

⁴ *Schubert J., Lapp R.* Radiation: What It Is and How It Affects You. N.Y.: The Viking Press, 1957; а также: *Marquardt H., Schubert G.* Die Strahlengefährdung des Menschen durch Atomenergie. Hamburg, 1959; Proceedings of the International Conference on the Peaceful Uses of Atomic Energy. Vol. XI. Geneva, 1955; Proceedings of the The Second United Nations International Conference on the Peaceful Uses of Atomic Energy. Vol. XXII. Geneva, 1958.

⁵ *Muller H.J.* Changing Genes: Their Effects on Evolution // Bulletin of the Atomic Scientists. Chicago, 1947.

только генетики⁶. Совершенно ясно, что мы столкнулись с опасностью невиданного доселе «измерения», которая может угрожать не только тем, кто попадет под непосредственное воздействие радиации, но их потомству.

К новому «измерению» принадлежит и тот факт, что хотя в настоящий момент человек умеет создавать радиоактивные элементы (и делает это), получив их, он ничего не может сделать для снижения их радиоактивности. Как только радиации дан старт, нет ни химических реакций, ни физических воздействий, которые могли бы уменьшить ее интенсивность: только время справляется с этой задачей. Период полураспада углерода-14 составляет 5900 лет, то есть требуется почти 6000 лет, чтобы его первоначальная радиоактивность сократилась вдвое. Период полураспада стронция-90 — 28 лет. Но каким бы ни был период полураспада, некоторые виды излучения сохраняются почти бесконечно, и с этим ничего нельзя поделаться — только попытаться спрятать радиоактивное в безопасном месте.

Но что будет безопасным местом, скажем, для огромных количеств радиоактивных отходов, создаваемых ядерными реакторами? На всей Земле не найти такого места. Одно время считали, что эти отходы можно сбрасывать в глубочайшие точки океанов, так как полагали, что на такой глубине не может существовать никакой жизни⁷. Но с тех пор советские глубоководные исследования опровергли это предположение. Там, где имеется жизнь, радиоактивные вещества про-

Failla G. Statement // Hearings before the Special Subcommittee on Radiation, of the Joint Committee on Atomic Energy. 86th Congress of the United States, 1959. Vol. II. Fallout from Nuclear Weapons. Washington, D.C., 1959.

Revelle R., Schaefer M.B. Oceanic Research Needed for Safe Disposal of Radioactive Wastes at Sea // Proceedings. Geneva Conference. 1958. Vol. XVIII. *Bogorov V.G., Kreps E.M.* Concerning the Possibility of Disposing of Radioactive Waste in Ocean Trenches // Ibid.

никают в биологический круговорот. Планктон, водоросли и многие морские животные способны накапливать эти вещества, увеличивая их концентрацию в тысячу, а в некоторых случаях даже в миллион раз. По мере того как одни организмы поедают другие, радиоактивные материалы карабкаются вверх по лестнице жизни и находят дорогу назад к человеку⁸.

До сих пор не было достигнуто никакого международного соглашения о захоронении отходов. Конференция Международного агентства по атомной энергии, прошедшая в ноябре 1959 года в Монако, завершилась разногласиями, главным образом, ввиду резких возражений, выдвинутых большинством стран против практикуемого Британией и США захоронения отходов в океанах⁹. Отходы «высокого уровня активности» продолжают сбрасываться в море, тогда как массы так называемых отходов «среднего» и «низкого» уровней спускаются в реки или прямо в землю. Как лаконично сказано в отчете Комиссии по атомной энергии, жидкие отходы «медленно просачиваются в грунтовые воды, полностью или частично [sic!] оставляя свою радиоактивную составляющую в почве — чисто физически либо в виде химических соединений»¹⁰.

Разумеется, самыми массивными отходами будут вышедшие из употребления ядерные реакторы. Широко обсуждается тривиальный экономический вопрос о том, хватит ли их на 20, 25 или 30 лет. Никто не обсуждает ту жизненно важную проблему, что их нельзя ни демонтировать, ни переместить, но придется оставить, возможно, на века, быть может, на тысячелетия, там, где они находятся сейчас: там они будут стоять

⁸ Ketchum B.H., Bowen V.T. Biological Factors Determining the Distribution of Radioisotopes in the Sea // Proceedings. Geneva Conference. 1958. Vol. XVIII.

⁹ Levi W.H. Conference Report // Die Atomwirtschaft. 1960.

¹⁰ U.S. Atomic Energy Commission. Annual Report to Congress. Washington, D.C., 1960.

и дальше, активно угрожая всякой жизни, молчаливо испуская радиацию в почву, воду и воздух. Никто еще не задумался о расположении этих дьявольских мельниц и об их количестве, которое будет неумолимо расти. Ни землетрясений, ни войн, ни гражданских волнений, ни массовых беспорядков, вроде тех, что захлестнули американские города, само собой разумеется, не произойдет. Вышедшие из употребления электростанции будут стоять, словно уродливые памятники нескромной вере человека, что отныне его не ждет ничего, кроме веков безмятежности, а еще — что будущее ничего не значит в сравнении с малейшим экономическим выигрышем в настоящем.

Тем временем ряд специально уполномоченных органов занимается определением «предельно допустимых концентраций» (ПДК) и «предельно допустимых уровней» (ПДУ) для различных радиоактивных элементов. ПДК выражает количество данного радиоактивного вещества, накопление которого в человеческом теле можно допустить. Но известно, что любое накопление радиации причиняет биологический ущерб. «Поскольку мы не знаем, можно ли полностью оправиться после этих воздействий, — сообщают исследователи Военно-морской радиологической лаборатории США, — нам приходится чисто произвольно решать, с каким количеством радиации мы готовы мириться. То есть то или иное значение “допустимого” или “приемлемого” — это результат не научного исследования, а административного решения»¹¹. Едва ли можно удивляться, когда люди выдающегося ума и честности, такие как Альберт Швейцер, отказываются невозмутимо согласиться с подобными административными решениями: «Кто дал им на это право? Кто вообще вправе давать такое разрешение?»¹² История

U.S. Naval Radiological Defense Laboratory Statement // Selected Materials on Radiation Protection Criteria and Standards: Their Basis and Use.

¹² Schweitzer A. Friede oder Atomkrieg. 1958. September.

этих решений, мягко говоря, вызывает тревогу. Около 12 лет назад Британский научный совет по медицине анонсировал, что

предельный допустимый уровень содержания стронция-90 в человеческом скелете, признанный Международной комиссией по радиационной защите, составляет 1000 микро-микрокюри на грамм кальция (что равняется 1000 стронциевых единиц). Но это предельный допустимый уровень для взрослых работников особых специальностей; но он неприемлем для населения в целом и для детей с их повышенной чувствительностью к радиации¹³.

Немногим позже ПДК стронция-90 для обычного населения был снижен на 90%, а потом еще на треть, составив, таким образом, 67 стронциевых единиц. Тем временем ПДК для рабочих ядерных станций был увеличен до 2000 стронциевых единиц¹⁴.

Однако нужно остерегаться заблудиться в зарослях разногласий, выросших в этой области. Основное значение нужно придать тому факту, что, хотя к настоящему времени ядерная энергия используется лишь в статистически незначительных объемах, «мирное использование атомной энергии» уже привело к возникновению серьезных угроз, нависших не только над людьми, живущими сегодня, но и над будущими поколениями. Настоящий триумф ядерной энергии еще впереди, и его масштаб будет таков, что не каждый способен такое вообразить. Если он действительно настанет, то начнется непрерывный транспортный поток радиоактивных веществ с «высокордиоактивных» химических заводов на ядерные станции и обратно; со станций — на заводы по переработке отходов, а оттуда — в точки их захоронения. Любая серьезная авария, во время производства или транспортировки, будет грозить крупнейшей ката-

¹³ The Hazards to Man of Nuclear and Allied Radiations. British Medical Research Council. L.: HM Stationery Office, 1960.

¹⁴ Herber L. Op. cit.

строфой, а уровень радиации по всему миру будет из поколения в поколение неумолимо расти. Если только все живущие ныне генетики не впадают в общее заблуждение, то столь же неумолимо, хотя, несомненно, с некоторым запаздыванием, будет расти число вредных мутаций. К.З. Морган, сотрудник лаборатории Оук-Ридж, подчеркивает, что ущерб может быть почти неуловимым и состоять в постепенном снижении разнообразных функций организма, таких как подвижность, фертильность и работа органов чувств. «Если малая доза оказывает хоть какой-то эффект на любой из стадий жизненного цикла, то постоянное облучение на таком уровне может наносить больший ущерб, чем единовременное получение крупной дозы... В конечном счете генетические повреждения и изменение уровня мутаций могут иметь место даже тогда, когда непосредственно наблюдаемое влияние на жизнеспособность подвергаемых радиации особей отсутствует»¹⁵.

Ведущие генетики предупредили нас, что следует сделать все возможное для избежания любого роста уровня мутаций¹⁶. Ведущие медики потребовали, чтобы будущее ядерной энергетики зависело в первую очередь от результатов исследований в области радиационной биологии, которые еще очень далеки от завершения¹⁷. Ведущие физики дали понять, что для решения проблемы будущего энергоснабжения (проблемы, которая отнюдь не стоит остро сегодня) следует опробовать «меры, куда менее героические, чем создание... ядерных реакторов»¹⁸. И в то же время ведущие

Morgan K.Z. Summary and Evaluation of Environmental Factors That Must Be Considered in the Disposal of Radioactive Wastes // Industrial Radioactive Disposal. Vol. III. 1959.

¹⁶ *Marquardt H. Natürliche und künstliche Erbanderungen // Probleme der Mutationsforschung. Hamburg, 1957.*

¹⁷ *Schubert J., Lapp R. Op. cit.*

¹⁸ *Weinberg A.M. Today's Revolution // Bulletin of the Atomic Scientists. Chicago, 1956.*

специалисты по стратегическим и политическим проблемам предупредили нас, что нельзя будет надеяться предотвратить рост числа атомных бомб, если продолжится наращивание плутониевых мощностей, «столь эффективную отмашку для которого дал в своей речи от 8 декабря 1953 года, озаглавленной “Атом для мира”, президент Эйзенхауэр»¹⁹.

Но все эти веские мнения не играют роли в дебатах о том, следует ли нам немедленно перейти к реализации крупной «второй ядерной программы» или еще какое-то время полагаться на привычные топлива, которые, каковы бы ни были доводы за или против них, не ставят нас перед лицом совершенно новых и, по общему признанию, непросчитываемых рисков — ни одно из них даже не упоминается. Спор, исход которого может иметь жизненно важные последствия для будущего людского рода, вертится исключительно вокруг проблемы извлечения непосредственной выгоды — как если бы два старьевщика пытались договориться об оптовой скидке.

В конце концов, что такое задымление воздуха в сравнении с загрязнением воды, воздуха и почвы ионизирующим излучением? Я ни в коем случае не пытаюсь приуменьшить зло, причиняемое обычным загрязнением воды и воздуха. Но мы должны осознать, что радиационное загрязнение — явление иного «измерения», зло несравненно большее, чем любое, которое человечество видело до сих пор. Можно даже спросить: какой смысл требовать чистоты воздуха, если этот воздух заполнен радиоактивными частицами? И даже если бы можно было оградить от этого воздух, какой в этом смысл, если отравлены почва и вода?

Даже экономист вполне мог бы задаться вопросом: какой смысл в экономическом прогрессе, в так называемом высоком уровне жизни, когда Земля,

¹⁹ *Beaton L. Must the Bomb Spread? The Institute of Strategic Studies. L.: Penguin Books Ltd., 1966.*

единственная Земля, которая у нас есть, заражается веществами, которые могут вызвать пороки развития у наших детей и внуков? Неужели трагедия с талидомидом ничему нас не научила?²⁰ Можем ли мы решать вопросы столь фундаментального характера, полагаясь на успокоительные заверения или увещевания официальных лиц, что «в отсутствие доказательства, что [та или иная инновация] причиняет какой-либо вред, было бы верхом безответственности поднимать публичную тревогу»?²¹ Можем ли мы решать их, попросту основываясь на подсчетах краткосрочной прибыли? Леонард Битон писал:

Можно было бы ожидать, что те, кто боится распространения ядерного оружия, будут делать все возможное, чтобы воспрепятствовать этим тенденциям; что Соединенные Штаты, Советский Союз и Британия потратят большие деньги на доказательство того, что, например, обычные топлива недооценены как источник энергии... В действительности же... последовали инициативы, которые следует считать одной из самых необъяснимых политических причуд в истории. Разве что социальный психолог мог бы надеяться объяснить, почему обладатели самого страшного оружия в истории стали содействовать распространению промышленной отрасли, необходимой для его создания... К счастью... ядерные реакторы все еще достаточно малочисленны²².

На самом деле своего рода объяснение дал выдающийся американский ядерный физик Э.М. Вайнберг: «Стремление людей доброй воли извлечь из положительных аспектов ядерной энергии как можно больше, — говорит он, — вполне понятно в свете того,

«Талидомид» — седативное снотворное лекарственное средство, прием которого вызвал в период с 1956 по 1962 год множество случаев периферического неврита у взрослых, а также пороков развития у новорожденных. — *Примеч. пер.*

²¹ Caster W.O. From Bomb to Man // *Fallout* / ed. by J.M. Fowler. N.Y.: Basic Books, 1960.

²² Beaton L. *Op. cit.*

сколь удручающе ее отрицательные аспекты». Но, кроме того, предупреждает он, «когда ученые-атомщики с таким оптимизмом пишут о своем влиянии на положение дел в мире, у них есть на то серьезные причины личного характера. Каждый из нас должен оправдать в собственных глазах свою преданность работе над орудием ядерного уничтожения (даже мы, работающие над реакторами, испытываем лишь немногим меньшее чувство вины, чем наши коллеги, имеющие дело с оружием)»²³.

Казалось бы, инстинкт самосохранения должен был сделать нас невосприимчивыми к красноречию ученых, спровоцированному чувством вины, или к бездоказательным обещаниям финансовых преимуществ. «Сейчас еще не поздно пересмотреть наши старые решения и принять новые, — сказал недавно один американский обозреватель. — На данный момент, по меньшей мере, выбор есть»²⁴. Когда число радиоактивных объектов значительно вырастет, выбора больше не будет: мы не сможем решать, сохранить угрозу или нет.

Очевидно, что определенные научные и технические прорывы последних 30 лет вызвали и продолжают вызывать угрозы совершенно недопустимого характера. На Четвертой национальной конференции по вопросам рака, прошедшей в сентябре 1960 года в Америке, Лестер Бреслоу из Калифорнийского департамента здравоохранения доложил, что на западных рыбных фермах десятки тысяч особей форели неожиданно заболели раком печени. Он говорил о том, что

технические изменения, воздействующие на человеческую окружающую среду, вводятся столь быстро и неконтролируемо, что человеку просто чудом удается избежать эпидемий рака, вроде той, что поразила в этом году форель²⁵.

Weinberg A.M. Op. cit.

²⁴ Schneir W. *The Atom's Poisonous Garbage* // *The Reporter*. 1960.
Herber L. Op. cit.

Конечно, тот, кто говорит о таких вещах, может навлечь на себя обвинения в том, что он против науки, техники и прогресса. Поэтому позвольте мне в заключение сказать несколько слов о будущих научных исследованиях. Человек способен прожить без науки и техники не дольше, чем он способен прожить один на один с природой. Но что нуждается в тщательнейшем обдумывании, так это *направление* научных исследований. Мы не можем целиком оставить эту задачу ученым. Как говорил сам Эйнштейн²⁶, «почти все ученые полностью зависимы экономически», а «число ученых, обладающих чувством социальной ответственности, столь мало», что эти немногие не в состоянии задавать направление исследований. Приведенное изречение, без сомнения, применимо ко всем специалистам, а решение проблемы, следовательно, выпадает на долю интеллектуалов-любителей, людей вроде тех, из которых состоит Национальное общество чистого воздуха и прочие подобные общества, занятые *сохранением окружающей среды*. Они должны работать над общественным мнением, чтобы зависимые от него политики сбросили рабские оковы экономизма и уделили внимание действительно важным вещам. А что действительно важно, так это, как я уже говорил, направление исследований: они должны быть направлены к ненасилию, к гармоничному сотрудничеству с природой, а не к войне с ней, к не создающим шума, неэнергозатратным, элегантным и экономичным решениям (таким, к которым обычно прибегает природа), а не к шумным, энергозатратным, жестоким, расточительным и топорным решениям нашей сегодняшней науки.

Продолжение научного прогресса в направлении все большего насилия, которое достигло кульминации в ядерном делении и теперь встает на путь ядер-

²⁶ Einstein A. On Peace / ed. by O. Nathan, H. Norden. N.Y.: Schocken Books, 1960.

ного синтеза — это кошмарная тенденция, грозящая уничтожением человека. Но такое направление вовсе не предопределено волей рока. Есть и другая возможность, животворящая и угодная жизни: сознательно исследовать и культивировать все относительно ненасильственные, гармоничные, органические методы сотрудничества с той огромной, чудесной, непостижимой системой Богом данной природы, частью которой мы являемся и которую мы, уж конечно, не создали сами.

Это утверждение, ставшее частью моей лекции, прочитанной в октябре 1967 года перед Национальным обществом чистого воздуха, было встречено чуткими аплодисментами, но впоследствии подверглось яростным нападкам со стороны представителей власти как «в высшей степени безответственное». Сообщают что, самое смешное замечание было сделано Ричардом Маршем, который на тот момент занимал пост министра энергетики Великобритании. Он счел необходимым сделать автору «выговор». Лекция, по его словам, была одним из наиболее странных и наименее полезных вкладов в текущую дискуссию о себестоимости ядерного и угольного топлива²⁷.

Но времена меняются. В отчете, представленном в феврале 1972 года государственному секретарю по вопросам охраны окружающей среды официально назначенной рабочей группой, изданном Офисом публичной информации Великобритании под заглавием «Загрязнение: досадная неприятность или кара свыше?», говорится о загрязнении:

Основные беспокойства связаны с будущим, причем, в международном контексте. Экономическое процветание мира, похоже, прочно привязано к ядерной энергии. В данный момент ядерная энергия дает лишь 1% от всего электричества, вырабатываемого в мире. Если дела пойдут согласно нынешним планам, то к 2000 году эта цифра значительно превзойдет 30%, а каждый день в мире будет

Daily Telegraph. 1967. October 21.

IX. ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ — СПАСЕНИЕ ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ?

открываться что-то около двух новых 500-мегаваттных реакторов — то есть каждый величиной с тот, что находится в Тросфиниде, Сноудония²⁸.

О радиоактивных отходах ядерных реакторов:

Причиной самых больших беспокойств по поводу будущего становится проблема хранения отходов, долгое время сохраняющих радиоактивность... Радиоактивность, в отличие от других загрязнителей, нельзя уничтожить... Поэтому нет альтернатив вечному хранению...

В Соединенном Королевстве стронций-90 в настоящее время хранят в жидком состоянии в больших баках из нержавеющей стали в Виндскейле, Камберленд. Их приходится непрерывно охлаждать с помощью воды, потому что иначе тепло от излучения поднимет температуру выше точки кипения. Нам придется охлаждать эти баки еще много лет, даже если мы больше не будем строить ядерных реакторов. Но, учитывая ожидаемый в будущем значительный рост использования стронция-90, проблема может оказаться куда сложнее. Более того, ожидаемый переход на быстрые реакторы-бридеры еще больше усугубит ситуацию, поскольку такие реакторы производят большое количество радиоактивных веществ с очень долгими периодами полураспада.

В результате мы сознательно и намеренно накапливаем токсичные вещества, надеясь, что в дальнейшем у нас появится возможность избавиться от них. Мы поручаем будущим поколениям решение проблемы, подхода к которой не знаем сами.

Наконец, в отчете звучит ясное предостережение:

Очевидная опасность состоит в том, что человек может положить все яйца в ядерную корзину, прежде чем откроет, что решения не существует. В этом случае, средствами политики нас начали бы заставлять игнорировать угрозу, исходящую от радиации, и продолжать использовать уже построенные ядерные реакторы. Единственным благоразумным решением было бы замедлить осуществление ядерной программы до тех пор, пока мы не решим проблему захоронения отходов... Многие ответственные

²⁸ Pollution: Nuisance or Nemesis? HMSO. L., 1972.

люди пошли бы еще дальше. Они считают, что нельзя строить новые ядерные реакторы, пока мы не знаем, как контролировать их отходы.

Но как же тогда удовлетворить неуклонно растущий спрос на энергию?

Поскольку планируемый спрос на электричество нельзя удовлетворить, не прибегая к ядерной энергии, человечество, полагают они, должно создать общества, в которых электричество и прочие формы энергии расходуются не столь расточительно. Более того, необходимость таких перемен представляется им неотложной.

Никаким процветанием нельзя оправдать накопление больших количеств высокотоксичных веществ, для которых никто не знает «безопасного места». Эти вещества будут создавать неисчислимы угрозы для всего сотворенного мира на протяжении исторических или даже геологических периодов. Делая так, мы совершаем преступление против самой жизни, преступление, неизмеримо более страшное, чем любое, когда-либо совершенное человеком. Идея, будто цивилизация может существовать за счет такого преступления, — это этическое, духовное и метафизическое извращение. Придерживаться ее — вести экономические дела так, как будто люди действительно ничего не значат.

Х. Техника с человеческим лицом¹

Современный мир был сформирован своей метафизикой, которая сформировала его образование, а последнее, в свою очередь, породило его науку и технику. Таким образом, не оглядываясь на метафизику и образование, можно сказать, что современный мир был сформирован техникой. Его бросает из одного кризиса в другой, всюду слышны предсказания катастрофы и, действительно, видны признаки расстройтва.

Если то, что было сформировано техникой и продолжает формироваться ею, выглядит больным, то, возможно, не лишено мудрости предложение взглянуть на саму технику. Если мы чувствуем, что техника становится все бесчеловечнее, то не помешает задуматься над тем, можно ли заменить ее чем-то лучшим — техникой с человеческим лицом.

Как ни странно, техника, хотя и является произведением человека, развивается, как правило, согласно своим собственным законам и принципам, которые очень сильно отличаются от законов и принципов человеческой природы или живой природы в целом. Природа, скажем так, всегда знает, где и когда остановиться. Естественное прекращение роста — еще более великая тайна, чем естественный рост. В природе все в меру — будь то размер, скорость или насилие. В итоге система природы, частью которой является человек, имеет свойство уравниваться, упорядочиваться и очищаться самостоятельно. С техникой дела обстоят иначе, или, вернее сказать, иначе обстоят дела с человеком,

¹ Основано на лекции, прочитанной 23 октября 1971 года в Лондоне на 6-й ежегодной конференции «Центра Тейлхард» (Teilhard Centre) по проблемам человеческого будущего.

над которым господствуют техника и специализация. Техника не знает самоограничивающего принципа, например, когда дело касается размера, скорости или насилия. Поэтому ей отказано в добродетелях самоуравновешиваемости, самоупорядочиваемости и самоочищаемости. Помещенная в тонкую систему природы, техника — а особенно супертехника современного мира — подобна инородному телу, и сегодня мы видим многочисленные признаки отторжения.

Внезапно, пусть и не совсем неожиданно, современный мир, сформированный техникой, оказывается ввергнутым в три кризиса одновременно. Во-первых, человеческая природа восстает против бесчеловечных технических, организационных и политических моделей, которые становятся для нее удушающими и изнуряющими. Во-вторых, живая окружающая среда, поддерживающая жизнь человека, стонет и корчится от боли, видны признаки ее частичного расстройств. В-третьих, любому, кто досконально знает предмет, очевидно, что набеги на мировые запасы невозобновляемых ресурсов, в частности ископаемых топлив, столь опустошительны, что уже в обозримом будущем маячат серьезные неприятности и фактическое истощение.

Каждый из этих трех кризисов может оказаться губительным. Не знаю, какой из них может с наибольшей вероятностью стать прямой причиной. Однако совершенно ясно, что образ жизни, основанный на материализме, то есть на постоянной, безграничной экспансии в конечную окружающую среду, не может продолжаться долго, и что ожидаемая продолжительность такой жизни тем ниже, чем успешнее она достигает своих экспансионистских целей.

Если мы спросим, куда нас привело бурное развитие мировой промышленности на протяжении последней четверти века, то ответ окажется несколько разочаровывающим. Похоже, проблемы всюду возникают быстрее, чем решения. К богатым странам это, по-

видимому, относится в такой же степени, как и к бедным. Опыт последних 25 лет не дает никаких оснований считать, что современная техника, какой мы ее знаем, действительно в силах помочь нам уменьшить мировую бедность, не говоря уже о проблеме безработицы, которая во многих так называемых развивающихся странах уже достигает отметок порядка 30%, а также во многих богатых странах грозит принять эпидемический характер. В любом случае очевидные, хотя и иллюзорные, успехи последних 25 лет повторить уже не удастся: тройкий кризис, о котором я говорил, позаботится об этом. Поэтому нам было бы полезнее задать вопрос о технике: что она делает и что она должна делать? Можем ли мы создать технику, которая действительно поможет нам решить наши проблемы — технику с человеческим лицом?

Казалось бы, первоначальная задача техники — облегчить бремя работы, которое человек вынужден нести, чтобы остаться в живых и развить свой потенциал. Нетрудно увидеть, что с этой задачей техника справляется: достаточно взглянуть, как работает любой отдельный элемент машинного оборудования — компьютер, например, за секунды может сделать то, на что у клерков или даже математиков ушло бы очень много времени (если они вообще на это способны). Сложнее убедить себя в истинности этого простого высказывания, глядя на общества в целом. Когда я впервые путешествовал по миру, то, посещая как богатые страны, так и бедные, я почувствовал искушение сформулировать первый закон экономики так: «Количество реального досуга, которым располагает общество, в целом обратно пропорционально количеству трудосберегающего машинного оборудования, которое оно использует». Быть может, неплохая идея — предложить профессорам экономики включать это высказывание в свои экзаменационные билеты и просить своих учеников о нем порассуждать. Как бы то ни было свидетельства его истинности действительно очень веские. Поехав

из беззаботной Англии, скажем, в Германию или Соединенные Штаты, вы увидите, что жизнь людей там гораздо напряженнее, чем здесь. А переместившись в страну вроде Бирмы, которая находится почти в самом низу рейтинга индустриального прогресса, вы обнаружите, что живущие там люди располагают огромным количеством самого настоящего личного досуга. Разумеется, поскольку к их услугам трудосберегающего оборудования гораздо меньше, чем к нашим, они «делают» гораздо меньше — но это уже другой вопрос. Факт в том, что их жизнь куда менее обременительна, чем наша.

Поэтому вопрос о том, что же на самом деле нам дает техника, стоит того, чтобы им заняться. Она явно очень сильно сокращает некоторые виды работы, увеличивая при этом работу других. Работа, которую современная техника сокращает или даже исключает успешнее всего, — это требующая навыков, производительная работа человеческих рук, выполняемая в соприкосновении с реальными материалами того или иного рода. В развитом индустриальном обществе такая работа стала чрезвычайно редкой, и зарабатывать с ее помощью на достойную жизнь фактически невозможно. Быть может, именно этот факт стал виной значительной части современных неврозов: ведь человеческому существу, которое Фома Аквинский определил как существо с мозгом и руками, ничто не доставляет такого наслаждения, как творческое, полезное, производительное использование и рук, и мозга. Сегодня, чтобы достичь этого простого наслаждения, этой величайшей роскоши, человеку нужно быть богатым, нужно быть в состоянии позволить себе необходимое пространство и хорошие орудия, ему нужна удача, чтобы найти хорошего учителя и свободное время для обучения и практики. Вообще говоря, ему нужно быть настолько богатым, чтобы не нуждаться в профессии: ведь на самом деле таких профессий, удовлетворяющих всем этим условиям, очень мало.

То, до какой степени современная техника при-
своила работу, принадлежавшую человеческим ру-
кам, можно проиллюстрировать на следующем при-
мере. Зададимся вопросом: какая доля «совокупного
общественного времени» (то есть времени, которое
мы имеем все вместе, по 24 часа в сутки каждый) за-
трачивается на реальное производство. Так называе-
мой доходной деятельностью занято немногим менее
половины всего населения страны. Лишь около трети
от этой половины составляют непосредственные про-
изводители: шахтеры, строители, работники сельско-
го хозяйства и промышленности. Я говорю именно
о *непосредственных производителях*, а не о тех, кто
говорит другим, что им делать, составляет отчеты о
прошлом, планирует будущее или распределяет про-
изведенное другими людьми. Иными словами, непо-
средственным производством занято немногим ме-
нее шестой части совокупного населения. В среднем
каждый такой человек содержит, помимо себя, еще
пятерых, из которых двое заняты доходной деятель-
ностью, не относящейся к производству, и еще трое
не заняты доходной деятельностью. Далее, принимая
во внимание праздники, болезни и прочие причины
для отсутствия, человек с полным рабочим днем тра-
тит на работу около пятой части всего своего време-
ни. Следовательно, доля совокупного общественного
времени, затрачиваемого на непосредственное про-
изводство (в том узком смысле, в каком я использую
этот термин) составляет, грубо говоря, одну пятую
от одной трети от половины, то есть 3,5%. Остальные
96,5% «совокупного общественного времени» тратят-
ся на прочие вещи, включая сон, еду, просмотр теле-
визора, выполнение работы, не связанной *напрямую* с
производством, или просто более или менее гуманное
убийство времени.

Хотя эти небольшие вычисления не нужно воспри-
нимать слишком буквально, пример вполне адекватно
позволяет показать, что позволила нам сделать тех-

ника, а именно: сократить количество времени, непосредственно затрачиваемого на производство в самом элементарном смысле, до такой крошечной доли от совокупного общественного времени, что эта доля становится совсем незаметной, что она теряет всякий вес, не говоря уже о престиже. Взглянув на индустриальное общество под таким углом, трудно удивляться, что престижем пользуются те, кто помогает заполнить оставшиеся 96,5% совокупного общественного времени, в первую очередь работники сферы развлечений, а также и те, кто выполняет закон Паркинсона². По большому счету, студентов социологии можно было бы учить следующему: «Престиж, которым люди обладают в современном индустриальном обществе, изменяется обратно пропорционально степени их близости к непосредственному производству».

На то имеется следующая причина. Неизбежное следствие процесса сокращения времени, уходящего на производство, до 3,5% совокупного общественного времени состояло в том, что это время, перестало приносить человеку какое-либо нормальное удовольствие или удовлетворение. Фактически все реальное производство было превращено в бесчеловечную рутину, которая опустошает человека, а не обогащает. Кто-то сказал, что «мертвая материя покидает заводы улучшенной, тогда как люди претерпевают там унижение и деградацию».

Поэтому можно сказать, что современная техника лишила человека той работы, которой он наслаждается больше всего, работы творческой и полезной, работы руками и мозгами, и загрузила его работой отрывочного характера, большая часть которой ему вообще никакого наслаждения не приносит. Она приум-

Закон Паркинсона — правило, сформулированное британским историком С.Н. Паркинсоном в его юмористическом эссе, опубликованном в журнале «The Economist» в ноябре 1955 года, гласящее: «Работа заполняет все время, отведенное на ее выполнение». — *Примеч. пер.*

ножила количество людей, занятых работой, которая, если и способствует производству, то лишь косвенно, и значительная ее часть вообще не была бы нужна, будь техника чуть менее современной. Похоже, Карл Маркс в значительной мере предвидел это, когда писал: «они желают, чтобы производилось только “полезное”, забывая, что производство слишком большого количества полезных вещей производит слишком много бесполезного населения»³. Особенно, добавим мы, когда процесс производства скучен и не приносит наслаждения. Все это подтверждает наше подозрение, что современная техника, характер ее развития в прошлом, настоящем и, предположительно, в будущем, все больше утрачивает человеческие черты, и что нам пошло бы на пользу произвести переучет и пересмотреть наши цели.

Производя переучет, мы можем сказать, что обладаем обширным запасом новых знаний, блестящими научными методиками для его дальнейшего расширения и колоссальным опытом его применения. Все эти знания в своем роде истинны. Эти истинные знания как таковые не принуждают нас ни к гигантизму, ни к сверхзвуковым скоростям и насилию в технике, ни к уничтожению работы, доставляющей человеку наслаждение. Способ, каким мы используем наши знания, — это лишь один из возможных способов их использовать, и сегодня становится все очевиднее, что способ этот лишен мудрости и разрушителен.

Как следует из приведенного выше примера, в нашем обществе время, напрямую посвященное производству, уже сокращено до примерно 3,3% от совокупного общественного времени, и все тенденции современного технического развития направлены на его дальнейшее асимптотическое сокращение до нуля. Представим, что мы поставили себе противополож-

Пер. по: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. С. 132. — *Примеч. пер.*

ную цель — увеличить его в 6 раз, так, чтобы примерно 20% совокупного общественного времени использовалось непосредственно для производства вещей с помощью рук, мозгов и, естественно, превосходных орудий. Невероятная мысль! Даже детям, даже старикам было бы позволено задействовать себя с пользой. Мы производили бы столько же, сколько сегодня, имея производительность в 6 раз ниже, чем сегодня. На каждое действие у нас было бы в 6 раз больше времени — достаточно, чтобы сделать его действительно хорошо, чтобы насладиться им, чтобы получать по-настоящему качественный результат и даже для того, чтобы делать вещи прекрасными. Подумайте о терапевтической, об образовательной ценности настоящей работы. Никому больше не захотелось бы увеличивать количество школьных лет или снижать возраст выхода на пенсию, чтобы держать людей подальше от рынка труда. Каждый стал бы желанным помощником. Ныне редчайшая привилегия — возможность работать с пользой, творчески, собственными руками и мозгами, в удобное для себя время, своим темпом и располагая превосходными орудиями — стала бы доступной для всех. Означало ли бы это страшное увеличение продолжительности рабочего дня? Нет, люди, работающие таким образом, не знают разницы между работой и досугом. Когда они не спят, не едят или не решают немного побездельничать, они с охотой занимаются производительной деятельностью. Многие профессии, «кормящиеся» за счет накладных расходов, просто исчезли бы — предоставлю читателю самому назвать их. Уменьшилась бы потребность в бессмысленных развлечениях и прочих наркотиках, и, несомненно, значительно снизилось бы число заболеваний.

Можно было бы сказать, что это романтическая и утопичная картина. Вполне справедливо. Современное индустриальное общество лишено романтики и, уж точно, не утопично, ведь с ним-то мы и имеем дело

в реальности. Но оно в очень большой беде и не подает надежд на выживание. Нам непременно придется иметь смелость мечтать, если мы хотим выжить сами и дать шанс на выживание нашим детям. Троякий кризис, о котором я говорил, никуда не денется, если мы будем просто продолжать в том же духе, что и раньше. Он будет усугубляться и закончится катастрофой, если мы не придем к новому образу жизни, совместимому с удовлетворением настоящих нужд человеческой природы, с сохранением здоровья живой природы вокруг нас и ресурсов, дарованных нам Землей.

Задача эта и вправду не из простых — не потому, что новый образ жизни, который отвечал бы этим важным требованиям и положениям, невозможно вообразить, а потому, что нынешнее потребительское общество подобно наркоману, для которого, сколь бы несчастным он себя не ощущал, крайне сложно слезть с иглы. С этой точки зрения (и несмотря на множество других умозаключений, которые можно привести), трудные дети Земли — это именно богатые общества, а не бедные.

Кажется чуть ли не милостью providения, что мы, богатые страны, нашли в себе душевные силы хотя бы для того, чтобы обратить внимание на третий мир и попытаться уменьшить его бедность. Несмотря на разнородность мотивов и сохранение эксплуататорских практик, я считаю, что эта перемена во взглядах богачей, случившаяся совсем недавно, благородна. И она может спасти нас: ведь бедность бедных, в любом случае, лишает их возможности перенять нашу технику. Они, конечно, часто пытаются это сделать, а затем переживают страшные последствия этих попыток: массовую безработицу, массовую миграцию в большие города, упадок сельской местности и невыносимые социальные трения. На самом деле им нужно то же, что и нам, та самая вещь, о которой я веду речь, — техника иного рода, техника с человеческим лицом, которая, вместо того чтобы делать человеческие руки

и мозги излишними, поможет им стать намного производительнее, чем когда-либо прежде.

Как сказал Ганди, чтобы помочь бедным нужно не массовое производство, а производство массами. Система *массового производства*, основанная на сложной, чрезвычайно капиталоемкой, требующей большого количества энергии и сберегающей человеческий труд технике, предполагает, что вы уже богаты, поскольку, чтобы создать и оборудовать одно-единственное рабочее место, нужны значительные капиталовложения. Система *производства массами* мобилизует бесценные ресурсы, которыми располагают человеческие существа, — их умные мозги и умелые руки — и снабжает их *первоклассными орудиями*. Техника, применяемая для массового производства, по своей сути насильственна, самоубийственна в силу своего подхода к невозобновляемым ресурсам и оупляюще воздействует на человека. Техника, с помощью которой *производят массы*, задействуя лучшее из современных знаний и накопленного опыта, способствует децентрализации, совместима с законами экологии, трепетно относится к редким ресурсам и предназначена служить человеческой личности, а не делать ее слугой машин. Я назвал ее *промежуточной техникой*, чтобы подчеркнуть, что она далеко превосходит примитивную технику прошлых веков, но в то же время намного проще, дешевле и доступнее, чем супертехника богатых. Ее можно также назвать техникой для самопомощи, или демократической техникой, или техникой народа. Это техника, доступ к которой может получить каждый, которая не закреплена за теми, кто уже богат и могущественен. Я рассмотрю ее подробнее в следующих главах.

Хотя мы и обладаем всеми нужными знаниями, нам, кроме того, требуется приложить систематические, творческие усилия, чтобы сделать использование такой техники реальностью, сделать так, чтобы она была на виду и имелась в наличии повсеместно. Мой

опыт показывает, что вернуться к простоте и прямо-те намного труднее, чем продвинуться в направлении еще большей сложности и изощренности. Увеличить сложность может любой третьесортный инженер или исследователь, но чтобы снова сделать вещи простыми, нужен талант к настоящим прозрениям. А эти прозрения не так-то легко наступают у людей, допустивших собственное отчуждение от настоящей, производительной работы и от самоуравновешивающейся природной системы, которая всегда безошибочно знает меру и границы. Любая деятельность, не знающая самоограничивающего принципа, идет от дьявола. В нашей работе с развивающимися странами мы вынуждены, по меньшей мере, осознавать ограничения, которые накладывает бедность, и эта работа может стать для нас всех полезной школой: подлинно пытаюсь помочь другим, мы можем получить знания и опыт, которые пригодятся, чтобы помочь себе самим.

Полагаю, уже виден конфликт подходов, которые будут определять наше будущее. С одной стороны я вижу людей, считающих, что с нашим тройным кризисом можно справиться текущими методами, если применять их еще упорнее, — я называю их бегущими без оглядки. С другой стороны стоят люди, ищущие нового образа жизни, пытающиеся вернуться к некоторым основным истинам о человеке и его мире, — я называю их идущими домой. Давайте допустим, что бегущие без оглядки, подобно дьяволу, имеют в распоряжении все лучшие мелодии или, по крайней мере, самые известные и популярные. Вы не можете стоять на месте, потому что, говорят они, стоять на месте, значит идти ко дну; вы должны идти вперед; в современной технике нет ничего плохого, кроме того, что она еще не доведена до совершенства — давайте же сделаем ее совершенной. Доктора Сикко Мансхольта, одного из самых выдающихся руководителей Европейского экономического сообщества, можно цитировать как типичного представителя этой груп-

пы: «Больше, дальше, быстрее, богаче — таков девиз сегодняшнего общества». По его мнению, мы должны помочь людям приспособиться, «поскольку альтернативного пути нет». Это рассуждение типично для бегущих без оглядки, которые говорят почти в том же тоне, что Великий Инквизитор Достоевского: «Зачем же ты пришел нам мешать?» Они указывают на взрывной рост населения и на возможность всемирного голода. Естественно, мы не должны быть малодушными — надо смотреть только вперед. Если люди начнут протестовать и восставать, нам понадобится более многочисленная и хорошо оснащенная полиция. Если беды коснутся окружающей среды, нам понадобятся более строгие законы о загрязнении и скорейший экономический рост, чтобы оплачивать меры по предотвращению загрязнения. Если начнутся проблемы с природными ресурсами, мы перейдем на синтетические, если начнутся проблемы с ископаемыми топливами, мы перейдем с реакторов на медленных нейтронах к быстрым, к реакторам-бридерам и от деления ядра к ядерному синтезу. *Нет* неразрешимых проблем. Лозунги бегущих без оглядки каждый день врываются на первые полосы газет с одним и тем же посланием: «Прорыв совершил — кризис отложил!»

А что же другая сторона? Ее составляют люди, глубоко убежденные, что техническое развитие приняло плохой оборот, и что его направление необходимо изменить. Разумеется, термин «идуший домой» имеет религиозные коннотации. Ведь нужна большая смелость, чтобы сказать «нет» моде и соблазнам нашего века и задаться вопросом об исходных предпосылках цивилизации, которой, казалось бы, суждено завоевать весь мир; только глубинные убеждения могут дать требуемую силу. Если бы ее дал простой страх перед будущим, она, по-видимому, исчезла бы в решающий момент. У настоящего идущего домой не самые лучшие мелодии, зато у него самые страстные тексты, не уступающие госпелам. Для него нет более лаконич-

ного изложения ситуации, в которой он оказался, в которой мы все оказались, чем притча о блудном сыне. Как ни странно, в Нагорной проповеди даны достаточно точные указания по поводу того, как прийти к мировоззрению, которое могло бы привести нас к Экономике Выживания:

- Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
- Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
- Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
- Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
- Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Может показаться, что, связывая эти заповеди блаженства с проблемами техники и экономики, мы делаем чересчур смелое заявление. Но не может ли быть такого, что мы именно потому и оказались в беде, что так долго не могли установить эту связь? Нетрудно разглядеть, что эти заповеди могут значить для нас сегодня:

- Мы бедные, а не полубоги.
- Нам есть о чем плакать, и мы вовсе не вступаем в золотой век. Наш подход должен быть основан на кротости, на духе ненасилия. Малое прекрасно.
- Мы должны заботиться о справедливости и правде.
- Все это, и только это, позволит нам стать миротворцами.

Представление о человеке, на котором основываются идущие домой, отлично от того, которое мотивирует бегущих без оглядки. Утверждение, что последние верят в «рост», а первые — нет, было бы слишком поверхностным. В известном смысле все верят в рост, и это правильно, ведь рост — неотъемлемая характеристика жизни. Однако все дело в том, чтобы дать идее роста качественное определение: ведь всегда найдется множество того, что должно расти, и множество того, что должно уменьшаться.

Столь же поверхностным было бы утверждение, что идущие домой не верят в прогресс, который тоже

можно назвать неотъемлемой характеристикой всякой жизни. Все дело в том, чтобы определить, что же составляет прогресс. И идущие домой убеждены, что направление, в котором, пренебрегая всеми законами природной гармонии, двинулась и продолжает двигаться современная техника (в сторону непрекращающегося увеличения размеров и скоростей, в сторону ужесточения насилия), противоположно прогрессу. Отсюда призыв к тому, чтобы произвести переучет и найти новые ориентиры. Переучет показывает, что мы в данный момент занимаемся уничтожением фундамента собственного существования. Что касается смены ориентиров, она основана на том, чтобы вспомнить, в чем на самом деле состоит человеческая жизнь.

Так или иначе каждому придется занять одну из сторон в этом великом столкновении. «Оставить этот вопрос экспертам» означает занять сторону бегущих без оглядки. Сегодня основное содержание политики — это экономика, а основное содержание экономики — техника. Если политику нельзя оставить экспертам, то экономику и технику — тоже.

Основания для надежды дает тот факт, что простые люди часто способны смотреть на вещи более широко и «гуманистически», чем обычно это делают эксперты. Сила простых людей, которые сегодня ощущают себя совершенно бессильными, состоит не в том, чтобы открывать новые направления деятельности, а в том, чтобы отдавать свою поддержку и симпатии группам меньшинств, которые их уже открыли. Приведу два примера, уместных в связи с обсуждаемой темой. Один относится к сельскому хозяйству, которое по-прежнему остается самой грандиозной деятельностью человека на Земле, а другой — к промышленной технике.

Современное сельское хозяйство делает ставку на внесение в почву, в состав удобрений для растений и в корм для животных все больших количеств химических продуктов, длительное влияние которых на плодородие

и здоровье почвы вызывает серьезнейшие опасения. Людям, разделяющим такие опасения, обычно возражают, что стоит выбор между «отравой и голодом». Во многих странах есть очень успешные фермеры, которые не прибегают к подобным химикатам — здоровье и плодородие их почвы не вызывает никаких сомнений. В течение последних 25 лет частная добровольная организация — британская Ассоциация почвы (Soil Association) — занимается изучением взаимосвязи жизни почвы, растений, животных и человека, предпринимает и поддерживает соответствующие исследования и старается информировать общественность обо всем новом в данной области. Ни упомянутые успешные фермеры, ни Ассоциация почвы не сумели заручиться официальной поддержкой или признанием. Обычно от них отмахиваются, называя «навозными чудаками», ведь они явно в стороне от основного течения современного технического прогресса. Их методы отмечены печатью ненасилия и смирения перед лицом бесконечно тонкой системы природной гармонии, что противоречит образу жизни современного мира. Но, возможно, если мы осознаем, что современный образ жизни создает для нас смертельную угрозу, то найдем в себе душевные силы поддержать этих первопроходцев и даже присоединиться к ним, а не игнорировать их и высмеивать.

В сфере промышленности действует Группа развития промежуточной техники⁴. Она занимается систематическими исследованиями того, как помочь людям достигнуть независимости и самодостаточности. Ее работа нацелена в первую очередь на техническую помощь странам третьего мира, но результаты этой работы привлекают все больше внимания и со стороны тех, кого беспокоит будущее богатых обществ. Ведь эти результаты показывают, что промежуточная техника, техника с человеческим лицом, действительно возмож-

⁴ Intermediate Technology Development Group (англ.). — Примеч. пер.

на, что она жизнеспособна и что она вновь включает в технический процесс человеческое существо с его умелыми руками и творческими мозгами. Она служит не массовому производству, а производству массами. Это, как и Ассоциация почвы, частная добровольная организация, существующая за счет общественного финансирования.

Я не сомневаюсь, что техническое развитие можно пустить в новом направлении — в направлении, которое приведет технику обратно к настоящим нуждам человека, то есть, помимо прочего, к человеческим размерам. Человек мал, и, следовательно, малое прекрасно. Стремиться к гигантизму значит стремиться к саморазрушению. И какова же цена смены ориентиров? Напомним себе, что подсчитывать цену выживания — извращение. Без сомнения, когда результат стоит того, цена должна быть уплачена. Чтобы сменить направление развития техники, заставив ее служить человеку, а не уничтожать его, нужно в первую очередь использовать силу воображения и отринуть страх.

ТРЕТИЙ МИР

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

XI. Развитие¹

Несколько лет назад в Белой книге британского Правительства по заокеанскому развитию была обозначена следующая задача помощи другим государствам:

Делать все, что в наших силах, чтобы помочь развивающимся странам обеспечить их жителей материальными условиями для развития своих способностей, для того чтобы жить полной и счастливой жизнью и последовательно достигать лучшей доли.

Можно усомниться, что сегодня для этих слов был бы выбран столь же оптимистичный тон, однако лежащая в их основе философия осталась неизменной. Возможно, случилось своего рода крушение иллюзий: задача оказалась гораздо сложнее, чем можно было подумать, и в странах, только что получивших независимость, это подтвердят. В частности, два явления вызывают тревогу во всем мире: массовая безработица и массовая миграция в большие города. Две трети человечества, если и не распрощались окончательно с надеждой «жить полной и счастливой жизнью», последовательно достигая лучшей доли, то, похоже, так же далеки от нее, как были всегда. Поэтому было бы неплохо бросить взгляд на проблему в целом.

Сейчас многие вновь обращаются к этой проблеме. Беда, как полагают некоторые, заключается в том, что помощи оказывается слишком мало. Сторонники такого взгляда признают наличие множества нездоровых и губительных тенденций, но полагают, что более массивная помощь сможет компенсировать их.

Основано на юбилейном обращении к общему собранию Африканского бюро (Africa Bureau) в Лондоне, 3 марта 1966 года.

Если имеющиеся средства не позволяют организовать помощь, столь массированную, чтобы она достигла каждого, то в этом случае, полагают они, ее следует сосредоточить на тех странах, где успех представляется наиболее правдоподобным. Всеобщего одобрения это предложение, что не удивительно, не получило.

Одна из наиболее губительных и нездоровых тенденций, наблюдающаяся фактически во всех развивающихся странах, — это формирование все более выраженной «дуальной экономики», при которой соседствуют два различных жизненных уклада, отделенных друг от друга такой пропастью, словно они принадлежат к двум разным мирам. Это не та ситуация, когда людей объединяет общий для всех образ жизни, но одни богаты, а другие бедны. Это ситуация, когда бок о бок сосуществуют две группы людей с разным образом жизни, и даже самый скромно живущий представитель одной группы ежедневно тратит во много раз больше, чем зарабатывает самый усердно работающий представитель другой. Социальные и политические трения, возникающие вследствие дуальной экономики, слишком очевидны, чтобы их нужно было описывать.

Взглянув на типичную развивающуюся страну с дуальной экономикой, мы, по всей вероятности, увидим, что 15% населения заняты в современном секторе, который по большей части локализован в одном или двух больших городах. Остальные 85% населения живут в сельской местности или маленьких городках. По причинам, о которых я напишу ниже, значительная часть усилий по развитию направлена на большие города, это означает, что 85% населения в основном игнорируются. Что с ними будет? Предположение, что современный сектор в больших городах будет разрастаться, пока не поглотит почти все население (что, конечно, действительно случилось во многих ныне высокоразвитых странах), было бы крайне нереалистичным. Даже богатейшие страны стонут под

бременем, которым неизбежно оборачивается такое неравномерное распределение населения.

Во всех течениях современной мысли главную роль играет понятие эволюции. Но вот к экономической теории развития это не относится, хотя, казалось бы, слова «развитие» и «эволюция» — практически синонимы. Какой бы ни была логика эволюционной теории в каждом конкретном случае, она определенно отражает наш опыт экономического и технического развития. Представим себя посетителями какого-нибудь современного промышленного учреждения, скажем, огромного нефтеперерабатывающего завода. Бродя по этому необъятному, фантастически сложно организованному пространству, мы вполне можем поразиться, что человеческий ум способен был выдумать нечто подобное. Сколько глубины познания, изобретательности и опыта воплощено в этом оборудовании! Как такое возможно? Ответ в том, что вся эта конструкция не появилась в готовом виде благодаря чьему-то личному уму, — она возникла в процессе эволюции. Сначала она была совсем простой, потом что-то добавлялось, что-то совершенствовалось, и конструкция становилась все более и более сложной. Но даже то, что мы непосредственно видим на нефтеперерабатывающем заводе, — это, как говорится, всего лишь вершина айсберга.

То, что мы видим во время нашего посещения, намного уступает тому, чего мы не видим: сложным и необозримым распределительным системам, посредством которых сырая нефть поступает на завод, а бесконечные партии переработанных продуктов, тщательно приготовленные, упакованные и проштампованные, достигают своих бесчисленных потребителей. Все это остается скрытым от нашего взора, так же как интеллектуальные достижения, стоящие за отработанными технологиями планирования, организации, финансирования и сбыта. И менее всего нашему взору доступна та колоссальная система образования

(от начальных школ до университетов и специализированных исследовательских учреждений), которая по сути необходимое условие всего остального, и без которой не было бы ничего из того, что мы непосредственно видим на заводе. Как я уже сказал, посетитель видит лишь вершину айсберга: невидимым остается в 10 раз больше, и без этого «невидимого» не имело бы никакого смысла «видимое». Если общество или страна, где построен завод, не обеспечивает эту «невидимую составляющую», то завод либо просто не работает, либо становится, по сути дела, инородным телом, жизнь которого зависит от какого-то другого общества. И вот, обо всем этом легко забывают, потому что таковы современные веяния: видеть и осознавать только видимое, забывая о тех невидимых вещах, которые делают видимые возможными и позволяют им функционировать.

Не обстоит ли дело так, что относительная неудача попыток помощи (по крайней мере, их разочаровывающая неэффективность) как-то связана с нашей материалистической философией, мешающей разглядеть самые важные условия успеха, которые по большей части невидимы? Даже если мы не упускаем их из виду полностью, то склонны относиться к ним так же, как мы относимся к материальным вещам, которые можно планировать, покупать за деньги и включать в реестр, следуя какому-нибудь исчерпывающему плану развития. Другими словами, мы склонны воспринимать развитие не в терминах эволюции, а в терминах сотворения.

Наши ученые с полной уверенностью твердят нам, что все вокруг сформировалось посредством мелких мутаций, прошедших сквозь сито естественного отбора. Даже Всевышнему отказывается в способности сотворить нечто сложное. Все сложное, говорят нам, результат эволюции. Но наши специалисты по развитию, похоже, считают, что они умнее Всевышнего, что с помощью так называемого планирования они

могут создавать самые сложные вещи одним махом, могут заставить Афины — в полном обмундировании, блистательную, пышущую жизнью — появиться не из головы Зевса, а прямо из ничего.

Конечно, иногда удается сделать нечто выдающееся и из ряда вон выходящее. То тут, то там успешно реализуют какой-нибудь проект. Всегда возможно создать маленькие ультрасовременные островки в доиндустриальном обществе. Но эти островки затем придется защищать, словно крепости, и обеспечивать всем необходимым, так сказать, на вертолетах — иначе окружающее море поглотит их. Как бы ни развивались события, независимо от того, будут эти островки успешны или нет, они породят «дуальную экономику», о которой я уже говорил. Они не могут быть включены в окружающее общество, и, в целом, разрушают его единство.

Между делом можно заметить, что сходные тенденции имеют место даже в некоторых богатейших обществах, где они проявляются в непомерной урбанизации и формировании «мегалополисов», приводя к тому, что посреди океана изобилия остаются районы нищих, деклассированных, безработных и нетрудоспособных.

До недавнего времени эксперты по развитию редко упоминали о дуальной экономике и родственных ей бедах — массовой безработице и массовой миграции в большие города, а если и упоминали, то лишь для того, чтобы посетовать на них как на «явления переходного периода». Вместе с тем всем стало понятно, что время само по себе не сможет нас от них исцелить. Напротив, если не противостоять дуальной экономике сознательно, она вызывает, как я назвал это, «процесс взаимного отравления», когда успешное промышленное развитие в больших городах разрушает экономическую структуру глубинки, которая, в отместку, становится источником массовой миграции в большие города, отравляя их и делая совершенно неуправляе-

мыми. По предварительным оценкам Всемирной организации здравоохранения и экспертов, таких как Кингсли Дэвис, численность населения больших городов достигнет 20, 40 и даже 60 миллионов человек — для огромного количества людей это будет означать такое обнищание, какое невозможно вообразить.

Существует ли альтернатива? В том, что развивающиеся страны не могут существовать без современного сектора, особенно там, где они непосредственно контактируют с богатыми странами, едва ли можно сомневаться. Что нужно поставить под вопрос, так это неявное допущение, что современный сектор можно расширить до состояния, когда в нем окажется занято фактически все население, и это можно сделать довольно быстро. Философия, господствующая на протяжении последних 20 лет, выражается формулой: «Что хорошо для богатых, должно быть хорошо и для бедных». Это убеждение имело поистине далеко идущие последствия, что легко увидеть, изучив список развивающихся стран (Тайвань, Южная Корея, Филиппины, Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Иран, Турция, Португалия, Венесуэла), в которых американцы и их союзники — в том числе и русские — сочли мудрым и необходимым построить «мирные» ядерные реакторы. Во всех этих странах бесконечно остро стоят проблемы сельского хозяйства и восстановления деревни, поскольку большая часть их нищего населения живет в сельской местности.

Отправная точка всех наших рассуждений — это бедность, или, вернее, та степень бедности, которая означает нищету, унижает человеческую личность и делает ее посмешищем. Наша первая задача — определить и осознать те ограничения, которые накладывает эта степень бедности. И снова наша сугубо материалистическая философия склоняет нас видеть лишь «материальные возможности» (выражаясь словами Белой книги, которую я уже цитировал) и упускать из виду нематериальные факторы. Я уверен, что среди причин

бедности материальные факторы, такие как нехватка природных богатств или капитала или недостаток инфраструктуры, совершенно вторичны. Первоочередные причины крайней бедности нематериальны, они заключаются в определенных изъянах образования, организации и дисциплины.

Развитие начинается не с экономических благ, оно начинается с людей и их образования, организации и дисциплины. Без этих трех факторов все ресурсы остаются скрытым, неиспользованным потенциалом. Существуют процветающие общества, наделенные лишь самыми скудными природными богатствами. После войны у нас была масса случаев наблюдать первоочередность невидимых факторов. Каждая страна с высоким уровнем образования, организации и дисциплины, как бы сильно она ни была разорена, явила «экономическое чудо». По большому счету все это было чудесами лишь для тех, чье внимание сосредоточено на верхушке айсберга. Верхушка была разбита вдребезги, но основание, которое составляют образование, организация и дисциплина, никуда не делось.

Вот в чем заключена центральная проблема развития. Если первоочередные причины бедности — это изъяны в образовании, организации и дисциплине, то уменьшение бедности зависит в первую очередь от устранения этих изъянов. Так можно объяснить, почему развитие не может быть актом сотворения, почему его нельзя предопределить, оплатить и исчерпывающе спланировать, почему оно требует процесса эволюции. Образование не совершает «скачков», оно — постепенный и в высшей степени тонкий процесс. Не совершает «скачков» и организация: она должна формироваться постепенно, чтобы отвечать меняющимся обстоятельствам. И почти то же самое можно сказать дисциплине. Все три фактора должны формироваться шаг за шагом, а первой задачей политики развития должно быть содействие этому формированию, или, выражаясь иначе, этой эволюции. Все три фактора

должны становиться собственностью не одного лишь крошечного меньшинства, а общества в целом.

Если оказываемая помощь направлена на внедрение новых экономических практик, то эти практики только в том случае будут выгодными и жизнеспособными, если их можно поддерживать на том уровне образования, которого достигли уже достаточно широкие группы людей. Кроме того, эти практики только в том случае будут по-настоящему ценными, если будут вести к улучшениям в образовании, организации и дисциплине. Все это можно растянуть во времени, но никак не перескочить. Если внедряемые экономические практики требуют *особого* образования, *особой* организации и *особой* дисциплины, никоим образом не присущих обществу, принимающему помощь, то эти практики скорее помешают здоровому развитию, чем поспособствуют. Они останутся инородными телами, которые нельзя ассимилировать и которые лишь еще сильнее обострят проблему дуальной экономики.

Отсюда следует, что развитие — не та проблема, которой должны заниматься экономисты в первую очередь, и меньше всего ей должны заниматься экономисты, основывающие свои экспертные оценки на глубоко материалистической философии. Нет сомнений, что на определенных стадиях развития и для выполнения строго обозначенных технических задач найдется применение экономистам каких угодно философских убеждений — но только в том случае, если общая генеральная линия политики развития (которая должна затронуть все население) заранее четко определена.

Новый образ мыслей, необходимый в сфере помощи и развития, будет отличаться от старого, поскольку потребует воспринимать бедность всерьез. Ему будут чужды механические умозаключения, вроде «что хорошо для богатых, должно быть хорошо и для бедных». Он будет предполагать заботу о людях со строго практической точки зрения. Почему заботу о людях? Потому что люди — главнейший и изначальный ис-

точник какого угодно благосостояния. Если их оставляют без внимания, если ими помыкают самозванные эксперты и своевольные плановики, то ничто и никогда не принесет настоящих плодов.

Следующая глава — немного сокращенная версия доклада, написанного в 1965 году для организованной ЮНЕСКО в Сантьяго (Чили) Конференции по вопросам применения науки и техники для развития Латинской Америки. В то время в дискуссиях по вопросам экономического развития техника почти неизменно принималась как «данное», и вопрос сводился к тому, как передать эту данную нам технику тем, кто ею пока не обладает. Считалось очевидным, что лучшее — это самое новое, а идея, согласно которой новейшие изобретения могут оказаться бесполезными для насущных нужд развивающихся стран, поскольку не вписываются в текущие условия и не отвечают ограничениям, накладываемым бедностью, становилась предметом насмешек. И все-таки текст стал тем фундаментом, на котором в Лондоне была основана Группа развития промежуточной техники.

ХII. Социальные и экономические проблемы, требующие развития промежуточной техники¹

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня во многих уголках мира бедные становятся беднее, а богатые — богаче, и похоже, что сложившиеся формы иностранной помощи и планирования в области развития не в состоянии преодолеть эту тенденцию. По сути, зачастую кажется, что они ее поощряют, ведь всегда проще помочь тем, кто может помочь себе сам, чем помочь беспомощным. Почти во всех так называемых развивающихся странах имеется современный сектор, в котором рабочие и жизненные уклады похожи на таковые в развитых странах. Но в них также имеется несовременный сектор, к которому относится подавляющее большинство населения, и в котором рабочие и жизненные уклады не только глубоко неудовлетворительны, но и находятся в процессе все ускоряющегося упадка.

В данном случае меня интересует исключительно проблема помощи людям в несовременном секторе. Я не подразумеваю, что нужно прекратить всякую конструктивную работу в современном секторе, да и нельзя сомневаться, что она в любом случае продолжится.

Впервые опубликовано: ЮНЕСКО. Конференция по вопросам применения науки и техники для развития Латинской Америки, организованная ЮНЕСКО совместно с Экономической комиссией для Латинской Америки. Сантьяго (Чили), 1965. Сентябрь.

Подразумевается другое, а именно, что все успехи в современном секторе наверняка останутся иллюзорными до тех пор, пока огромному множеству людей, чья жизнь сегодня характеризуется не только страшной бедностью, но и отсутствием надежды, не будет обеспечен здоровый рост или, по крайней мере, здоровые условия для стабильности.

ПОТРЕБНОСТЬ В ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЕХНИКЕ

Положение бедных

Каково типичное положение бедных в большинстве так называемых развивающихся стран? Их возможности по трудоустройству столь ограничены, что, сколько бы они ни трудились, им не выбраться из нищеты. Они полностью или частично безработны, а когда им время от времени все-таки удается найти работу, их производительность крайне низка. У некоторых есть земля, но зачастую ее слишком мало. У многих нет ни земли, ни шансов ее получить. На селе им не на что надеяться, и они бегут в большие города. Но и в больших городах для них нет работы, и, конечно, нет жилья. И все-таки они стекаются в города, поскольку в них шансы найти какую-то работу выше, чем в деревнях, где они — ничто.

Часто считают, что явная и скрытая безработица в сельской местности возникают исключительно в силу роста населения.

Действительно, нет сомнений, что это важный фактор. Но те, кто придерживается этой точки зрения, должны еще объяснить, почему дополнительные люди не могут выполнять дополнительную работу. Говорят, они не могут работать потому, что на них не хватает «капитала». Но что такое «капитал»? Это продукт человеческой работы. Нехваткой капитала можно объяснить низкий уровень производительности, но не низкие возможности трудоустройства.

Но факт остается фактом: огромное количество людей не работают или работают от случая к случаю. Из-за этого одни бедны и беспомощны и зачастую доходят до такого отчаяния, что покидают деревни, чтобы найти хоть какой-то способ существования в большом городе. Сельская безработица вызывает массовую миграцию в большие города, приводя к таким темпам их роста, которые были бы обременительны даже для богатейших обществ. Сельская безработица становится городской безработицей.

Помощь тем, кому она нужна больше всего

Проблему можно сформулировать совсем просто: что мы можем сделать, чтобы оздоровить экономическую жизнь вне больших городов, в маленьких городках и деревнях, где в большинстве случаев по-прежнему живет от 80 до 90% всего населения? До тех пор пока усилия по развитию сосредоточены главным образом на больших городах (где открывать новые отрасли промышленности, снаряжать для них работников и руководство, а также находить финансирование и рынки, чтобы они могли поддерживать свое существование, проще всего), конкуренция со стороны таких отраслей будет и дальше подрывать и разрушать не-сельскохозяйственное производство в остальных частях страны, вызывать дополнительную безработицу вне больших городов и ускорять миграцию брошенных на произвол судьбы людей в неспособные их принять города. Процесс «взаимного отравления» не будет остановлен.

Поэтому важно, чтобы хотя бы часть (значительная!) усилий по развитию обходила стороной большие города и была напрямую направлена на создание «агропромышленной структуры» в сельской местности и маленьких городках.

В связи с этим важно подчеркнуть, что в первую очередь нужны рабочие места, буквально миллионы ра-

бочих мест. Никто, разумеется, не стал бы утверждать, что выработка на одного рабочего не имеет значения, но первоочередным соображением должна быть не максимизация выработки на рабочего, а максимизация возможностей по трудоустройству для полностью или частично безработных. Для бедняка иметь шансы на трудоустройство — величайшая из всех потребностей, и даже скудно оплачиваемая и относительно непроизводительная работа лучше, чем праздность. Выражаясь словами г-на Габриеля Ардана, «охват должен предшествовать совершенству»².

Важно, чтобы работы было достаточно для всех, поскольку это единственный способ избавиться от антипроизводительных привычек и сформировать новый менталитет — менталитет страны, где труд стал драгоценностью, которой нужно найти возможно лучшее применение.

Иными словами, экономическое исчисление, измеряющее успех выпуском или доходом, не учитывая количество рабочих мест, в рассматриваемых условиях совершенно неприемлемо, поскольку предполагает статический подход к проблеме развития. При динамическом подходе внимание обращается на потребности людей и на то, как они реагируют на обстоятельства. Их первая потребность — заняться какой-либо работой, которая принесет какое-то вознаграждение, пусть даже небольшое. Лишь увидев на собственном опыте, что их труд ценен, они могут проявить интерес к тому, чтобы сделать его еще более ценным. Поэтому важнее, чтобы каждый производил хотя бы что-то, чем, чтобы некоторые производили много. Это остается верным, даже если в каких-то исключительных случаях при первом положении вещей общий выпуск был бы ниже, чем при последнем. Он оставался бы низким недолго, ведь это динамическая ситуация, способная породить рост.

² Ardant G. A Plan for Full Employment in the Developing Countries // International Labour Review. 1963. Vol. 88. No. 1.

Безработный человек — отчаянный человек, он практически вынужден мигрировать. Это вновь доказывает утверждение, согласно которому первоочередная потребность — это обеспечение возможностей трудоустройства, и именно оно должно быть главной целью экономического планирования. Без этого отток людей в большие города не уменьшить, не говоря уже о том, чтобы остановить.

Сущность задачи

Задача, таким образом, состоит в том, чтобы создать миллионы новых рабочих мест в сельской местности и маленьких городках. Должно быть совершенно очевидным, что современная промышленность, в том виде, в каком она сформировалась в развитых странах, выполнить эту задачу не может. Она сформировалась в странах, богатых капиталом и бедных трудом, и поэтому не может подходить для стран, бедных капиталом и богатых трудом. Эту мысль хорошо иллюстрирует пример Пуэрто-Рико. Прочитирую недавнее исследование:

Развитие современного фабричного производства вносит лишь ограниченный вклад в увеличение занятости. Пуэрториканская программа развития осуществляется необычайно энергично и достигла серьезных успехов; но с 1952 по 1962 год средний рост занятости на заводах, спонсируемых Управлением экономического развития, составил около 5000 мест в год. При нынешней доле рабочей силы в общей численности населения трудоспособного возраста и при условии отсутствия чистой миграции на континент рост численности рабочей силы в Пуэрто-Рико составлял бы порядка 40 000 мест в год...

Economic Development Administration (англ.) — агентство Министерства торговли США, занимающееся выделением грантов для регионов, испытывающих экономические трудности, с целью восстановления старых рабочих мест и создания новых, стимулирования промышленного и торгового роста. — *Примеч. пер.*

Нам нужно творчески изучить мелкомасштабные, менее централизованные и более трудозатратные формы организации серийного производства, подобные тем, которые вплоть до сегодняшнего дня сохраняются в японской экономике и ощутимо способствуют ее интенсивному росту⁴.

Столь же яркими иллюстрациями могут служить примеры многих других стран, особенно Индии и Турции, где крайне претенциозные пятилетние планы регулярно приводят к тому, что в конце пятилетки уровень безработицы выше, чем в ее начале — даже при условии, что план полностью выполнен.

Настоящую задачу можно сформулировать в четырех положениях.

Во-первых, рабочие места нужно создавать прежде всего там, где люди живут сейчас, а не в областях метрополий, куда им свойственно мигрировать.

Во-вторых, эти рабочие места должны быть в среднем достаточно дешевыми, чтобы их можно было создавать в больших количествах, не нуждаясь в недостижимых объемах ввоза и накопления капитала.

В-третьих, применяемые методы производства должны быть относительно простыми, такими, чтобы потребность в специальных навыках — не только на самом производстве, но и в процессе организации, снабжения сырьем, финансирования, сбыта и т.д. — была минимальной.

В-четвертых, товары должны производиться главным образом на основе местного сырья и для местного использования.

Эти четыре требования можно выполнить только при условии, во-первых, «регионального» подхода к развитию и, во-вторых, осознанных усилий по разработке и применению техники, которую я называю «промежуточной». Далее я рассмотрю эти два условия по очереди.

⁴ *Reynolds L.G. Wages and Employment in the Labor-Surplus Economy // American Economic Review. 1965. Vol. 55. No. 1.*

Региональный, или районный, поход

Политическая единица не обязательно имеет ровно тот размер, при котором экономическое развитие выгодно тем, кто в этом больше всего нуждается. Иногда она может быть слишком маленькой, но сегодня она в большинстве случаев оказывается слишком большой. Возьмем, к примеру, Индию. Это очень большая политическая единица, и, несомненно, поддержание данного единства по многим соображениям желательно. Но если политика развития будет направлена исключительно — или в первую очередь — на «Индию как целое», то естественный ход вещей приведет к тому, что все развитие сосредоточится главным образом в нескольких метрополиях, принадлежащих к современному сектору. Обширные территории, где живет 80% или более населения страны, выиграют лишь немного, а возможно, даже пострадают. И это откроет дорогу двум родственным бедам — массовой безработице и массовой миграции в метрополию. Итог такого «развития» печален: счастливое меньшинство осчастливлено еще большими богатствами, тогда как те, кому действительно нужна помощь, оставлены в еще более беспомощном положении, чем когда-либо прежде. Если цель развития — помочь тем, кто в этом больше всего нуждается, то каждому «региону» или «району» страны нужна собственная программа развития. Вот что имеется в виду под «региональным» подходом.

Еще одной иллюстрацией может служить пример Италии, страны с относительно высоким уровнем благосостояния. Южная Италия и Сицилия не развиваются исключительно в результате успешного экономического роста «Италии как целого». Итальянская промышленность сосредоточена преимущественно на севере страны, и ее быстрый рост не уменьшает, но в целом, наоборот, усугубляет проблемы юга. Кому поведется, у того и петух несется, а кому не поведется, у того не несется и куры. Конкуренция со стороны севера разрушает производство на юге и забирает у него

всех талантливых и предприимчивых людей. Необходимо предпринять сознательные усилия по противодействию этим тенденциям, потому что, если меры по развитию не затрагивают населения какого-либо из регионов страны, его положение лишь ухудшается, оно оказывается обречено на массовую безработицу и вынуждено начать массовую миграцию. Свидетельства этой истины можно найти по всему миру, даже в самых развитых странах.

В данном вопросе невозможно дать строгих и скороспелых определений. Многое зависит от географии и местных обстоятельств. Несомненно, несколько тысяч человек — слишком мало, чтобы составлять «район», который мог быть предметом мер по экономическому развитию. Но несколько сотен тысяч, даже если они разбросаны по достаточно большой территории, вполне могут заслужить, чтобы их рассматривали таким образом. Во всей Швейцарии проживают менее шести миллионов человек, и все-таки она разделена более чем на 20 «кантонов», каждый из которых — своего рода район для развития. В результате население распределено достаточно равномерно, так же как и промышленность, а тенденции к чрезмерной концентрации отсутствуют.

В идеальном случае каждый район должен обладать каким-то внутренним единством или идентичностью и иметь хотя бы один город, который служил бы районным центром. Потребность в «культурной структуре» ничуть не менее насущна, чем потребность в «экономической структуре». Поэтому начальная школа должна быть в каждой деревне, кроме того, в нескольких небольших поселках должны иметься средние школы, а в районном центре, достаточно большом, должно быть высшее учебное заведение. Чем больше страна, тем сильнее потребность во внутренней «структуре» и в децентрализованном подходе к развитию. Если эта потребность игнорируется, то бедным надеяться не на что.

Потребность в подходящей технике

Очевидно, что этот «региональный», или «районный», подход не будет иметь никаких шансов на успех, если не будет основываться на подходящей технике. Создание и оборудование каждого рабочего места в современной промышленности стоит значительного капитала — скажем, порядка 2000 фунтов. Естественно, бедная страна никогда не сможет позволить себе за определенный период времени создать и оборудовать сколько-нибудь значительное количество таких рабочих мест. Более того, «современное» рабочее место только тогда по-настоящему производительно, когда оно помещено в современную среду, и уже по этой причине едва ли будет уместным в «районе», представляющем собой сельскую местность с несколькими сонными городками. В любой «развивающейся стране» можно найти сооруженные посреди сельской местности промышленные комплексы, где из-за недостатка организации, финансирования, снабжения сырьем, транспортного сообщения, возможностей для сбыта и проч. оборудование простаивает большую часть времени без дела. Начинаются жалобы и взаимные обвинения, но они не меняют того факта, что большое количество и без того скудных запасов капитала, как правило, импортированных в обмен на мизерные запасы иностранной валюты, фактически потрачено впустую.

В теории развития, конечно, известно различие между «капиталоемкими» и «трудоемкими» отраслями промышленности. Хотя это различие, несомненно, имеет смысл, оно не затрагивает сути проблемы, поскольку заставляет думать, будто технология того или иного производственного процесса — нечто данное и неизменное. Поэтому за утверждением, что развивающимся странам следует отдать предпочтение скорее «трудоемким» отраслям промышленности, чем «капиталоемким», не следует никаких осмысленных действий, поскольку на практике выбор отрасли про-

мышленности определяется другими, более весомыми критериями, такими как сырьевая база, рынки, интересы предпринимателей и т.д. Одно дело — выбрать отрасль промышленности, и совсем другое — *после* выбора отрасли подобрать технику, которая будет в ней применяться. Поэтому лучше говорить непосредственно о технике и не наводить тумана, беря за отправную точку термины типа «капиталоемкость» или «трудоемкость». Почти то же самое можно сказать о другом различии, часто делаемом в подобных дискуссиях, — различии между «крупномасштабной» и «мелкомасштабной» промышленностью. Современная промышленность действительно часто организована в очень большие предприятия, но «крупномасштабность» ни в коем случае не составляет ее сущностную или универсальную черту. Пригодна ли данная промышленная деятельность в условиях развивающихся районов, зависит не от «масштаба», а от того, какая используется техника. Мелкомасштабное предприятие, где средние издержки одного рабочего места составляют 2000 фунтов, столь же непригодно, как и крупномасштабное предприятие с такими же дорогостоящими рабочими местами.

Поэтому я убежден, что лучший способ проникнуть в суть проблемы — обсуждение техники. Плодотворное экономическое развитие территорий, пораженных бедностью, возможно только на основе техники, которую я назвал «промежуточной». В конечном счете промежуточная техника будет «трудоемкой» и подходящей для использования в мелкомасштабных учреждениях. Но ни «трудоемкость», ни «мелкомасштабность» сами по себе не подразумевают «промежуточную технику».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЕХНИКИ

Если определять уровень технологии «издержками оборудования одного рабочего места», то местную

технику типичной развивающейся страны можно символически назвать однофунтовой, а технику развитых стран — тысяchefунтовой. Пропасть между этими двумя видами техники столь огромна, что переход от одного к другому попросту невозможен. На самом деле, предпринимаемые ныне в развивающихся странах попытки внедрения в экономику тысяchefунтовой техники неизбежно приводят к угрожающе скоротечному истреблению однофунтовой техники, ведь традиционные рабочие места при этом уничтожаются намного быстрее, чем могут быть созданы современные. В результате положение бедных становится более отчаянным и беспомощным, чем когда-либо. Чтобы оказать эффективную помощь тем, кто больше всего в ней нуждается, требуется техника, которая занимала бы промежуточное положение где-то между однофунтовой техникой и тысяchefунтовой. Символически ее можно назвать стофунтовой техникой.

Эта промежуточная техника была бы неизмеримо более производительной, чем местная техника (которая зачастую находится в состоянии упадка), но одновременно — неизмеримо дешевле, чем изошренная, крайне капиталоемкая техника современной промышленности. При таком уровне капиталовложений можно было бы в течение достаточно короткого времени создать очень много рабочих мест. Для наиболее предприимчивой части жителей района создание таких рабочих мест было бы вполне выполнимой задачей — не только с финансовой точки зрения, но и с точки зрения их образования, способностей, организационных навыков и т.д.

Последнее, пожалуй, можно разъяснить так. В развитых странах соотношение среднегодового дохода рабочего и среднего капитала на одно рабочее место составляет, грубо говоря, 1 : 1. Это подразумевает, что в общем случае на создание одного рабочего места уходит один человеко-год или что человеку понадобилось бы в течение 12 лет откладывать по одной

месячной зарплате в год, чтобы иметь возможность получить рабочее место в собственность. Если бы соотношение было 1 : 10, то на создание одного рабочего места потребовалось бы 10 человеко-лет, а чтобы получить возможность стать собственником рабочего места, человеку понадобилось бы откладывать по одной месячной зарплате в год в течение 120 лет. Это, разумеется, невозможно. Следовательно, тысячефунтовая техника, пересаженная в район, застрявший на уровне однофунтовой техники, не сможет распространиться посредством нормального роста. Не возымеет она и положительного «демонстративного эффекта»: напротив, по всему миру можно наблюдать, что «демонстративный эффект» всецело отрицателен. Те, для кого тысячефунтовая техника недоступна, попросту «сдаются» и зачастую перестают заниматься даже тем, чем занимались раньше.

Кроме того, промежуточная техника гораздо легче вошла бы в ту относительно неизощренную среду, куда ее предлагается поместить. Оборудование было бы достаточно простым, и поэтому понятным и допускающим техническое обслуживание и ремонт прямо на месте. Простое оборудование обычно куда менее требовательно к чистоте сырья или к условиям эксплуатации, чем изощренное, и его значительно легче приспособлять к изменениям рыночной конъюнктуры. Легче подготовить обслуживающий персонал, проще осуществлять наблюдение, контроль и организацию, а непредвиденные трудности с меньшей вероятностью станут фатальными.

Поднимаемые и обсуждаемые возражения

С тех пор как идея промежуточной техники впервые была выдвинута, она получила ряд возражений. Самое первое возражение психологическое: «Вы пытаетесь отказаться от лучшего и заставить нас мириться с чем-то нижестоящим и устаревшим». Это звучит го-

лос людей, которые не испытывают нужды, которые в состоянии помочь себе сами и хотят, чтобы и другие помогали им достичь более высоко уровня жизни. Это не те люди, которые интересуют нас на этих страницах, — не те бедствующие массы, лишенные какого-либо реального фундамента для существования (будь то в сельской местности или в городской), не имеющие ни «лучшего», ни «второго после лучшего», и испытывающие недостаток даже в самых насущных средствах к существованию. Иногда очень хочется узнать, многие ли «специалисты по экономике развития» имеют реальное представление о том, в каких условиях живут бедные.

Существуют экономисты и эконометристы, которые убеждены, что политику развития можно напрямую вывести из определенных якобы фиксированных показателей, таких как капиталотдача. Их рассуждения принимают следующий ход: в наличии имеется заданное количество капитала. Значит, его можно концентрированно употребить на создание небольшого количества высоко капитализированных рабочих мест или же понемногу распределить между большим количеством дешевых рабочих мест. В последнем случае вы получите меньший общий выпуск, чем в первом: поэтому не достигнете самого быстрого возможного темпа роста. Например, как утверждает доктор Калдор, «исследования показали, что самое современное машинное оборудование дает гораздо больший выпуск на единицу инвестированного капитала, чем менее сложное оборудование, обеспечивающее занятость для большего количества людей»⁵.

В качестве заданной величины принимается не только «капитал», но и «количество товаров, которое можно приобрести на зарплату», и эта величина определяет «максимальную оплачиваемую занятость, до-

Industrialisation in Developing Countries / ed. by R. Robinson. Cambridge: Cambridge University Overseas Studies Committee, 1965.

стижимую в той или иной стране в заданный момент времени».

Если мы можем нанять на оплачиваемую работу лишь ограниченное количество людей, то давайте же сделаем это наиболее продуктивно, так, чтобы они сделали наибольший возможный вклад в национальный выпуск — ведь это одновременно обеспечит быстрейший темп экономического роста. Не следует преднамеренно сворачивать с пути и снижать производительность, для того чтобы снизить объем капитала на одного рабочего. Мне это представляется абсурдом, ведь легко увидеть, что при увеличении объема капитала на одного рабочего десятикратно, выработка на одного рабочего повысится в 20 раз. С какой точки зрения не взгляни, превосходство второго пути — пути более капиталистической техники — лучшее решение вопроса⁶.

Первое, что можно сказать об этих рассуждениях, — они по своему характеру статические и не учитывают динамику развития. Чтобы отдать должное реальной ситуации, необходимо рассмотреть то, какими возможностями располагают люди и как они реагируют на обстоятельства, а не ограничиваться анализом машинного оборудования и абстрактных понятий.

Как мы уже видели, неверно предполагать, что самое изошренное оборудование, пересаженное в неизощренную среду, будет постоянно работать на полной мощности. А если загрузка мощностей низкая, то низкой будет и капиталоотдача. Поэтому неверно относиться к капиталоотдаче как к параметру техники, когда она так сильно зависит от совсем других факторов.

Более того, нужно задаться вопросом, действительно ли существует такой закон, по которому, как утверждает доктор Калдор, капиталоотдача вырастет, если сосредоточить капитал на меньшем количестве рабочих мест. Никто, у кого есть хотя бы малейший промышленный опыт, никогда не взялся бы утверж-

дать, что наблюдал подобный «закон» в действии. И нет такой науки, которая могла бы его обосновать. Механизация и автоматизация проводятся с целью повысить производительность труда, то есть выработку на одного рабочего, и их влияние на капиталоотдачу может оказаться отрицательным точно так же, как и положительным. Можно привести бесчисленные примеры того, как прогресс в технике ликвидировал рабочие места за счет дополнительных затрат капитала, не оказывая при этом влияния на объем выпуска. Поэтому неверно утверждать, что общий выпуск от данного количества капитала неизменно и с необходимостью будет наибольшим, когда капитал сосредоточен на наименьшем количестве рабочих мест.

Но главная слабость рассуждений состоит в том, что «капитал» и даже «количество товаров, которое можно приобрести на зарплату», принимаются как «заданные величины» в экономике с неполной занятостью. Здесь тоже статический способ рассмотрения вещей неизбежно ведет к ошибочным заключениям. Как я уже доказывал выше, центральной задачей политики развития должно быть создание возможностей трудоустройства для тех, кто, будучи потребителем (пусть и крайней нищим), не имеет работы и не делает никакого вклада ни в запасы «капитала», ни в запасы «товаров, которые можно приобрести на зарплату». Занятость — фундаментальное условие всего остального. Выработка безработного — ноль, тогда как выработка даже самого плохо оснащенного рабочего может быть положительным вкладом как в «капитал», так и в «товары, которые можно приобрести на зарплату». Различие между первым и вторым ни в коей мере не является определенным (как склонны думать эконометристы), поскольку определение «капитала» само по себе решительным образом зависит от уровня применяемой техники.

Рассмотрим очень простой пример. На территории с высоким уровнем безработицы нужно выполнить

некие земляные работы. Имеется широкий выбор техники, от самых современных землеройных машин до лишенных каких-либо орудий человеческих рук. Объем «выпуска» предопределен самой природой работы, и совершенно ясно, что выше всего капиталоотдача будет в том случае, если затраты «капитала» будут максимально низки. Если выполнить работу без использования каких-либо орудий, то капиталоотдача будет бесконечно велика, но производительность одного рабочего — чрезвычайно низка. Если выполнить работу с помощью современной техники высшего уровня, то капиталоотдача будет низка, а производительность одного рабочего очень высока. Оба этих крайних варианта нежелательны — нужно найти средний путь. Допустим, некоторых безработных сначала обеспечили бы разнообразными орудиями, включая тачки и т.п., а остальных отправили бы производить различные «товары, которые можно приобрести на зарплату». Каждый из этих производственных процессов может, в свою очередь, быть основан на разнообразных технологиях, от самых простых до самых изощренных. Во всех случаях задача состояла бы в том, чтобы найти промежуточную технику, которая обеспечила бы достаточный уровень производительности, не вынуждая прибегать к покупке дорогого и изощренного оборудования. Результатом всего этого предприятия стало бы экономическое развитие, выходящее далеко за пределы выполнения проекта земляных работ, с которого все началось. Общие затраты «капитала» извне были бы гораздо меньше, чем в случае приобретения самых современных землеройных машин, а затраты труда (тех, кто до этого не имел работы) — гораздо больше, чем потребовал бы «современный» метод. В результате мы получили бы не только выполненный проект, но и целое сообщество, вставшее на путь развития.

Тем самым я утверждаю, что динамический подход к развитию, при котором центральным вопросом ста-

новится выбор подходящей, промежуточной техники, открывает такие дороги для конструктивной деятельности, которые при статическом эконометрическом подходе остаются вовсе не замеченными. Это подводит нас к следующему возражению, выдвинутому против идеи промежуточной техники. Утверждают, что все это могло быть весьма многообещающим, если бы не печально известный недостаток людей с предпринимательской жилкой в отсталых странах. Этот редкий ресурс надо, стало быть, использовать максимально концентрированно там, где шансы на успех наиболее высоки, а располагающих им людей следует обеспечить лучшим капитальным оборудованием, какое только может предложить мир. Тем самым утверждается, что промышленность следует открывать в больших городах или рядом с ними, что она должна быть организована в форме больших комплексных предприятий, где уровень капитализации на одно рабочее место настолько высок, насколько это возможно.

Эти рассуждения вращаются вокруг предпосылки: «предпринимательская жилка» — заданная и фиксированная величина, что вновь выдает чисто статический взгляд на вещи. Разумеется, она не фиксирована и не дана заранее, а является в значительной степени функцией того, какую технику мы собираемся использовать. Люди, совершенно неспособные выступать в качестве предпринимателей на том уровне, где используется современная техника, могут, тем не менее, оказаться вполне способными привести к успеху мелкокомасштабные предприятия, функционирующие на промежуточной технике. Причины этого я уже объяснил выше. На самом деле, по-моему, именно «отрицательный демонстративный эффект», создаваемый изошренной техникой, внедренной в неизошренную среду, является сегодня причиной кажущейся нехватки предпринимателей во многих развивающихся странах. Вводя подходящую промежуточную технику, мы едва ли споткнемся о какую бы то ни было нехват-

ку предпринимательской жилки. Точно так же, мы не уменьшим предложение предпринимателей в современном секторе, наоборот, познакомя целое население с систематическими, техническими способами производства, мы, несомненно, поспособствуем росту предложения требуемых талантов.

Против идеи промежуточной техники были выдвинуты еще два аргумента: что полученные с ее помощью товары будут нуждаться в протекции на внутреннем рынке страны, и что они будут непригодны для экспорта. Оба аргумента основаны на голых догадках. В действительности же значительное число проектных исследований и расчетов себестоимости конкретных товаров в конкретных районах неизменно демонстрировали, что товары, произведенные посредством с умом подобранной промежуточной техники, могут быть дешевле, чем произведенные на современных фабриках в ближайшем большом городе. Можно ли такие продукты экспортировать — открытый вопрос: безработные не вносят вклада в экспорт, и первоочередная задача — дать им такую работу, чтобы они производили полезные товары на основе местного сырья и для местного использования.

Применимость промежуточной техники

Разумеется, промежуточная техника применима не везде. Существуют товары, которые типичны для современной крайне изоширенной промышленности и могут быть произведены только посредством ее. В то же время эти товары обычно не входят в число вещей, в которых бедные испытывают насущную потребность. Бедным больше всего нужны простые вещи — строительные материалы, одежда, домашняя утварь, сельскохозяйственные принадлежности и хороший доход от их сельскохозяйственной продукции. Кроме того, во многих случаях им необходимы деревья, вода и условия для хранения урожая. Для большей части

сельскохозяйственных сообществ стало бы огромным благом, если бы они смогли самостоятельно осуществлять первые стадии обработки производимых ими товаров. Промежуточная техника подошла бы для этого идеально.

Но для нее есть и множество более претенциозных применений. Прочитую два примера из недавнего отчета.

Первый пример — новая тенденция международных фирм проектировать небольшие нефтеочистительные заводы с низкими капиталовложениями на единицу выпуска и низкими суммарными производственными мощностями, скажем, от 5000 до 30 000 баррелей в день. (Эта тенденция поощряется большинством африканских, азиатских и латиноамериканских правительств, политика которых — иметь на территории своей страны нефтеочистительные заводы, как бы мал не был ее рынок.) Эти предприятия столь же эффективны и малозатратны, как и гораздо более крупные и капиталоемкие нефтеочистительные заводы привычной проектировки. Второй пример — компактные очистные установки для аммиачной продукции, которые тоже недавно были спроектированы для маленьких рынков. По некоторым предварительным данным, в случае компактной установки с производственной мощностью 60 тонн в день инвестиционные расходы могут составлять около 30 000 долларов на тонну, тогда как устройство привычной установки с производственной мощностью 100 тонн в день [что очень мало для привычной установки], потребовало бы инвестировать приблизительно 50 000 долларов на тонну⁷.

Идея промежуточной техники не подразумевает простое «возвращение в прошлое», к методам, ныне устаревшим, — хотя систематическое изучение методов, использовавшихся в развитых странах, скажем, 100 лет назад, действительно может дать пищу для размышлений. Слишком часто предполагается, что

Industrialisation in Developing Countries. (Цит. по: Nuno F. de Figueiredo. Notes on Latin America Industrial Development.)

главное достижение западной науки, как фундаментальной, так и прикладной, — это созданные на ее основе аппаратура и машинное оборудование, и отказ от этих последних был бы равносителен отказу от самой науки. Это чрезвычайно поверхностный взгляд. Настоящее достижение состоит в накоплении точного знания, которое можно применять множеством разных способов. Его текущее применение в современной промышленности — лишь один из этих возможных способов. Таким образом, развитие промежуточной техники означает подлинное движение вперед, к новым территориям, туда, где избегают нести огромные издержки и использовать сложные производственные методы ради сбережения труда, где избегают ликвидировать рабочие места, где технику делают подходящей для обществ с избытком рабочей силы.

Крайне широкая, если и не универсальная, применимость промежуточной техники станет очевидной любому, кто возьмет на себя труд поискать нынешние примеры ее применения на практике. Такие примеры можно найти в любой развивающейся стране, а вообще говоря, и в развитых странах. В чем же проблема? Лишь в том, что отважные и умелые практики промежуточной техники не знают друг о друге, не поддерживают друг друга и не могут прийти на помощь тем, кто хочет следовать той же дорогой, но не знает, с чего начать. Они, так сказать, ведут свое существование в стороне от основного течения интересов общества и официальных лиц. «Главным источником технической консультации по-прежнему остаются каталоги, издаваемые европейскими и американскими экспортерами машинного оборудования»⁸, а выделяющие помощь учреждения, как правило, устроены так, что непреодолимо способствуют уклону в сторону крупномасштабных проектов, в которых задействуется самая современная техника.

Если бы мы смогли отвлечь внимание общества и официальных лиц от грандиозных проектов и обратить его к реальным нуждам бедных, то битву можно было бы выиграть. Исследование уже существующей сегодня промежуточной техники обнаружило бы, что имеется достаточно знаний и опыта, чтобы дать работу каждому, а проектные исследования можно было бы провести очень быстро. Профессор Гаджил, директор Гокхальского института политики и экономики в Пуне, выделил следующие три возможных подхода к развитию промежуточной техники.

Первый подход может состоять в том, чтобы взять существующие методики традиционной промышленности и использовать знание более продвинутых методик для того, чтобы подобающим образом преобразовать первые. Преобразование подразумевает сохранение некоторых элементов существующего оборудования, навыков и процедур... Этот процесс усовершенствования традиционной техники крайне важен, особенно на том этапе перехода, когда становятся необходимыми специальные меры по предотвращению дополнительной технологической безработицы...

Второй подход — начать с самой продвинутой техники и адаптировать ее таким образом, чтобы она удовлетворяла требованиям промежуточной... В некоторых случаях этот процесс будет включать приспособление техники к специфическим местным условиям, таким как тип имеющегося топлива или энергии.

Третий возможный подход состоит в том, чтобы провести исследования и эксперименты непосредственно с целью разработки промежуточной техники. Но чтобы такой подход мог быть плодотворным, ученые и инженеры должны исходить из ограничений, накладываемых экономическими обстоятельствами. Это, в первую очередь, масштаб операций, для которых техника предназначена, а также относительная стоимость труда и капитала и масштаб их затрат — возможный или желательный. Несомненно, эти усилия по разработке промежуточной техники предпринимались бы с учетом знания продвинутой техники, используемой в той же сфере. Тем не менее они

открыли бы гораздо более широкий круг возможностей, чем простой адаптационный подход.

Далее профессор Гаджил настаивает на том, что

этой работе должно уделяться основное внимание сотрудников национальных лабораторий, технических институтов и факультетов крупных университетов. Совершенствование наиболее продвинутой техники осуществляется в развитых странах вполне скрупулезно; но вот специальной ее адаптации, например, требуемой в Индии, ни в одной другой стране не уделяется никакого внимания — и похоже, что и не будет. Поэтому именно эта адаптация должна быть высшим приоритетом при составлении наших планов. Промежуточная техника должна стать предметом общенационального интереса, а не маргинальной областью исследований, вверенной кучке специалистов, предоставленных самим себе⁹.

С таким же воззванием можно было бы обратиться к наднациональным агентствам, имеющим все возможности для того, чтобы собрать, систематизировать и улучшить те рассеянные знания и опыт, уже существующие в этой жизненно важной сфере.

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В обозримом будущем в развивающихся странах сохранится «дуальная экономика». Современный сектор не сможет поглотить все.

2. Если в несовременном секторе не будут приняты специальные меры по развитию, то он продолжит деградировать. Деградация, как и раньше, будет выражаться в массовой безработице и массовой миграции в метропольные области. В результате экономическая жизнь современного сектора тоже будет отравлена.

3. Бедные сами в состоянии себе помочь, но только в том случае, если им обеспечить доступ к технике, ко-

Gadgil D.R. Technologies Appropriate for the Total Development Plan // Appropriate Technologies for Indian Industry. SIET Institute. Hyderabad (India), 1964.

торая учитывает экономические ограничения, налагаемые бедностью к промежуточной технике.

4. На национальном и наднациональном уровнях должны осуществляться программы по разработке промежуточной техники, пригодной для создания полной занятости в развивающихся странах.

ХIII. Два миллиона деревень

Результаты второго десятилетия усилий, направленных на развитие, будут не лучше, чем результаты первого, если решительно и сознательно не переместить акцент с товаров на людей. Действительно, без этого смещения акцента результаты помощи будут становиться все более разрушительными.

Что мы держим в уме, когда говорим о развитии — товары или людей? Если людей, то каких именно? Кто они такие? Где они живут? Почему им нужна помощь? Если они не могут преуспеть без нашей помощи, то какая именно помощь им нужна? Как нам осуществлять коммуникацию с ними? Когда мы имеет дело с людьми, возникают бесчисленные вопросы такого рода. Вместе с тем с товарами стольких вопросов не возникает. В частности, когда за дело берутся эконометристы и статистики, товары даже перестают быть чем-то идентифицируемым, превращаясь в ВНП, импорт, экспорт, сбережения, инвестиции, инфраструктуру и т.д. На этих абстракциях можно соорудить впечатляющие модели, в которых редко остается место для живых людей. Конечно, в них может фигурировать «население», но всего-навсего как количество, как делитель, который вводится после того, как было определено делимое, то есть количество имеющихся в наличии товаров. В результате модель показывает, что «развитие», то есть рост делимого, тормозится и поддается, если делитель тоже растет.

Иметь дело с товарами значительно проще, чем с людьми, — уже хотя бы потому, что у товаров нет собственных помыслов, поэтому и проблем коммуникации не возникает. Когда акцент делается на людей, проблемы коммуникации становятся первостепенными. Кто помощники и кто те, кому они собрались помогать? Помощники, в общем и в целом, богаты, обра-

зованны (в некоем узкоспециальном смысле) и живут в городах. Те, кто больше всего нуждается в помощи, бедны, необразованны и живут в сельской местности. Это значит, что первых и вторых разделяют три страшные пропасти: между богатыми и бедными, между образованными и необразованными и между горожанами и деревенским людом, разделяющая, кроме того, промышленность и сельское хозяйство. Первая проблема помощи в развитии — навести мосты через эти три пропасти. Чтобы сделать это, нужна великая сила воображения, самоотверженные исследовательские усилия и сострадание. Методы производства, модели потребления, системы идеалов и ценностей, подходящие более-менее образованным и живущим в относительном изобилии городским людям, вряд ли подойдут бедным, полуграмотным крестьянам. Бедные крестьяне не могут внезапно приобрести привычки и мировоззрение искушенных городских людей. Если люди не могут адаптироваться к методам, значит, методы должны быть адаптированы к людям. В этом вся суть дела.

Более того, многие особенности экономики богатых людей сами по себе столь сомнительны и в любом случае столь мало подходят для бедных сообществ, что успешная адаптация к ним народа обернулась бы трагедией. Если природа перемен такова, что отцам становится нечему учить сыновей, а сыновьям — нечего перенимать у отцов, то это означает крах семейной жизни. Во всех обществах жизнь, работа и счастье зависят от определенных «психологических структур», бесконечно драгоценных и крайне уязвимых. Общественное единство, сотрудничество, взаимное уважение, и прежде всего самоуважение, мужество перед лицом невзгод, умение переносить трудности — все это и многое другое рассеивается и исчезает, когда «психологические структуры» оказываются подорваны. Человека уничтожает внутреннее чувство бесполезности. Никакой экономический рост не может возместить такие потери — впрочем, об этом нечего

и говорить, ведь экономическому росту такие потери, как правило, препятствуют.

Ни одна из этих колоссальных проблем не фигурирует в ладных теориях наших специалистов по экономике развития. Неудача первого десятилетия усилий, направленных на развитие, списывается попросту на неэффективное распределение помощи или, что еще хуже, на недостатки, якобы присущие обществам и жителям развивающихся стран. Изучая текущую литературу, можно подумать, что все зависит от того, распределяется ли помощь в двустороннем или в многостороннем порядке, или что единственное, способное играть роль, — это налаживание торговли предметами первой необходимости, устранение торговых барьеров, гарантии для частных инвесторов или эффективный контроль рождаемости.

Я далек от того, чтобы утверждать, что все эти вещи не имеют значения, но не похоже, чтобы они составляли существо дела, и в любом случае число конструктивных действий, к которым привели многочисленные дискуссии вокруг них, ничтожно мало. Существо дела, как я его понимаю, составляет тот неумолимый факт, что мировая бедность — это проблема, в первую очередь, двух миллионов деревень, а значит, проблема двух миллиардов деревенских жителей. В больших городах бедных стран не найти ее решения. Если не сделать сносной жизнь в глубинке, то нельзя будет решить и проблему мировой бедности, которая неизбежно будет лишь усугубляться.

Мы упускаем все важнейшие интуиции, если продолжаем мыслить развитие главным образом сквозь призму количественных понятий и широких абстракций, таких как ВНП, инвестиции, сбережения и проч. Все они находят свое применение в исследованиях развитых стран, но фактически не имеют отношения к проблемам развития как таковым. (В развитии богатых стран они точно так же не играли никакой роли!) Помощь только в том случае можно считать успеш-

ной, когда она позволяет мобилизовать рабочую силу масс в принимающей ее стране и поднимает производительность без «трудосбережения». Обычный критерий успеха, а именно рост ВВП, крайне обманчив и в действительности обязательно ведет к явлению, которое нельзя назвать иначе, чем неокOLONиализмом.

Я не решаюсь использовать этот термин, поскольку он звучит как ругательство и, казалось бы, предполагает умысел со стороны тех, кто оказывает помощь. Имеет ли место такой умысел? В целом, думаю, нет. Но это не решает проблему, а только делает ее серьезнее. Непреднамеренный неокOLONиализм гораздо коварнее, чем преднамеренный, и с ним намного сложнее бороться. Он вызывается самим ходом вещей и, вдобавок, действиями из лучших побуждений. В бедных странах устанавливаются методы производства, потребительские стандарты, критерии успеха и неуспеха, системы ценностей и модели поведения, которые, будучи приемлемы (да и то сомнительно) только в условиях уже достигнутого изобилия, все крепче удерживают бедные страны в состоянии крайней зависимости от богатых. Самый очевидный пример и симптом — растущая задолженность. На это обращают внимание многие. И люди, исполненные благих намерений, делают простое заключение, что безвозмездные дотации лучше, чем кредиты, а мелкие кредиты лучше, чем крупные. Это, конечно, так. Но растущая задолженность — еще не самая серьезная проблема. В конце концов, если должник не может платить, он прекращает это делать — риск, который кредитор всегда должен был иметь в виду.

Гораздо серьезнее зависимость, которая возникает, когда бедная страна попадает на удочку производственных и потребительских моделей богатых. Выразительным примером служит одна африканская текстильная фабрика, которую я недавно посетил. Управляющий с большой гордостью показал мне свою фабрику, оснащенную самой высококлассной техни-

кой, какая только есть в мире. Почему эта фабрика настолько автоматизирована? Он сказал: «Потому что африканская рабочая сила, не привыкшая к работе в промышленности, допускала бы ошибки, тогда как автоматизированное машинное оборудование не делает ошибок. Требуемые сегодня стандарты качества таковы, что моя продукция должна быть совершенной, чтобы найти рынок сбыта». Свою политику он резюмировал так: «Несомненно, моя задача — устранить человеческий фактор». Но это еще не все. Из-за неадекватных стандартов качества все свое оборудование ему приходилось импортировать из наиболее развитых стран, кроме того, сложность оборудования вынуждала нанимать все высшее управление и весь технический персонал за рубежом. Даже сырье приходилось импортировать, потому что волокно местного хлопка было слишком коротким для изготовления пряжи высшего качества, а заявленные стандарты требовали, чтобы использовался высокий процент синтетического волокна. Этот случай — вовсе не исключение. Любому, кто потрудился систематически исследовать реальные проекты «развития», вместо того, чтобы просто строить планы по развитию и эконометрические модели, известно бесчисленное множество таких случаев. Мыловаренные фабрики, производящие элитное мыло посредством столь тонких процессов, что допускается использование лишь таких материалов, которые прошли высококласную очистку и которые надо импортировать по высоким ценам, в то время как местное сырье экспортируется по низким ценам; заводы пищевой промышленности; упаковочные станции; моторизация и т.д. — все по образцу богатых людей. Во многих случаях местные фрукты пропадают даром, потому что потребитель якобы считает качественными только такие фрукты, которые наиболее привлекательны на вид и которые нужно импортировать только из Австралии или Калифорнии, где благодаря применению огромного ко-

личества научных знаний и фантастической техники все яблоки имеют один размер и лишены малейшего видимого изъяна. Примеры можно множить без конца. Бедные страны соскальзывают в пропасть, когда им навязывают методы производства и стандарты потребления богатых стран, лишая их возможности стать самостоятельными и помочь самим себе. Результаты — непреднамеренный неокOLONиализм и бедняки, лишенные надежды.

Как же тогда можно помочь этим двум миллионам деревень? Рассмотрим, во-первых, количественный аспект. Если мы возьмем общий объем помощи, выделяемой западными странами, исключим определенные статьи, не имеющие отношения к развитию, и поделим результат на число людей, живущих в развивающихся странах, то получим немногим менее двух фунтов на человека в год. Если рассматривать эту цифру как дополнение к доходу, то она, конечно, смехотворно мала. Поэтому многие настаивают на том, что богатые страны должны делать гораздо бóльшие финансовые вложения, и было бы аморально отказываться поддерживать такое требование. Но чего, по здравому размышлению, можно добиться таким образом? Цифры 3 или даже 4 фунта на человека? В качестве субсидии, своего рода «социального пособия», даже 4 фунта в год едва ли менее смехотворны, чем то, что мы имеем сегодня.

Для иллюстрации проблемы можно рассмотреть маленькую группу развивающихся стран, которые получают дополнительный доход в поистине грандиозных объемах — речь идет о нефтедобывающих странах Ближнего Востока, Ливии и Венесуэле. В 1968 году их доход от налогов нефтедобывающих компаний и от выплат за право разработки недр достиг 2349 миллионов фунтов, или приблизительно 50 фунтов на душу населения. Способствуют ли эти денежные средства созданию здоровых и стабильных обществ, последовательному устранению сельской бедности, расцвету

сельского хозяйства и обширной индустриализации? Ответ, несмотря на некоторые очень ограниченные успехи, однозначно отрицательный. Одними только деньгами погоды не сделаешь. Количественный аспект полностью вторичен по отношению к качественному. Если политика неправильная, деньги не сделают ее правильной, а если политика правильная, то деньги, не станут слишком большой проблемой.

Поэтому обратимся к качественному аспекту. Если последние 10 или 20 лет усилий по развитию и научили нас чему-то, так это тому, что решение этой проблемы — колоссальный вызов нашим интеллектуальным способностям. Те, кто оказывает помощь — богатые, образованные, живущие в городах — знают, как вести свои собственные дела, но знают ли они, как содействовать самопомощи двух миллионов деревень и двух миллиардов деревенских жителей — бедных, необразованных, живущих на селе? Они знают, как делать несколько больших дел в больших городах, но знают ли они, как делать тысячи маленьких дел в сельской местности? Они знают, как вести дела, имея море капитала, но знают ли они, как вести дела, имея море трудовых ресурсов, изначально неквалифицированных?

В целом, нет — всего этого они не знают. Но есть множество опытных людей, каждый из которых знает-таки что-нибудь из этого — в границах своего собственного опыта. Другими словами, необходимое знание, в общем и в целом, существует. Но существует оно не в той организованной форме, в которой его можно было бы напрямую использовать. Оно рассеяно, несистематично, неорганизовано и вдобавок, без сомнения, неполно.

Лучшая помощь, какую можно оказать, — это интеллектуальная помощь, дар полезного знания. Дар познания бесконечно предпочтительнее материальных даров. На то есть много причин. Ничто не становится поистине «чьим-то собственным» иначе, чем на основании некоего подлинного усилия или жертвы. Мате-

риальный дар может быть присвоен его получателем без усилий и без жертв, поэтому он редко становится «его собственным» и слишком уж часто воспринимается как счастливый случай. Интеллектуальный дар, дар познания — совсем другое дело. Если получатель не приложит для принятия дара подлинных усилий, то никакого дара и не будет. Принять дар и сделать его «своим собственным» — это одно и то же, и «ни моль, ни ржавчина не истребляют». Материальный дар делает людей зависимыми, но дар познания делает их свободными — если, конечно, это правильное познание. Дар познания имеет, вдобавок, гораздо более далеко идущие последствия и гораздо теснее связан с понятием «развития». Как гласит пословица, дайте человеку рыбу, и на очень короткое время вы ему немного поможете; научите его рыболовному искусству, и он сам сможет помогать себе всю оставшуюся жизнь. И на более высоком уровне: снабдите человека рыбацкими принадлежностями; это будет стоить вам приличных денег, а результат останется сомнительным. Но даже в случае удачи человек продолжает зависеть от вас: у него лишь до тех пор есть средства к существованию, пока вы готовы их обновлять. Но научите его тому, как сделать рыбацкие принадлежности, и вы поможете ему не только прокормить самого себя, но и стать самостоятельным и независимым.

Именно это, следовательно, должно становиться все более важной задачей программ помощи — щедро снабжая людей подходящими интеллектуальными дарами, знанием уместных для них методов самопомощи, сделать их самостоятельными и независимыми. Этот подход имеет, между прочим, и то преимущество, что он относительно дешев, что он, так сказать, позволяет потратить деньги с пользой. Возможно, за 100 фунтов вы снарядите определенными средствами производства одного человека. Но за те же деньги вы вполне можете научить 100 человек тому, как получить такое снаряжение самостоятельно. Возможно, в некоторых

случаях небольшой «толчок» в виде материальных благ поможет ускорить процесс, но такая поддержка была бы чисто побочной и играла бы вторичную роль. Если блага подобраны правильно, то тот, кто в них нуждается, скорее всего, сможет за них заплатить.

Чтобы коренным образом переориентировать помощь в том направлении, за которое я выступаю, понадобилось бы лишь минимальное перераспределение денежных средств. Если в данный момент Британия ежегодно оказывает помощь в размере порядка 250 миллионов фунтов, то перенаправление всего лишь одного процента этой суммы на организацию и мобилизацию «даров познания», я уверен, изменило бы все перспективы и открыло бы в истории «развития» новую, куда более многообещающую эру. Один процент — это всего лишь около 2,5 миллиона фунтов — сумма, которую можно потратить на указанные цели с очень и очень большой пользой, если подойти к делу с умом. В результате неизмеримо более плодотворным стало бы и расходование остальных 99%.

Стоит нам понять, что задача помощи — это в первую очередь задача снабжения стран уместным для их условий знанием, опытом, знанием-как и т.п. (то есть скорее интеллектуальными благами, чем материальными), как становится ясным, что нынешняя организация усилий по развитию заокеанских стран далека от адекватной. И это естественно, коль скоро главной задачей помощи считается обеспечение *денежных средств* для разнообразных нужд и проектов, заявленных принимающей страной, тогда как наличие соответствующего знания так или иначе принимается как само собой разумеющееся. Я лишь пытаюсь сказать, что его нельзя принимать как само собой разумеющееся. Знание — это именно тот фактор, недостаток которого бросается в глаза, «отсутствующее звено», без которого не работает все предприятие. Я не говорю, что в данный момент не поставляется вообще никакого знания — это было бы смешно. Нет, имеет

место обильный поток знания-как, но он основан на неявной предпосылке, что если нечто хорошо для богатых, то оно с очевидностью должно быть хорошо и для бедных. Эта предпосылка, как я доказывал выше, неверна, или, по крайней мере, верна лишь отчасти, а по большей части все равно неверна.

Итак, мы должны вернуться к нашим двум миллионам деревень и подумать над тем, как обеспечить их необходимым знанием. Чтобы сделать это, мы должны для начала обладать этим знанием сами. Чтобы говорить об отправке помощи, нужно иметь то, что отправлять. В нашей стране нет тысяч пораженных бедностью деревень — и что же мы знаем о методах самопомощи в подобных обстоятельствах? Мудрость начинается с признания недостаточности собственных знаний. Пока мы будем продолжать думать, что все знаем (тогда, как на самом деле не знаем), мы так и будем ходить к бедным и показывать им, какие роскошные у них были бы возможности, будь они богаты. До настоящего момента именно это было главной ошибкой в оказании помощи.

Но ведь кое-что об организации и систематизации знания и опыта мы все-таки знаем. У нас есть средства и умения для выполнения практически любого задания — если только мы ясно представляем себе, в чем оно состоит. Если, например, задание состоит в том, чтобы написать эффективное руководство по методам и материалам для малозатратного строительства в тропических странах и с его помощью обучить местных строителей подходящим техникам и методам, то можно не сомневаться, что мы сможем его выполнить или, по крайней мере, сможем немедленно сделать шаги, которые позволят нам выполнить это задание за два или три года. Кроме того, мы ясно понимаем, что одна из основных потребностей во многих развивающихся странах — это потребность в воде, и что миллионы деревенских жителей очень много выиграли бы, получив систематическое знание малозатратных

методов хранения воды, ее защиты, транспортировки и т.п. Если бы мы ясно осознали все это и поставили на повестку дня, то можно не сомневаться, что у нас нашлись бы нужные умения и ресурсы, чтобы собрать, организовать и передать требуемую информацию.

Как я уже говорил, у бедных людей достаточно простые нужды, а помощи они ждут в первую очередь в своих основных занятиях и для удовлетворения основных потребностей. Если бы они не были способны к самопомощи и самостоятельному существованию, они сегодня не выжили бы. Но их собственные методы слишком уж часто оказываются чересчур примитивными, неэффективными и нерезультативными. Эти методы необходимо усовершенствовать, приложив к ним новое знание — новое для них, но не новое в принципе. Совершенно неверно думать, что бедные люди в массе своей не хотят меняться. Но предлагаемые беднякам изменения должны находиться в органической взаимосвязи с их текущими занятиями. Бедняки справедливо относятся с подозрением и протестом к радикальным изменениям, которые предлагаются новаторами, живущими в городах и запертыми в своих офисах. Подход этих новаторов примерно такой: «Вы только уйдите с моего пути, и я покажу вам, какие вы никчемные и как блестяще всю эту работу можно выполнить с помощью иностранных денег и зарубежного оборудования».

Поскольку у бедных людей относительно простые нужды, то и круг исследований, которые нужно провести, весьма ограничен. Это идеальная задача, чтобы подойти к ней систематически, но для ее выполнения нужно иное организационное устройство, чем то, которое мы имеем сегодня (устройство, приспособленное в первую очередь для распределения *денежных средств*). Сегодня как в странах, оказывающих помощь, так и в странах-получателях, развитием заведуют, главным образом, правительственные служащие, иначе говоря управленцы. Они не являются ни предпринимателями,

ни инноваторами, не имеют соответствующих навыков и опыта, у них нет специальных технических знаний в области производственных процессов, коммерческих потребностей или проблем коммуникации. Конечно, они тоже играют важную роль, и никто не мог бы — и не стал — браться за дело без них. Но сами по себе управленцы ничего сделать не могут. Они должны быть тесно связаны с другими социальными группами: с людьми из промышленности и торговли, получившими свои навыки в «школе выживания» (не смог выплатить зарплату в пятницу — вышел из игры!), с квалифицированными специалистами, научными сотрудниками, исследователями, журналистами, работниками образования и прочими людьми, у которых есть время, средства, умение и склонность думать, писать и вступать в коммуникацию. Развитие — слишком сложная задача, чтобы представители какой-то из этих трех групп смогли успешно ее выполнить, работая отдельно от остальных. Как в странах, оказывающих помощь, так и в странах-получателях, необходимо создать то, что я называю «комбинацией А-В-С», где «А» означает *administrators* (управленцы), «В» — *businessmen* (бизнесмены) и «С» — *communicators* (те, кто осуществляет коммуникацию), а именно работники интеллектуального труда и специалисты разных направлений. Только там, где эффективно работает комбинация А-В-С, можно сдвинуться с мертвой точки в деле решения ужасающе трудных проблем развития.

В богатых странах на всех этих поприщах есть тысячи умелых людей, которые очень хотели бы внести свой вклад в борьбу с бедностью, сделать нечто большее, чем просто отстегнуть немного денег. Но у них не так много способов реализовать свое желание. А в бедных странах образованные люди, составляющие в высшей степени привилегированное меньшинство, слишком уж часто следуют моде, задаваемой богатыми обществами (еще один аспект непреднамеренного неокOLONиализма), и уделяют внимание любым проб-

лемам, кроме тех, что напрямую связаны с бедностью их деревенских сограждан. Таким людям нужно дать наставление, вдохновить на решение насущных проблем их собственного общества.

Мобилизовать людей, желающих помочь (а такие существуют повсюду, как у нас, так и за океанами), и объединить их в «группы А-В-С», мобилизовать тем самым знание, которое будет уместным для бедняков и позволит им помочь самим себе — это задача, которая хоть и требует некоторых денег, но не очень больших. Как я уже сказал, всего лишь одного процента средств британской программы помощи было бы достаточно — более чем достаточно, чтобы обеспечить подобный проект всеми финансовыми средствами, каких он только может потребовать в течение довольно длительного времени. Однако речь не идет о том, чтобы поставить программы помощи с ног на голову или вывернуть их наизнанку. Перемены должны произойти в мышлении, а заодно в методе действий. Недостаточно просто перейти к новой политике — нужны новые методы организации, потому что *политика заключается в их реализации.*

Чтобы реализовать отстаиваемый здесь подход, нужно сформировать группы активистов не только в странах, оказывающих помощь, но также (и это важнее всего) в самих развивающихся странах. Лучше всего, чтобы эти группы активистов, построенные по схеме А-В-С, находились вне государственного аппарата, иными словами, чтобы они были добровольческими неправительственными организациями. Их основателями вполне могут выступить те добровольческие организации, которые уже занимаются проблемами развития.

Существует множество подобных организаций, как религиозных, так и светских, с большим количеством сотрудников, работающих «на местах», и эти сотрудники не замедлили отметить, что «промежуточная техника» — это именно то, что они пытались в бес-

численных случаях применить на практике, но, по их словам, для этих целей у них нет никакого организованного технического подспорья. Были проведены конференции по обсуждению возникших типичных проблем, и стало совершенно очевидно, что даже самые самоотверженные усилия добровольцев не принесут надлежащих плодов в отсутствие систематически организованного знания и столь же систематически организованной коммуникации, другими словами, в отсутствие чего-то, что можно назвать «интеллектуальной инфраструктурой».

В настоящее время делаются попытки создать такую инфраструктуру, и эти попытки должны получить самую активную поддержку со стороны правительств и добровольных организаций по сбору денежных средств. Такая инфраструктура должна выполнять по меньшей мере четыре функции.

- Функцию коммуникации — дать каждому полевому работнику или полевой группе возможность узнавать, какая еще работа выполняется в той же географической или «функциональной» области, где работают они. Это будет содействовать прямому обмену информацией.

- Функцию информационного маклерства — на систематической основе собирать и распространять уместную информацию о технологиях, подходящих развивающимся странам, и особенно о малозатратных методах строительства, мелкофабричного производства, здравоохранения, грузоперевозки, хранения и переработки энергии, воды и урожая и т.д. Смысл этой функции не в том, чтобы собрать всю информацию в едином центре, а в том, чтобы обладать «информацией об информации», или «знанием-как о знании-как».

- Функцию «обратной связи» — передачи технических проблем, с которыми сталкиваются полевые работники в развивающихся странах, в те точки развитых стран, где имеются средства и умения для решения этих проблем.

• Функцию создания и координации «подструктур» — групп активистов и центров контроля в самих развивающихся странах.

Во всех этих вопросах добиться исчерпывающей ясности можно только путем проб и ошибок. Но нет нужды начинать с чистого листа — многие важные вещи уже известны, но теперь их нужно собрать воедино и систематически разработать. Будет ли оказание помощи в развитии успешным, зависит от того, удастся ли правильно его организовать, наладить коммуникацию и получение знаний нужного типа. Эта задача ясна и решается, причем имеющихся ресурсов для ее решения вполне достаточно.

Почему богатым так тяжело помочь бедным? Всепроникающее заболевание современного мира — отсутствие всякого баланса между городом и деревней. Это касается благосостояния, власти, культуры, привлекательности и надежды. Город гипертрофировался, деревня — атрофировалась. Город стал всеобщим магнитом, тогда как сельская жизнь утратила свой шарм. Но неизменная истина по-прежнему состоит в том, что как здоровый ум бывает только в здоровом теле, так и здоровье городов зависит от здоровья сельской местности. Горожане при всем их богатстве — всего лишь производители второго порядка, тогда как первичное производство, неотъемлемое условие всякой экономической жизни, протекает в сельской местности. Повсеместное отсутствие баланса, основанное на вековой эксплуатации сельских жителей и добытчиков сырья, угрожает сегодня всем странам мира, и богатым даже больше, чем бедным. Восстановление надлежащего баланса между городской жизнью и деревенской — это, возможно, величайшая задача, стоящая перед современным человеком. И речь не идет попросту о том, чтобы увеличить сельскохозяйственные урожаи до уровня, который позволит избежать мирового голода. Нельзя дать отпор проклятьям массовой безработицы и массовой миграции в города, если не поднять уро-

вень деревенской жизни в целом, а это требует такого развития агропромышленной культуры, при котором каждый район, каждое сообщество могло бы предложить своим членам пестрое разнообразие занятий.

Таким образом, ключевая задача этого десятилетия — направить усилия по развитию в нужное русло и тем самым сделать их более эффективными, чтобы они достигли места средоточия мировой бедности — двух миллионов деревень. Если распад сельской жизни продолжится, то выхода не останется — сколько бы денег мы ни тратили. Но если помочь сельским жителям развивающихся стран помочь самим себе, то за этим, не сомневаюсь, последует подлинное развитие, без необъятных трущоб и поясов нищеты вокруг каждого большого города, без жестоких разочарований кровавой революции. Задача действительно колоссальная, но колоссальны и ресурсы, ждущие, чтобы их пустили на ее выполнение.

Экономическое развитие — это нечто гораздо более обширное и глубокое, чем экономика, не говоря уже об эконометрике. Его корни лежат вне экономической сферы: в образовании, организации, дисциплине и, если брать шире, в политической независимости и национальном сознании собственной самостоятельности. Его нельзя «произвести» с помощью умелой операции по пересадке, выполненной руками иностранных техников или местных элит, утративших контакт с обычными людьми. Развитие только тогда может быть успешным, когда становится всенародным «движением по переустройству», основной упор в котором делается на страсть, энтузиазм, ум и рабочую силу каждого. Нельзя добиться успеха, попросив ученых, техников или специалистов по экономическому планированию, чтобы они произнесли какое-то волшебное заклинание. Успех может прийти только по мере роста: в том числе, роста образования, организации и дисциплины всего населения. Любые более скромные меры окончатся провалом.

XIV. Проблема безработицы в Индии¹

ЛОНДОНСКАЯ РЕЧЬ ПЕРЕД ГРУППОЙ ПО РАЗВИТИЮ ИНДИИ

Говоря о безработице, я имею в виду неиспользование или серьезное недоиспользование имеющейся рабочей силы. Можно представить себе шкалу производительности, где 0% — производительность человека, не имеющего вообще никакой работы, а 100% — производительность человека, занятого полностью и наиболее эффективно. Ключевой вопрос для любого бедного общества: как ему продвинуться вверх по этой шкале? В каком бы обществе мы ни рассматривали вопрос производительности, недостаточно принимать в расчет лишь тех, кто работает (по найму или на себя самого), не учитывая тех, кто не имеет работы и чья производительность, соответственно, равна нулю.

Проблема экономического развития — это проблема, как выполнить больше работы. Для этого есть четыре существенных условия. Во-первых, должна быть мотивация; во-вторых, должно быть некое знание-как; в-третьих, должен иметься некий капитал; в-четвертых, должен существовать рынок сбыта — дополнительный выпуск требует дополнительных рынков.

Что касается мотивации, здесь мало что можно сказать *со стороны*. Если люди сами не хотят совершенствоваться, их лучше оставить в покое — это должно быть первым принципом помощи. Люди, наблюдаю-

¹ Речь, произнесенная перед Группой по развитию Индии (India Development Group). Лондон, 1971.

щие ситуацию изнутри, могут смотреть на вещи иначе, но на них и иная ответственность. Тот, кто оказывает помощь, всегда найдет достаточно людей, которые действительно хотят совершенствоваться, но не знают, как это сделать. Таким образом, мы переходим к вопросу о знании-как. Если миллионы людей хотят совершенствоваться, но не знают как, то кто укажет им путь? Взгляните, какой масштаб проблема приняла в Индии. Здесь речь идет не о нескольких тысячах и даже не о нескольких миллионах, но, скорее, о нескольких сотнях миллионов людей. Когда проблема достигает такого масштаба, ее уже нельзя пытаться решить с помощью каких-то незначительных улучшений, маленькой реформы, исправления или нововведения. Она становится предметом фундаментальной политической философии. И все сводится к следующему вопросу: для чего нужно образование? Кажется, китайцы перед Второй мировой войной подсчитали, что на содержание одного студента университета уходит 30 лет труда крестьянина. Если допустить, что обучение этого студента длится пять лет, то ко времени окончания, на это уйдет 150 человеко-лет. Чем это можно оправдать? Кому дано право присвоить 150 лет крестьянского труда, чтобы пять лет держать одного человека в университете, и что получают взамен крестьяне? Эти вопросы приводят нас на распутье: что есть образование — «допуск к привилегиям» или священное обязательство служить народу, которое принимают почти как монашеский обет? Первый путь приводит образованного молодого человека в фешенебельный район Бомбея, куда уже ушли множество других высокообразованных людей. Здесь он может присоединиться к обществу взаимного восхищения, к «профсоюзу привилегированных», чтобы быть уверенным, что его привилегии не будут подпорчены его бесчисленными необразованными современниками. Таков один путь. Другой путь был бы проникнут иным духом и привел бы в иной пункт назначения. Он

привел бы его назад к народу, который в конце концов прямо или косвенно заплатил за его образование 150 человеко-лет. Потребив плоды народного труда, он считал бы своим долгом дать народу что-то взамен.

Проблема не нова. Лев Толстой, обращаясь к ней, писал: «Я сижу на шее у человека, задавил его и требую, чтобы он вез меня, и, не слезая с него, уверяю себя и других, что я очень жалею и хочу облегчить его положение всеми возможными средствами, но только не тем, чтобы слезть с него»². Я полагаю, это первый вопрос, которым нам надо задаться. Можем ли мы заложить идеологию (можете использовать другое слово, если вам не нравится это), гласящую, что образованные люди берут на себя обязательство, а не просто получают «допуск к привилегиям»? Разумеется, такая идеология находит хорошую поддержку в лице всех высших учений человечества. Как христианин, позволю себе процитировать Евангелие от Луки: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут»³. Можно согласиться с тем, что это элементарный принцип справедливости.

Если такая идеология не возобладает, если будет считаться само собой разумеющимся, что образование — допуск к привилегиям, то это отразится и на содержании образования: оно будет направлено в первую очередь не на то, чтобы служить народу, а на то, чтобы служить самому себе, тому, кто его получает. Привилегированное меньшинство будет хотеть такого образования, которое отделит его от остальных людей, и неизбежно будет учиться и учить неправильным вещам, то есть вещам, которые как раз и отделяют его от остальных: презрению к ручному труду, к первичному производству, к деревенской жизни и т.д., и т.п.

Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 16. М.: Худ. лит. С. 229. — *Примеч. пер.*

³ Новый Завет. Лк. 12:48. — *Примеч. ред.*

Пока фактически каждый образованный человек не увидит в себе слугу своей страны (то есть в конечном счете слугу простого народа), не будет никакой возможности набрать достаточно лидеров и наладить достаточно хороший обмен знанием-как, чтобы решить проблему безработицы или непроизводительной занятости в полумиллионе индийских деревень. Речь идет о 500 миллионах человек. Чтобы научить 100 человек помогать самим себе, нужно, по меньшей мере, два человека. Это означает, что к решению проблемы нужно призвать 10 миллионов человек, то есть все образованное население Индии. Вы можете сказать, что это невозможно, но если и так, то причиной тому никакие-то законы мироздания, а застарелый, прирожденный эгоизм людей, готовых получать и не готовых отдавать. Существуют факты, свидетельствующие, что эта проблема решается, но решить ее можно только на политическом уровне.

Перейдем теперь к третьему после мотивации и знания-как фактору, который я назвал капиталом и который, разумеется, тесно связан с проблемой знания-как. По моим подсчетам, Индии срочно требуется около 50 миллионов новых рабочих мест. Если мы согласны, что люди не могут выполнять производительной работы, не имея некоего капитала (в виде оборудования, а также оборотного капитала), то встает вопрос: как много капитала мы можем позволить себе пустить на создание одного рабочего места? Если создание одного рабочего места стоит 10 фунтов, то на создание 50 миллионов рабочих мест нужно 500 миллионов фунтов. Если же создание рабочего места стоит 100 фунтов, то всего понадобится 5 миллиардов фунтов, а если 5000 фунтов (столько оно может стоить в Британии или США) — то для 50 миллионов рабочих мест нам потребуется 250 миллиардов фунтов.

Национальный доход страны, о которой мы сейчас говорим, то есть Индии, составляет около 15 миллиардов фунтов в год. Таким образом, первый вопрос, как

много мы можем потратить на каждое рабочее место, а второй — как много у нас времени? На какую часть национального дохода (который я определил в 15 миллиардов фунтов) можно, по здравому размышлению, рассчитывать, намереваясь образовать запас капитала для создания рабочих мест? Не вдаваясь в детали, скажу, что если вам удастся выделить 5% — считайте, вам повезло. Таким образом, имея по 5% от 15 миллиардов фунтов в течение 10 лет, вы получаете в сумме 7,5 миллиарда фунтов на создание рабочих мест. Если за эти 10 лет вы хотите получить 50 миллионов рабочих мест, то в среднем можете позволить себе тратить 150 фунтов на рабочее место. Говоря иначе, при таком уровне капиталовложений на рабочее место вы можете создавать по 5 миллионов рабочих мест в год. Но допустим, вы скажете: «Нет уж, 150 фунтов — слишком мало, на такую сумму можно купить разве что набор инструментов. Нам нужно 1500 фунтов на рабочее место». Тогда вы не сможете иметь 5 миллионов рабочих мест в год, а только полмиллиона. А если вы скажете: «Только лучшее достойно нас, мы хотим сразу стать маленькими американцами, а для этого нужно 5000 фунтов на рабочее место», то не сможете получать и полумиллиона новых рабочих мест в год (не говоря уже о пяти миллионах) — только около 170 000. Конечно, вы уже заметили, что я очень сильно упростил расчеты, ведь при таких вложениях в рабочие места за эти 10 лет национальный доход вырос бы. Но я не учитывал и рост населения. Можно предположить, что эти два фактора исключили бы друг друга и не оказали влияния на мои вычисления.

Из сказанного следует, что самое важное единое коллективное решение, которое должна принять страна, находящаяся в таком положении, как Индия — это выбор техники. Я не говорю, что это какой-то безусловный моральный закон. Я лишь говорю, что таковы суровые реалии нашей жизни. Есть много вещей, с которыми можно спорить, но только не с арифметикой.

Итак, вы можете получить несколько высококапитализированных рабочих мест или много рабочих мест с относительно низким уровнем капитализации.

Все это, разумеется, примыкает к остальным названным мной факторам: к образованию, мотивации и знанию-как. Около 50 миллионов человек учатся в начальных школах Индии, почти 15 миллионов — в средних школах, и приблизительно 1,5 миллиона — в высших учебных заведениях. Конечно же, содержание образовательного аппарата подобных масштабов бессмысленно, если в конце пути ученикам не уготовано какое-то занятие, где у них будет шанс применить свои знания. Если и вправду не уготовано, то вся образовательная система — не что иное, как скверное бремя. Даже этой грубой картины вкладываемых в образование усилий достаточно, чтобы показать, насколько действительно необходимо думать о пяти миллионах новых рабочих мест в год, а не о нескольких сотнях тысяч.

Вплоть до совсем недавнего времени, то есть еще 50–70 лет назад, привычный способ ведения дел был, по нынешним меркам, совершенно примитивным. В связи с этим я хочу сослаться на вторую главу из книги Джона Кеннета Гэлбрейта⁴. В ней содержится завораживающий рассказ о Ford Motor Company. Компания была основана 16 июня 1903 года, и ее уставный капитал составлял 150 000 долларов, из которых 100 000 долларов было выпущено в виде акций, но только 28 500 долларов было оплачено наличными. Таким образом, всего в это предприятие было вложено порядка 30 000 долларов. Они начали в июне 1903 года, а первый автомобиль, попавший на рынок, появился в октябре, то есть через четыре месяца. Разумеется, в 1903-м штат работников был маленьким (125 человек), а капиталовложения на одно рабочее

Galbraith J.K. The New Industrial State. L.: Penguin Books Ltd., Hamish Hamilton, Ltd., 1967. [Пер. на рус. яз.: Гэлбрейт Д.К. Новое индустриальное общество. М.: Эксмо, 2008.]

место составляли менее 100 долларов. Это в 1903-м. Переместимся теперь на 60 лет вперед, в 1963 год. Ford Motor Company решила выпустить новую модель — «мустанг». Подготовка заняла 3,5 года. Инженерные и дизайнерские работы обошлись в 9 миллионов долларов. Оснащение оборудованием для производства новой модели — в 50 миллионов долларов. Между тем активы компании стоили уже 6 миллиардов долларов, что означает почти 10 000 долларов на каждого работника, то есть примерно в 100 раз больше, чем 60 лет назад.

На основе приведенных данных Гэлбрейт делает выводы, которые стоят того, чтобы их изучить. Он объясняет, что же произошло за эти 60 лет. Во-первых, неизмеримо вырос промежуток времени, отделяющий начало проекта от завершения работы над ним. На первую машину Форда ушло четыре месяца — от начала работ до ее появления на рынке, тогда как сейчас на одну лишь смену модели уходит четыре года. Во-вторых, неизмеримо вырос объем капитала, выделяемого для производства. На первом заводе Форда инвестиции на единицу выпуска были мизерными, а материалы и детали надолго не задерживались: никакие высокооплачиваемые специалисты ими не занимались, а для того, чтобы собрать из них автомобиль, использовались лишь простейшие машины — помогало то, что автомобильную раму можно было поднять силами всего двух человек. В-третьих, за прошедшие 60 лет чрезвычайно упала гибкость. Как поясняет Гэлбрейт: «Если бы [в 1903 году] Форд и его сотрудники решили перейти с бензина на энергию пара, машиностроительный завод можно было бы перестроить в соответствии с этим изменением за несколько часов». Сейчас, попытайся они поменять хотя бы один винтик, у них уйдут на это многие месяцы. В-четвертых, неуклонно растет специализация персонала, не только того, который работает с машинным оборудованием, но и того, который в мельчайших деталях планирует

и прогнозирует будущее. В-пятых, очень сильно изменилась организация, перед которой встала задача согласования усилий всех этих многочисленных специалистов, каждый из которых неспособен выполнить ничего, кроме всего лишь одной маленькой задачи внутри сложного целого. «Действительно, задача организации специалистов станет столь сложной, что появятся специалисты по организации. Сложные и громоздкие деловые организации — еще более зримое воплощение технического прогресса, чем машинное оборудование». Наконец, появилась необходимость в долгосрочном планировании, которое, можете мне поверить, представляет собой чрезвычайно кропотливую работу и вдобавок полную разочарований. Гэлбрейт писал, что «в ранние дни компании Ford будущее было совсем на носу. Считанные дни проходили между тем, как на производство выделялись материалы, и тем, как они появлялись в виде автомобиля. Когда будущее на носу, можно допустить, что оно будет очень похожим на настоящее», а значит, планирование и прогнозирование не представляют больших трудностей.

Итак, какой же вывод из всего сказанного? Вывод таков: чем изощреннее будет становиться техника, тем больше в целом она будет предъявлять требований. Когда простые вещи, необходимые для жизни (только они-то меня и интересуют), начинают производиться посредством все более изощренных процессов, тогда перечисленные шесть требований, ужесточаясь становятся все непосильнее для любого бедного общества. Когда дело касается простых вещей — пищи, одежды, крова и культуры — опаснее всего автоматически исходить из предположения, что уместной может быть только модель 1963-го, но никак не 1903 года, ведь способ ведения дел 1963 года недоступен для бедных, так как уже предполагает большое благосостояние. Так вот, ни в коем случае не желая быть грубым по отношению к моим друзьям по академической среде, я

должен сказать, что это соображение почти неизменно упускается ими из виду. Вопрос о том, как много средств можно позволить себе потратить на каждое рабочее место, когда их нужны миллионы, едва ли вообще кем-то поднимается. На самом деле, чтобы удовлетворить требованиям, сложившимся за последние 50–60 лет, нужно совершить невероятный скачок. Человеческая история текла совершенно непрерывно примерно вплоть до начала века, но за последние полстолетия случился невероятный скачок — что-то вроде скачка капитализации компании Ford с 30 тысяч до 6 миллиардов долларов.

В нынешних развивающихся странах непросто найти «генри фордов» образца 1903 года. Найти «генри супер-фордов», чтобы практически из ниоткуда вознестись на уровень 1963 года, по сути, невозможно. Никто не может оказаться на таком уровне с самого старта, а значит, никто не может быть на нем дееспособен, кроме того, кто на нем уже находится и функционирует. Это имеет ключевое значение для понимания современного мира. На этом уровне ничего нельзя *создать*, можно только продолжить, а это значит, что *если* этот уровень навязывается бедным, то они попадают в бóльшую зависимость от богатых, чем когда-либо за всю историю человечества. Им остается только «затыкать бреши» в экономике богатых, например, дешево (благодаря своим низким зарплатам) производя для них те или иные мелочи. Люди разнюхивают обстановку, а потом говорят: «Смотрите-ка, в таких-то бедных странах зарплаты настолько низкие, что там можно будет производить какую-нибудь деталь часового механизма или карбюратора дешевле, чем в Британии. Так пусть ее производят в Гонконге или на Тайване или еще где-то». Роль бедных в данном случае — затыкать бреши в удовлетворении нужд богатых. Следовательно, используя технику такого уровня, нельзя достичь ни полной занятости, ни независимости. Выбор техники — самый важный из всех выборов.

Очень странно слышать, как некоторые люди говорят, будто технику не выбирают. Я читал статью известного американского экономиста, утверждавшего, что существует только один способ производства каждого конкретного товара — способ, которым он производится в 1971 году. Разве эти товары никогда не производились раньше? Потребность в основных необходимых для жизни вещах и их производство существовали с момента, когда Адам покинул рай. По словам этого экономиста, самое последнее машинное оборудование — единственное, какое можно достать. Но это уже другой вопрос. Вполне возможно, что последнее машинное оборудование — единственное, которое легко достать. Верно, что в каждый конкретный момент времени господствующее положение на рынке занимает какой-то один вид машинного оборудования, и это создает впечатление, что у нас нет выбора, и что уровень занятости в обществе напрямую определяется количеством капитала. Но это, разумеется, абсурд. Автор, которого я цитирую, тоже знает, что это абсурд, поэтому он поправляет себя и указывает на примеры Японии, Кореи, Тайваня и других стран, в которых высокий уровень занятости достигается при весьма скромном капитальном оборудовании.

К экономистам и специалистам по развитию постепенно приходит осознание того, что выбор техники имеет большое значение. Это осознание проходит четыре стадии. Первой стадией был смех и презрительный отказ выслушивать любого, кто поднимал эту тему. Сейчас настала вторая стадия — на словах люди озаботились проблемой, но действий за словами не следует, и все продолжает идти своим ходом. Третьей стадией должна стать активная работа по мобилизации знаний об имеющемся выборе техники; четвертой стадией станет их практическое применение. Это долгая дорога, но я не стану скрывать того факта, что существует политическая возможность перехода прямо к четвертой стадии. Политическая идеология, состоя-

щая в том, чтобы рассматривать развитие как то, что относится к людям, способна немедленно поставить себе на службу изобретательность сотен миллионов и направить их прямо к четвертой стадии. Некоторые страны в настоящий момент и вправду движутся прямо к четвертой стадии.

Но не мне говорить о политике. Если ныне все яснее приходит понимание того, что выбор техники имеет краеугольное значение, то как нам перейти от второй стадии к третьей, от чисто словесного признания проблемы к реальным действиям? Насколько мне известно, в настоящее время реальные действия систематически предпринимаются только одной организацией — Группой развития промежуточной техники (ГРПТ). Я не отрицаю, что какие-то действия предпринимаются и на коммерческой основе, но не систематически. ГРПТ ставит перед собой задачу изучения всех имеющихся выборов техники. Я приведу лишь один из многих примеров деятельности этой Группы, существующей целиком на частные средства. Возьмем литейное дело и деревообработку, ведь металл и дерево — основные используемые в промышленности виды сырья. Какие имеются альтернативы при выборе техники, если расположить их в порядке капиталоемкости от самых примитивных, когда рабочие используют простейшие орудия, до самых сложных? Мы показали это в так называемом «профиле отрасли». Профиль отрасли сопровождается руководством по эксплуатации техники каждого уровня, а также справочником, в котором указано, где можно найти нужное оборудование.

Единственное, за что можно критиковать эту деятельность, так это за то, что сделано слишком мало и слишком поздно. Мало хорошего в том, что в таком важнейшем деле приходится довольствоваться усилиями кучки энтузиастов, работающих на общественных началах. Этим должны заниматься дюжины солидных, хорошо обеспеченных организаций по всему миру.

Задача столь велика, что даже если бы действия этих организаций отчасти дублировались, это не имело бы значения. Так или иначе я буду надеяться, что в Индии начнется работа действительно значительных масштабов, и мне приятно видеть, что некоторые начинания уже сделаны.

Теперь я перехожу к четвертому фактору, а именно к рынкам. Здесь, конечно, имеется более чем весомая проблема, потому что бедность означает, что рынки малы, а у населения почти нет свободных денежных ресурсов. Все денежные ресурсы, так сказать, уже заняты, и если я начну новое производство, скажем, сандалий или ботинок, на бедной территории, то, когда я сделаю эти ботинки, у моих соседей по несчастью не найдется денег, чтобы их купить. Иногда проще начать производство, чем найти рынок, и тогда мы, конечно, очень быстро поддаемся совету производить на экспорт, ведь экспорт идет главным образом в богатые страны, денежные ресурсы которых огромны. Но разве можно надеяться оказаться конкурентоспособным на мировом рынке, когда начинаешь в простой сельской местности?

Насколько я могу видеть, есть две причины для такой непомерной увлеченности экспортом. Одна из них — действительная, другая — не очень. Сначала скажу о второй. Это настоящий пережиток экономического мышления времен колониализма. Разумеется, колониальная держава вторгалась на ту или иную территорию не потому, что ее как-то особенно интересовало местное население, а чтобы получить доступ к ресурсам, нужным для ее собственной промышленности. В Танзанию вторгались ради сизаля, в Замбию — ради меди и т.д. Кое-куда — в целях торговли. Мышление было целиком сформировано этими интересами.

«Развитие» означало улучшение сырьевого или продовольственного снабжения либо более выгодную торговлю. Колониальную державу интересовали снабжение и нажива, а не туземное развитие, а значит, ее

интересовал в первую очередь экспорт колонии, а не ее внутренний рынок. Это мировоззрение устоялось до такой степени, что даже в докладе Пирсона расширение экспорта рассматривается как главный критерий успеха развивающихся стран. Но, разумеется, люди живут не экспортом, и для них бесконечно важнее то, что они производят для себя и друг для друга, чем то, что они производят для иностранцев.

Однако другое соображение имеет под собой больше реальных оснований. Производя на экспорт в богатую страну, я могу принимать наличие денежных ресурсов как должное, ведь мое собственное маленькое производство — ничто по сравнению с тем, что там уже существует. Но если я начинаю новое производство в бедной стране, для моих товаров может не найтись местного рынка сбыта, если только мне не удастся сделать так, чтобы на них тратили денежные ресурсы, которые прежде шли на какой-то другой товар. Нужно было бы начать дюжину разных производств одновременно: тогда каждому из 12 производителей рынок сбыта обеспечили бы остальные 11. У населения появились бы дополнительные денежные ресурсы, которые поглотили бы дополнительный выпуск. Но начать сразу множество предприятий чрезвычайно трудно. Поэтому привычным рецептом надлежащего развития остается производство на экспорт. Крайне ограничен не только возможный масштаб такого производства, но и его влияние на уровень занятости. Обычно, чтобы конкурировать на мировом рынке, необходимо привлечь в высшей степени капиталоемкую и трудосберегающую технику богатых стран. В любом случае эффект мультипликатора отсутствует: мои товары продаются за иностранную валюту, которая затем тратится на импортные товары (или на выплату долга), на чем все и кончается.

Необходимость начать множество взаимодополняющих производственных предприятий одновременно — очень суровое препятствие на пути развития, но

его можно уменьшить, простимулировав экономику посредством общественных работ. Достоинства программ массовых общественных работ в деле создания рабочих мест превозносились не раз. В этом отношении я хотел бы высказать лишь одно соображение: если вы можете увеличить денежные ресурсы сельского сообщества посредством финансируемой извне программы общественных работ, позаботьтесь о том, чтобы получить как можно больше от «эффекта мультипликатора».

Люди, нанятые на общественные работы, захотят потратить свою зарплату на всевозможные товары, то есть потребительские блага. Если эти товары будут местного производства, то новые денежные ресурсы, появившиеся благодаря программе общественных работ, не уйдут прочь, но продолжат циркулировать на местном рынке, и общее влияние на уровень занятости будет поразительным.

Общественные работы очень желательны и могут принести много добра, но если их не поддержать местным производством дополнительных товаров, которые можно купить на зарплату, то дополнительные денежные ресурсы пойдут на импортные товары, и страна может столкнуться с серьезными трудностями с иностранной валютой. И все-таки неверно на основании этого трюизма делать вывод, что для развития особенно важен экспорт. В конце концов, человечество как целое ничего не экспортирует. Наше развитие во все не началось с получения зарубежной валюты Марса или Луны. Человечество — это замкнутое общество. Индия достаточно велика, чтобы быть замкнутым обществом в том же самом смысле — обществом, где трудоспособные люди работают и производят то, что им нужно.

Все это может показаться очень сложным, и в некотором смысле это действительно очень сложно, если делается за людей, вместо того, чтобы делаться самими людьми. Но подумаем о том, что развитие и

занятость — это самые естественные вещи на свете. Они возникают в жизни любого здорового человека. Настает момент, когда он просто принимается за работу. В каком-то смысле, сейчас сделать это намного проще, чем когда-либо в истории человечества. Почему? Потому что накоплено гораздо больше знаний. Гораздо лучше налажены коммуникации. Вы можете перехватить все эти знания (именно с этой целью собрана Группа по развитию Индии). Так давайте же не будем морочить себе голову трудностями, а вновь прислушаемся к здравому смыслу, гласящему, что работа — самое естественное, что есть на свете. Важно, только, чтобы препятствием для нее не становились излишние умствования. У нас постоянно появляются всякие умные идеи, как оптимизировать что-то, чего еще даже не существует. Я считаю, дурак, говорящий «что-то — это лучше, чем ничего», намного смышленнее, чем умник, который не притронется ни к чему, что не доведено до оптимального состояния. Что нас останавливает? Теории, планирование. В Плановой комиссии я наткнулся на специалистов, внушивших себе, что даже 15 лет не хватит для трудоустройства всех жителей Индии, готовых работать. Когда говорят, что для этого недостаточно 15 месяцев, я готов с этим согласиться, потому что, для того чтобы всех охватить, нужно время. Но выкидывать белый флаг, признавая свою неспособность сделать элементарнейшую вещь за 15 лет, — это просто какая-то умственная деградация. Что за рассуждения привели их к этому? О, это были очень умные рассуждения, блистательное формальное моделирование. Оказалось, чтобы дать человеку работу, нужно в среднем так много электричества, так много цемента и так много стали! Это абсурд. Хочу напомнить, что 100 лет назад ни электричества, ни цемента, ни стали даже не существовало ни в каких значительных количествах. (Хочу напомнить, что Тадж-Махал, так же как и все соборы Европы, строили без электричества, цемента и ста-

ли. Это какая-то навязчивая идея, что вообще ничего нельзя сделать, пока отсутствует вышеперечисленное. С этой идеей нужно бороться.) Опять же, вы можете сказать, что это не экономическая проблема, а в основном политическая. Это проблема сострадания к простым людям во всем мире. И проблема не в том, чтобы мобилизовать простых людей, а в том, чтобы добиться своего рода добровольной мобилизации людей образованных.

Вот еще один пример: теоретики и плановики говорят нам, что количество людей, которым мы можем дать работу, зависит от размера нашего капитала. Как будто нельзя дать людям работу по производству капитала. Нам говорят, что нет никакого выбора техники — как будто производство началось в 1971 году. Нам говорят, что использовать какие-либо методы, кроме самых последних, экономически нецелесообразно, — как будто есть что-то экономически более нецелесообразное, чем держать людей в полном бездействии. Нам говорят, что необходимо «устранить человеческий фактор».

Нет большего лишения, чем не иметь возможности заботиться о себе самом и добывать средства к существованию. Нет никакого конфликта между ростом и занятостью. Даже такого конфликта, как между настоящим и будущим. Придется придумать совершенно абсурдный пример, чтобы продемонстрировать, что, давая людям возможность работать, вы провоцируете конфликт настоящего с будущим. Ни одна развитая страна не смогла бы развиваться, не давая людям возможности работать.

С одной стороны, вполне справедливо утверждение, что все это сложные вещи; с другой — не будем упускать из виду тот факт, что мы говорим о самых элементарных человеческих потребностях, и все эти выпренные и очень сложные рассуждения не должны удерживать нас от того, чтобы делать самые элементарные и понятные вещи.

Теперь, рискуя быть непонятым, я приведу простейший пример самопомощи, какой только возможен. Господь Бог не обделил наследством никого из своих детей. Что касается Индии, он дал ей разнообразные деревья, которым нет равных во всем мире. Здесь есть деревья почти для всех человеческих нужд. Одним из величайших учителей Индии был Будда, который включил в свое учение предписание для каждого доброго буддиста хотя бы раз в пять лет сажать дерево и смотреть, чтобы оно прижилось. Пока это предписание соблюдали, вся обширная территория Индии была покрыта не знающими пыли деревьями, изобиловала водой, тенью, пищей и сырьем. Только представьте, что вам удалось бы заложить идеологию, согласно которой каждый здоровый индус, будь то мужчина, женщина или ребенок, имел бы крошечную обязанность — раз в год сажать дерево и смотреть, чтобы оно прижилось.

Итак, за пятилетний период вы получили бы 2 миллиарда растущих деревьев. Любой может подсчитать на клочке бумаги, что экономическая ценность такого предприятия, если провести его с умом, была бы столь велика, что ничего подобного не обещал ни один из индийских пятилетних планов. Чтобы сделать это, не понадобилось бы ни пенни иностранной помощи, не пришлось бы иметь дело ни с проблемой сбережений, ни с проблемой инвестиций. В результате появилось бы продовольствие, волокно, строительные материалы, тень, вода, — почти все, что действительно нужно человеку.

Это лишь размышление, а не окончательное решение колоссальных индийских проблем. Но мне хотелось бы спросить: что это за образование, если оно мешает нам думать о вещах, которые можно сделать немедленно? Что заставляет нас думать, что прежде, чем мы сможем сделать хоть что-то, нам нужны электричество, цемент и сталь? По-настоящему полезные вещи нельзя сделать централизованно — их могут

сделать только сами люди. Если мы восстановим понимание того, что для любого человека на этом свете нет ничего естественнее, чем созидать и производить своими руками, и что дать людям такую возможность — задача, вполне посильная для человеческого ума, тогда, полагаю, мы распрощаемся с проблемой безработицы и вскоре будем спрашивать себя, как же нам осилить всю ту работу, которую нужно сделать.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОБСТВЕННОСТЬ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

XV. Машина, предсказывающая будущее?¹

Причина, по которой я включаю в эту книгу обсуждение вопроса о предсказуемости, состоит в том, что этот вопрос представляет собой одну из самых важных метафизических (и поэтому практических) проблем, стоящих перед нами. Никогда еще не было столько футурологов, плановиков, прогнозистов и мастеров строить модели, как сегодня, а компьютер, самый занимательный продукт технического прогресса, похоже, открывает новые несказанные возможности. Люди смело говорят о «машинах для предсказания будущего». Разве такие машины — не именно то, чего мы ждали? Все люди и во все времена хотели знать будущее.

Древние китайцы обращались к «И-Цзин», которая известна как «Книга перемен» и считается древнейшей книгой человечества. Некоторые наши современники делают это и сегодня. «И-Цзин» основана на убеждении, что, тогда как все постоянно меняется, само изменение неизменно и подчинено определенным доступным познанию метафизическим законам. Экклезиаст говорил: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом... время разрушать и время строить... время разбрасывать камни и время собирать камни», или, как сказали бы мы, время подъему и время застою. И задача мудрого человека — понимать великие ритмы вселенной и приспособливаться к ним. Примечательно, что, если греки и большинство других народов обращались к живым оракулам, к своим пифиям, Кассандрам, пророкам и провидцам,

Лекция, прочитанная на Первой британской конференции по социальным и экономическим последствиям автоматизации. Хэррогейт, 1961. Июнь.

китайцы обращались к книге, излагавшей всеобщие и необходимые образцы, по которым происходят изменения, сами законы Небес, которым неизбежно подчиняется вся природа, а человек подчинится свободно в результате прозрения, обретенного через мудрость либо через страдание. Современный человек обращается к компьютеру.

Как бы ни велико было искушение сравнить древних оракулов с современным компьютером, их можно сравнивать только путем противопоставления. Первые имеют дело исключительно с качественными отношениями, последний — с количественными. Надпись на дельфийском храме гласила: «Познай самого себя», тогда как на ЭВМ уместнее смотрелась бы надпись: «Познай меня», то есть «Изучи инструкцию по эксплуатации прежде, чем включать питание». Можно было бы подумать, что «И-Цзин» и оракулы «метафизичны», тогда как компьютер «реален». Но факт остается фактом: машина, предсказывающая будущее, основывается на очень определенных метафизических предпосылках, на неявной предпосылке, что «будущее уже здесь», что оно уже существует в детерминированном виде, в силу чего нужны всего лишь хорошие инструменты и методики, чтобы настроить фокусировку и сделать его видимым. Читатель должен согласиться, что это очень далеко идущая предпосылка, по большому счету необычайная предпосылка, противоречащая всякому непосредственному личному опыту. Эта предпосылка подразумевает, что человеческой свободы не существует или, во всяком случае, что она не в силах изменить заранее определенный ход событий. Мы не можем закрывать глаза на факт, на котором я настаивал на протяжении всей книги: такая предпосылка, как и все метафизические положения, сформулированные явно или неявно, имеет решающие по своему значению практические следствия. Вопрос лишь в том, истинна эта предпосылка или ложна.

Вполне допускаю, что когда Господь создавал мир и людей, которые будут в нем жить (дело, которое, согласно современной науке, заняло очень долгое время), он рассуждал следующим образом: «Если я сделаю все предсказуемым, то эти человеческие существа, которых я наделил очень неплохими мозгами, несомненно, научатся предсказывать все на свете, и в результате потеряют мотив хоть что-то делать, поскольку будут понимать, что будущее полностью определено, и никакие человеческие действия не могут на него повлиять. С другой стороны, если я сделаю все непредсказуемым, они постепенно поймут, что нет рационального основания для каких бы то ни было решений. В результате, как и в первом случае, у них исчезнет мотив хоть что-то делать. Нет смысла выбирать один из этих вариантов. Поэтому мне нужно объединить их. Пусть одни вещи будут предсказуемыми, а другие — нет. Тогда перед людьми, в числе прочих, встанет задача — выяснить, какие вещи можно предсказать, а какие — нет».

И это действительно очень важная задача, особенно сегодня, когда люди пытаются изобрести машины для предсказания будущего. Прежде чем делать предсказание, нужно быть в состоянии дать убедительное обоснование того, почему фактор, на который это предсказание направлено, считается по своей природе предсказуемым.

Плановики, конечно, исходят из предпосылки, что будущее еще не «здесь», что они имеют дело не с заранее детерминированными и тем самым предсказуемыми системами, а могут сами определять ход вещей посредством собственной свободной воли, и что их планы сделают будущее отличным от того, каким оно было бы в отсутствие плана. И все же, наверно, никто не желал бы заполучить машину для предсказания будущего так же сильно, как плановики. Интересно, им никогда не казалось удивительным, что такая машина могла бы, между прочим, предсказать их собственные планы до того, как те придут им в голову?

ПОТРЕБНОСТЬ В СЕМАНТИКЕ

Как бы то ни было, ясно, что вопрос предсказуемости не только важен, но еще и весьма запутан. Мы беззаботно рассуждаем об оценивании, планировании, прогнозировании, составлении бюджета, об исследованиях, программах, целях и прочем; и мы все чаще используем эти термины так, как если бы они были легко взаимозаменяемы, как если бы каждому само собой становилось понятно, что имелось в виду. Результатом становится огромная путаница, так как действительно необходимо провести ряд фундаментальных различий. Термины, которые мы используем, могут относиться к прошлому или к будущему, к поступкам или к событиям и они могут обозначать определенность или неопределенность. Из трех таких пар можно составить 2^3 комбинаций (то есть 8), и мы действительно должны иметь восемь разных терминов, чтобы всегда точно знать, о чем мы говорим. Однако наш язык вовсе не совершенен. Как правило, самое важное различие — между поступками и событиями. Поэтому восемь возможных случаев расположим в следующем порядке:

1. Поступок, прошлое, определенное.
2. Поступок, будущее, определенное.
3. Поступок, прошлое, неопределенное.
4. Поступок, будущее, неопределенное.
5. Событие, прошлое, определенное.
6. Событие, будущее, определенное.
7. Событие, прошлое, неопределенное.
8. Событие, будущее, неопределенное.

Различие между поступками и событиями столь же фундаментально, как и различие между активным и пассивным или между «тем, что я контролирую» и «тем, чего я не контролирую». Абсурдно применять слово «планирование» по отношению к материям, не подконтрольным плановику. С точки зрения плановика, события просто происходят. Он вполне может спрогнозировать их, и это может отразиться на его

плане, но они не могут быть частью плана. Различие между прошлым и будущим оказалось важным для наших целей потому, что такие слова, как «план» или «оценки» действительно употребляют, отсылая и к тому, и к другому. Когда я говорю фразу: «Я не поеду в Париж без плана», она может означать — «Чтобы ориентироваться, я возьму с собой план улиц» и отсылать тем самым к случаю номер 5. Или она может означать — «Я составлю план того, куда мне прежде всего пойти и на что потратить время и деньги» — это случай 2 или 4. Если кто-то говорит, что «нужно непременно иметь план», то небезынтересно будет выяснить, какой «план» он имеет в виду — в первом смысле или во втором. Эти два смысла принципиально различны.

Равным образом, слово «оценки», обозначающее неопределенность, может применяться как по отношению к прошлому, так и по отношению к будущему. В идеальном мире не было бы необходимости делать оценки вещей, которые уже произошли. Но в действительном мире значительная неопределенность связана даже с теми вопросами, которые в принципе можно было бы изучить со всей определенностью. Случаями 3, 4, 7 и 8 представлены четыре разных типа оценок. Случай 3 относится к чему-то, что я сделал в прошлом, случай 7 — к чему-то, что произошло в прошлом. Случай 4 относится к чему-то, что я планирую сделать в будущем, тогда как случай 8 — к чему-то, что, по моим ожиданиям, произойдет в будущем. На самом деле случай 8 — это «прогноз», в самом что ни есть корректном смысле термина, и никакого отношения к «планированию» он не имеет. Но как же часто прогнозы бывают представлены в качестве планов (и *vice versa*)! Выдающимся примером служит британский «Национальный план» 1965 года, который, что не удивительно, окончился ничем.

Можем ли мы когда-либо говорить о будущих поступках или событиях как об определенных (слу-

чаи 2 и 6)? Если я составил план, располагая полным знанием всех относящихся к делу фактов, твердо намереваясь его осуществить (случай 2), я могу в этом отношении рассматривать мои будущие действия как определенные. Равно как и в лабораторном исследовании, имеющем дело с тщательно изолированными детерминистическими системами, будущие события могут быть описаны как определенные. Однако реальный мир — не детерминистическая система. Мы, может быть, и способны говорить с определенностью о поступках и событиях прошлого (случаи 1 и 5), но *о будущих событиях мы можем говорить так, только основываясь на предпосылках*. Другими словами, мы можем формулировать условные утверждения о будущем, такие как: «Если бы такое-то направление развития событий сохранилось еще в течение x лет, то оно привело бы вот к этому». Это не прогноз или предсказание, которые в реальном мире всегда должны быть неопределенными, а пробный расчет, который, будучи условным, обладает достоинством математической определенности.

Метафизическая путаница возникает из-за царящей сегодня неразберихи в семантике. Как уже было упомянуто, выдвигаются «планы», которые, как выясняется при ближайшем рассмотрении, касаются событий, полностью не подконтрольных плановику. Приводятся «прогнозы», которые при внимательном рассмотрении оказываются условными предложениями, или, другими словами, пробными расчетами. Последние ошибочно интерпретируются как прогнозы или предсказания. Делаются «оценки», которые при внимательном рассмотрении оказываются планами. И так далее, и тому подобное. Если бы наши университетские преподаватели научили вышеописанным различиям своих студентов и выработали терминологию, которая закрепляла бы эти различия словесно, тем самым они сделали бы необходимейшую и понастоящему полезную работу.

ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ

Вернемся теперь к нашему главному предмету — к предсказуемости. Возможно ли вообще предсказание или прогнозирование? (Эти два термина, похоже, взаимозаменяемы.) Будущего не существует: как может быть знание о чем-то несуществующем? Этот вопрос вовсе не праздный. В строгом смысле слова предметом знания может быть только прошлое. Будущее всегда в процессе создания, но оно создается *в значительной степени* из существующего материала, о котором можно знать очень многое. Будущее, таким образом, *в значительной степени* предсказуемо, если у нас есть основательные и обширные знания о прошлом. *В значительной степени*, но ни в коем случае не полностью, ведь в создание будущего вмешивается загадочный и неудержимый фактор, называемый человеческой свободой. Это свобода существа, о котором сказано, что оно было создано по образу и подобию Бога-Творца: свобода творить.

Как ни странно, сегодня под влиянием лабораторной науки многие люди, похоже, используют свою свободу единственно с целью отрицания ее существования. Талантливейшие мужчины и женщины находят для себя самое большое удовольствие в восхвалении любого механизма, любой неизбежности, всего того, куда человеческая свобода не проникает хотя бы с виду. Оглушительный возглас ликования раздается всякий раз, когда кто-нибудь находит — в физиологии, психологии, социологии, экономике или политике — какое-нибудь новое свидетельство несвободы, новый показатель того, что люди ничего не могут поделать с тем, кто они есть, и с тем, что они делают — сколь бы бесчеловечными не были их действия. Разумеется, отрицание свободы — это отрицание ответственности: поступков не существует, есть только события, вещи просто происходят, и никто за это не отвечает. Это, несомненно, главная причина семантической путаницы, о которой я говорил выше. Это, вдобавок, причина

веры в то, что скоро мы получим машину, предсказывающую будущее.

Конечно, если бы все просто происходило, если бы не было элемента свободы, выбора, творчества и ответственности, все можно было бы предсказать в совершенстве, а единственным ограничением мог быть случайный и временный недостаток знаний. Отсутствие свободы сделало бы человеческие дела подходящими для изучения естественными науками или, по крайней мере, их методами, а надежные результаты, без сомнения, следовали бы вскоре за систематическим наблюдением фактов. Профессор Фелпс Браун в своем президентском обращении к Королевскому экономическому обществу, похоже, занимает именно эту точку зрения, когда говорит об «отсталости экономики»: «Наша собственная наука едва ли достигла своего XVII века». Убежденный в том, что экономика метафизически тождественна физике, он с одобрением цитирует другого экономиста — профессора Моргенштерна:

Решающий прорыв, произошедший в XVII веке в физике, а именно в области механики, стал возможен только благодаря предшествовавшим успехам астрономии. Подспорьем для него были несколько тысячелетий систематических, научных астрономических наблюдений... Ничего подобного не было в экономической науке. Глупо было бы ожидать появления Кеплера и Ньютона там, где не было Тихо — и нет оснований надеяться, что в экономике развитие пойдет по более легкому пути.

Поэтому профессор Фелпс Браун делает вывод о том, что нам нужны еще долгие и долгие годы наблюдений за поведением: *«До тех пор, вся наша математизация преждевременна»*.

Что делает экономику метафизически отличной от физики, а человеческие дела — в значительной степени непредсказуемыми, так это вмешательство человеческой свободы. Конечно, поступая согласно плану, мы добиваемся предсказуемости, но именно потому,

что план — результат проявления свободы и способности к выбору, выбор сделан, и все альтернативы исключены. Если люди держатся своего плана, то их поведение предсказуемо просто потому, что они выбрали отказ от своей свободы, чтобы поступать иначе, чем предписано планом.

В принципе, предсказуемо все, что подобно движению звезд, недоступно вмешательству человеческой свободы, а непредсказуемо все, что ему подвержено. Означает ли это, что все человеческие действия непредсказуемы? Нет, потому что большинство людей, действуя чисто механически, не используют свою свободу основную часть времени. Опыт показывает, что, имея дело с множеством людей, мы действительно можем предсказать многие аспекты их поведения. Ведь среди большого количества людей в каждый отдельный момент времени лишь крошечное меньшинство используют свою способность к свободе, и оно зачастую не оказывает значительного воздействия на общий итог. И тем не менее все по-настоящему важные инновации и перемены, как правило, начинаются с крошечных меньшинств людей, которые все-таки используют свою творческую свободу.

Верно, что в силу неиспользования свободы социальные явления приобретают определенную устойчивость и предсказуемость, а это выражается в том, что реакции подавляющего большинства людей на ту или иную ситуацию не особо меняются со временем, если только не появляются по-настоящему пересиливающие стимулы.

Итак, можно провести следующие различия:

1. Полная (в принципе) предсказуемость существует только в отсутствие человеческой свободы, то есть в «дочеловеческой» природе. Здесь ограничения на предсказуемость налагаются исключительно ограниченностью знаний и используемых методик.

2. Об относительной предсказуемости можно говорить применительно к поведенческим стереотипам

очень больших количеств людей, занятых «нормальными» (рутинными) вещами.

3. Об относительно полной предсказуемости можно говорить применительно к человеческим действиям, контролируемым планом, который исключает свободу, например железнодорожным расписанием.

4. Индивидуальные решения отдельных людей в принципе непредсказуемы.

КРАТКОСРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

На практике всякое предсказание — просто экстраполяция с поправкой на известные «планы». Но как нам экстраполировать? Сколько нужно взять прошедших лет? Что именно нам экстраполировать, имея, допустим, запотоколированную историю роста — средние темпы роста или увеличение темпов роста, или ежегодный прирост в абсолютных величинах? По правде говоря, правил не существует:² это вопрос одного лишь «чутья» или способности суждения.

Полезно знать обо всех разнообразных возможностях использовать один и тот же временной ряд для экстраполяций, дающих существенно различные результаты. Такое знание удержит нас от того, чтобы оказывать незаслуженное доверие экстраполяциям. Вместе с тем развитие (якобы) более совершенных прогнозных методик может превратиться в порок. При краткосрочном прогнозировании, скажем, на следующий год утонченные методики редко дают существенно иные результаты, нежели грубые методики. Что можно предсказать после одного года роста?

1. Что мы достигли (временного) потолка.

2. Что рост продолжится теми же самыми, более медленными или более быстрыми темпами.

3. Что будет спад.

Разумеется, когда имеются сезонные или циклические закономерности, нужно взять, как минимум, год или цикл. Но как много лет или циклов брать — это вопрос суждения.

Ясно, что для выбора одной из этих трех основных альтернатив «прогнозные методики» не помогут, — здесь необходимо глубокое, основанное на знаниях суждение. Конечно, многое зависит от того, с чем вы имеете дело. Когда речь идет о чем-то таком, что в общем случае растет очень быстро, как, например, потребление электричества, тремя основными альтернативами будут такой же рост, более быстрый или более медленный.

Сформировать здравое суждение о будущем помогает не столько наличие прогнозных методик, сколько исчерпывающее понимание текущей ситуации. Если известно, что на текущий уровень производительности (или темп роста) влияют совершенно аномальные факторы, которые вряд ли будут присутствовать в грядущем году, это, конечно, надо принять в расчет. Прогноз «такой же, как в прошлом году» может подразумевать «реальный» рост или «реальный» спад в силу того, что в этом году имели место исключительные факторы. Все это, разумеется, должно быть оговорено прогнозистом в явном виде.

Поэтому я убежден, что необходимо во что бы то ни стало добиться понимания текущей ситуации, чтобы распознать и, если нужно, устранить из текущей картины «аномальные» и неперIODические факторы. Если сделать это, то и метод прогнозирования едва ли окажется слишком грубым. Никакая утонченность методики не поможет нам в вынесении фундаментального суждения: будет ли следующий год таким же, как предыдущий, лучше него или хуже?

Здесь могут возразить, что должны быть отличные возможности краткосрочного прогнозирования при помощи ЭВМ, ведь эти машины могут очень легко и быстро справиться с большим массивом данных и подвести под него некоторое математическое выражение. Осуществляя «обратную связь», можно практически мгновенно преобразовывать такое математическое выражение с учетом новых данных. И если

выражение действительно подходящее, то машина может предсказывать будущее.

Давайте мы разберемся с метафизической основой подобного утверждения. Что значит «хорошо подходящее математическое выражение»? Всего лишь то, что некая последовательность количественных изменений в прошлом элегантно описана на точном языке математики. Но тот факт, что мне или машине удалось описать эту последовательность столь точно, ни в коей мере не дает основания предполагать, что ее рисунок сохранится. Он мог бы сохраниться только в том случае, если бы а) не было человеческой свободы, и б) не существовало возможности каких-либо изменений в области тех причин, которые сформировали наблюдаемый рисунок.

Я готов согласиться с утверждением, что, когда тенденция (стабильность, рост или спад) имеет очень ясный и прочно устоявшийся рисунок, действительно можно ожидать, что в течение какого-то времени этот рисунок будет сохраняться — если только нет достоверных сведений о скором появлении новых факторов, которые с большой вероятностью его изменят. Но я полагаю, что выявление таких ясных, отчетливых и устойчивых рисунков с помощью неэлектронного человеческого мозга в целом дешевле, быстрее и надежнее, чем с помощью его электронного соперника. Другими словами, если для выявления рисунка действительно необходимо, прибегать к настолько утонченным методам математического анализа, что требуется компьютер, то этот рисунок слишком блеклый и неясный, чтобы в реальной жизни он мог быть подходящим базисом для экстраполяций.

Грубые методы прогнозирования не приведут ни к ложному правдоподобию, ни к неоправданной детализации прогнозов (именно в эти грехи статистики впадают чаще всего). Все, что нужно — это внести в текущую картину поправки на аномалии. Когда у вас есть формула и есть ЭВМ, возникает страшное иску-

шение выжать лимон досуха и представить такую картину будущего, которая будет выглядеть убедительной в силу своей точности и кажущегося правдоподобия. И все же, у того, кто пользуется воображаемой картой, думая, что она настоящая, дела, скорее всего, хуже, чем у того, у кого вообще нет карты. Ведь первый не попытается узнать даже того, что он мог бы узнать, не будет рассматривать каждую мелочь на своем пути, не станет непрерывно напрягать чувства и разум в поисках указателей. Тот, кто делает прогнозы, может быть, и понимает, на каких предпосылках они основаны. Но тот, кто ими пользуется, может понятия не иметь, что все сооружение, как это часто бывает, держится на одной-единственной непроверяемой предпосылке. Он впечатлен тщательностью проделанной работы, тем фактом, что все «складывается», и т.д. Если бы прогнозы были презентованы совсем безыскусно, то есть на клочке бумаги, у него было бы гораздо больше шансов осознать их зыбкость и тот факт, что прогнозы прогнозами, а кому-то придется принимать волевое решение о неизвестном будущем.

ПЛАНИРОВАНИЕ

Я уже говорил о том, что план — это нечто, принципиально отличное от прогноза. Это утверждение о намерениях, о том, что плановики — или их хозяева — намереваются делать. Планирование (в том смысле, в каком я предлагаю использовать этот термин) неотделимо от власти. Естественное и, вообще говоря, желательное положение вещей таково, что каждый человек, обладающий той или иной властью, должен иметь какой-то план, то есть должен использовать свою власть сознательно и обдуманно, заглядывая на какое-то время вперед. Занимаясь этим, он должен принимать во внимание вероятные действия других, иными словами, он не может строить осмысленных планов, не делая определенного количества

прогнозов. Эта задача совершенно прозрачна, когда то, что нужно спрогнозировать, действительно «прогнозируемо», то есть относится или к материям, куда человеческая свобода не проникает, или к рутинным действиям очень больших количеств индивидов, или к устоявшимся планам других обладающих властью людей. К несчастью, вещи, которые нужно предсказать, очень часто не принадлежат ни к одной из этих категорий, но зависят от индивидуальных решений отдельных людей или небольших групп. В этих случаях прогнозы не сильно отличаются от простого гадания, и никакие усовершенствования прогнозных методик тут не помогут. Конечно, одни люди могут проявить лучшие способности к угадыванию, чем другие, но не потому, что у них лучшие прогнозные методики или лучшее механическое оборудование, которое помогало бы им при вычислениях.

Итак, какое значение могло бы иметь выражение «национальный план» в свободном обществе? Оно не может означать концентрацию власти в одной точке, поскольку это подразумевало бы конец свободы: подлинное планирование распространяется лишь на то, на что распространяется власть планирующего. Мне кажется, единственное вразумительное значение, которое слова «национальный план» могли бы иметь в свободном обществе, — это по возможности полнейшее изъявление своих намерений всеми людьми, обладающими существенной экономической властью. Такие волеизъявления собирались бы и сопоставлялись каким-нибудь центральным агентством. Даже несогласованности в таком составном «плане» могли бы дать ценные указания.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ И АНАЛИЗЫ ВЫПОЛНИМОСТИ

Перейдем теперь к долгосрочному прогнозированию, под которым я понимаю оценки на 5 лет и более вперед.

Должно быть ясно, что, поскольку изменение — функция времени, далекое будущее еще менее предсказуемо, чем ближайшее. На самом деле всякие долгосрочные прогнозы до некоторой степени самонадеянны и абсурдны, если только они не имеют столь общий вид, что попросту утверждают очевидное. И тем не менее, зачастую, когда нужно принять решение или взять на себя долгосрочное обязательство, возникает необходимость «обратить взор» в будущее. Неужели ничто не поможет нам в этом?

Здесь я хочу снова подчеркнуть различие между прогнозами, с одной стороны, и «пробными расчетами», или «анализами выполнимости», — с другой. В одном случае я утверждаю, что положение дел через, скажем, 20 лет будет тем или иным. В другом случае я всего лишь исследую долгосрочный эффект определенных предполагаемых тенденций. К сожалению, правда в том, что в макроэкономике анализы выполнимости очень редко выходят за пределы самой зачаточной стадии. Люди согласны полагаться на общие прогнозы, которые редко стоят хотя бы той бумаги, на которой они написаны. Возможно, будет полезно привести несколько примеров. В наши дни очень актуальны разговоры о развитии отсталых стран, и для этой цели разрабатываются бесчисленные «планы». Если судить по тому, какие надежды пробуждаются по всему миру, люди, похоже, предполагают, что через несколько десятилетий большая часть населения мира сможет жить примерно так же, как сегодня живут западные европейцы. Так вот, мне кажется, было бы очень поучительным, если бы кто-то взялся сделать детальный анализ выполнимости этого проекта. Он мог бы взять 2000 год в качестве конечного пункта и отправиться оттуда в обратном направлении. Каков был бы требуемый выпуск продуктов питания, топлива, металлов, текстильных волокон и тому подобного? Каковы были бы запасы промышленного капитала? Разумеется, по мере анализа пришлось бы вводить

много новых предпосылок. Каждая предпосылка могла бы стать предметом нового анализа выполнимости. В конечном счете можно было бы обнаружить, что получающиеся уравнения нельзя решить, если не ввести предпосылки, выходящие за рамки реальности и здравого смысла. Это могло бы оказаться в высшей степени поучительным. И, вероятно, привело бы к заключению, что (тогда как не вызывает сомнений, что существенное экономическое развитие требуется во всех странах, где огромные массы людей живут в крайней нищете) существует выбор альтернативных моделей возможного развития, и что некоторые варианты развития оказались бы более выполнимыми, чем другие.

Долгосрочное мышление, подкрепленное добросовестными анализами выполнимости, было бы особенно желательным там, где дело касается невозобновляемых видов сырья, имеющих в ограниченных количествах, то есть главным образом ископаемых видов топлива и металлов. Например, в настоящее время на смену углю приходит нефть. Некоторые предполагают, что запасы угля подходят к концу. Тщательный анализ выполнимости, задействующий все имеющиеся данные о запасах угля, нефти и природного газа как доказанных, так и всего лишь предполагаемых, был бы чрезвычайно поучителен.

Что касается таких предметов, как рост населения и продовольственное снабжение, здесь мы уже располагаем исследованиями, очень похожими на анализы выполнимости. Такие исследования осуществляются главным образом Организацией Объединенных Наций. Эти исследования можно было серьезно углубить, чтобы они не только сообщали о том, каких совокупных объемов производства продовольствия нужно достичь к 1980 или 2000 году, но и указали — гораздо детальнее, чем это делалось до сих пор, — хронологию конкретных шагов, которые нужно предпринять в ближайшем будущем, если нам необходимо достичь этих объемов.

Главное требование здесь чисто интеллектуальное: нужно ясно понимать различие между прогнозом и анализом выполнимости. Путать эти две вещи — явный признак неграмотности в вопросах статистики. Как я сказал выше, долгосрочное прогнозирование самонадеянно. Но долгосрочный анализ выполнимости — это скромная и непретенциозная работа, отказываться от которой значит ставить себя под угрозу.

И снова возникает вопрос, можно ли облегчить эту задачу, если чаще прибегать к механическим средствам, таким как ЭВМ. Лично я склонен в этом усомниться. Мне кажется, бесконечное приумножение механических средств там, где больше всего прочего требуется способность суждения — одна из главных движущих сил закона Паркинсона. Конечно, ЭВМ способна за несколько секунд или минут, варьируя предпосылки, обработать огромное количество перестановок, тогда как неэлектронному мозгу на ту же самую работу потребуются месяцы. Но дело в том, что неэлектронному мозгу никогда не понадобится браться за эту работу. С помощью способности суждения он может сконцентрироваться на нескольких параметрах, достаточных, чтобы очертить рамки вероятного с точки зрения здравого смысла. Некоторые воображают, будто можно создать машину для заблаговременного прогнозирования, которой можно было бы беспрестанно скармливать текущие «новости», получая в ответ непрерывно пересматриваемые долгосрочные прогнозы. Не сомневаюсь, что такое возможно, но будет ли от этого польза? О каждой «новости» следует судить по ее долгосрочной значимости, и обычно нельзя вынести определенное суждение немедленно. Не вижу ценности и в непрерывном пересмотре долгосрочных прогнозов, выполняемом посредством механической рутины. Прогноз требуется лишь тогда, когда нужно принять или пересмотреть долгосрочное решение, что даже в крупном бизнесе бывает достаточно редко. А уж если это происходит, то не жалко

потратить время на то, чтобы обдуманно и добросовестно собрать лучшие данные, вынести суждение о каждом факте в свете накопленного опыта и наконец прийти к точке зрения, которую одобряют обладатели лучших имеющихся мозгов. Думать, что этот трудоемкий и лишенный определенности процесс можно укоротить с помощью куска механической аппаратуры, значит заниматься самообманом.

Когда речь идет об анализах выполнимости, порой может показаться, что полезно иметь аппаратуру, с помощью которой можно быстро выяснить, к каким следствиям приведут изменения в предпосылках. Но вам еще предстоит убедить меня, что для тех же целей недостаточно логарифмической линейки и набора таблиц сложных процентов.

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ И СВОБОДА

Если я и оцениваю полезность «автоматизации» в экономическом прогнозировании и тому подобных делах достаточно негативного, это не значит, что я недооцениваю значение ЭВМ и подобной аппаратуры для выполнения других задач, например, для решения математических проблем или для планирования прогона оборудования. Эти последние задачи относятся к точным наукам или к их прикладному применению. Их предмет нечеловечен, или, наверное, следует сказать до-человечен. Сама их точность — знак отсутствия человеческой свободы, отсутствия выбора, ответственности и достоинства. Как только вмешивается человеческая свобода, мы оказываемся в совершенно ином мире, в котором любое наращивание количества механических приборов представляет огромную опасность. Тенденциям к стиранию указанного различия следует противостоять с предельной решимостью. Результатом неоправданной попытки представителей социальных наук перенять и имитировать методы естественных наук стал тяжелейший удар по челове-

скому достоинству. Экономика, а тем более прикладная экономика, — не точная наука. На самом деле она есть нечто гораздо большее — одна из ветвей мудрости (или, по крайней мере, должна ей быть). Г-н Колин Кларк заявил однажды, что «долгосрочные мировые экономические равновесия складываются своим особым образом, полностью независимо от политических или социальных изменений».

На основании этой метафизической ереси в 1941 году он написал книгу — «Экономика 1960 года»³. Было бы несправедливо говорить, что нарисованная им картина не имеет никакого сходства с тем, что принесла с собой действительность. Своего рода сходство, и вправду, имеется — оно основано на том простом факте, что человек пользуется своей свободой в рамках неизменного набора законов природы. Но урок, который можно извлечь из книги г-на Кларка, состоит в том, что его метафизическая предпосылка неверна; что на самом деле даже в долгосрочном периоде мировые экономические равновесия в высшей степени зависимы от политических и социальных изменений; и что изощренные и изобретательные методы прогнозирования, использованные г-ном Кларком, всего лишь обеспечили его выкладкам ложное правдоподобие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, я прихожу к ободряющему заключению, что жизнь, включая экономическую жизнь, стоит того, чтобы ее прожить, поскольку она достаточно непредсказуема, чтобы быть интересной. Ни экономистам, ни статистикам не измерить ее «рулеткой». К добру или к худу, но в границах физических законов природы мы все-таки хозяева нашей индивидуальной и коллективной судьбы.

Однако знание-как, которым располагают экономист, статистик, ученый-естественник и даже подлинный философ, способно помочь в прояснении границ, которыми очерчена наша судьба. Будущее нельзя спрогнозировать, но его можно разведать. Анализы выполнимости способны показать, что может ждать нас, а это сегодня важнее, чем когда-либо, коль скоро по всему миру ведущей темой экономики стал «рост».

В спешной попытке получить надежное знание о своем принципиально недетерминированном будущем современный человек действия может окружить себя неуклонно растущими армиями прогнозистов, неуклонно растущими горами фактических данных, которые будут перевариваться все более чудесными механическими приспособлениями. Боюсь, в итоге мы получим не больше, чем огромный маскарад и все более изумительные подтверждения закона Паркинсона. По-прежнему лучшими будут решения, основанные на суждениях зрелых неэлектронных мозгов человека, трезво и спокойно взглянувшего на ситуацию и увидевшего ее в целом. «Остановись, посмотри и послушай» — лучший девиз, чем «Посмотри в прогнозах».

XVI. В направлении теории крупномасштабной организации¹

Почти каждый день мы слышим о слияниях и поглощениях: Британия вступает в Европейское экономическое сообщество, чтобы открыть еще большие рынки, обеспечивать которые будут еще большие организации. В социалистических странах национализация породила громадные комбинаты, соперничающие со всем, что когда-либо появлялось в капиталистических странах (или даже превосходящие все это). Подавляющее большинство экономистов и экспертов по эффективности бизнеса поддерживают это движение в сторону громадных размеров.

И наоборот, большинство социологов и психологов настойчиво предупреждают нас об угрозах, которые оно таит: под угрозой оказывается целостность индивида, когда он чувствует себя не более чем винтиком громадной машины, когда человеческие взаимоотношения, наполняющие его ежедневную рабочую жизнь, все сильнее обезчеловечиваются. А из-за постоянного разрастания паркинсоновских бюрократий под угрозой оказываются и эффективность с производительностью.

В то же время современная литература рисует наводящие ужас картины дивного нового мира, в котором проведено резкое разделение на «нас» и «их», который раздираем взаимным подозрением, в котором низы ненавидят власть, а верхи презирают народ. Массы относятся к решениям своих правителей апатично и безответственно, тогда как правители тщетно пытаются

¹ Впервые опубликовано в: Management Decision: Quarterly Review of Management Technology. 1967. Vol. 1. No. 3. P. 4-8.

поддерживать ход вещей с помощью строгой организации и координации, финансовых стимулов и поощрений, бесконечных увещеваний и угроз.

Несомненно, все это проблемы коммуникации. Но только коммуникация одного человека с другим, лицом к лицу, по-настоящему эффективна. В похожем на ночной кошмар романе Франца Кафки «Замок» показаны разрушительные последствия дистанционного руководства. Г-н К., землемер, нанят властями, но никто толком не знает, как и зачем. Он пытается прояснить свое положение, но сталкивается с тем, что ему повсюду говорят: «К сожалению, нам землемер не нужен. Для землемера у нас нет никакой, даже самой мелкой работы».

И вот, стараясь во что бы то ни стало встретиться с представителем канцелярии лицом к лицу, г-н К. обращается к различным людям, которые, очевидно, имеют некоторый вес. Но другие говорят ему: «Вам, видно, никогда еще не приходилось вступать в контакт с нашими канцеляриями. Всякий такой контакт бывает только кажущимся. Вам же из-за незнания всех наших дел он представляется чем-то настоящим».

Так и не выполнив никакой работы, он получает письмо из Замка: «Землемерные работы, проведенные вами до настоящего времени, я одобряю полностью... Продолжайте трудиться с тем же усердием! Успешно завершите начатое дело. Перебои вызовут мое недовольство... Вы всегда под моим контролем».

Никто по-настоящему не любит крупномасштабную организацию: никто не любит получать приказы от начальника, получающего их от своего начальника, получающего их от... Даже если изобретаемые бюрократией правила необычайно человечны, никто не любит, когда им управляют правила, то есть люди, у которых на любую жалобу один ответ: «Не я придумал правила, я всего лишь их выполняю».

И все-таки, похоже, что крупномасштабная организация исчезать не собирается. Тем необходимее раз-

мышлять и теоретизировать о ней. Чем сильнее течение, тем важнее быть искусственным в мореплавании.

Основополагающая задача состоит в том, чтобы создать малое внутри большой организации.

Возникнув, большая организация обычно проходит фазы *централизации* и *децентрализации*, чередуящиеся подобно взмахам маятника. Столкнувшись с такими противоположностями, в пользу каждой из которых имеются убедительные доводы, полезно заглянуть в самую глубь проблемы, чтобы прийти к чему-то большему, чем компромисс и половинчатое решение. Возможно, на самом деле нам требуется не «или-или», а «и то, и другое одновременно».

Эта очень известная проблема проходит сквозь всю реальную жизнь, хотя и не пользуется вниманием людей, тратящих большую часть жизни на решение лабораторных проблем, из которых все посторонние факторы были тщательно изъяты. Ведь каждый раз, делая что-то в реальной жизни, мы должны пытаться принять во внимание ситуацию вместе со всеми так называемыми посторонними факторами. И мы всегда испытываем потребность в порядке и свободе одновременно.

Любая организация, большая или маленькая, должна обладать определенной ясностью и упорядоченностью: там, где воцаряется беспорядок, ничего нельзя довести до конца. Тем не менее упорядоченность сама по себе статична и безжизненна; наряду с ней должно в изобилии иметься свободное пространство, которое позволяло бы вырваться за рамки установленного порядка, сделать то, что никогда не делалось раньше, чего не предвидели стражи упорядоченности, новое, непредсказуемое и непредсказанное, пришедшее человеку на ум в виде творческой идеи.

Поэтому любая организация должна непрестанно стремиться к упорядоченности *порядка* и стихийности *человеческой свободы*. Характерная опасность крупномасштабной организации состоит в том, что

естественные тенденции ее развития поощряют порядок ценой свободы творчества.

С этой основополагающей парой противоположностей (порядка и свободы) можно связать многие другие. Централизация относится по большей части к порядку, децентрализация — к свободе. Для человека порядка типично быть бухгалтером, а в общем случае — управленцем. Для человека творческой свободы — *предпринимателем*. Порядок требует разума и способствует эффективности, тогда как свобода вызывает к интуиции, открывает для нее двери и ведет к инновации.

Чем крупнее организация, тем очевиднее и неизбежнее потребность в порядке. Но если следить за удовлетворением этой потребности столь тщательно и безукоризненно, что у человека не останется простора для творческой интуиции и предпринимательского беспорядка, то организация начнет хиреть и превратится в пустыню отчаяния.

Этими рассуждениями я предваряю свою попытку выдвинуть теорию крупномасштабной организации. Пришло время сформулировать ее в виде пяти принципов.

Первый принцип называется *принцип субсидиарности*, или *принцип субсидиарной функции*. Его знаменитая формулировка звучит следующим образом: «Несправедливо и в то же время губительно и противно правильному порядку поручать большим вышестоящим органам работу, которую могут выполнить меньшие подчиненные организации. Ведь любая деятельность в обществе по самой своей природе призвана помогать его членам, а не поглощать и уничтожать их»². Эти слова были сказаны в отношении общества в целом, но они равным образом уместны и тогда, когда речь идет о разных уровнях внутри большой организации. Высший уровень не должен присваивать

функции низшего, основываясь на предпосылке, что, будучи выше, он уже обладает большей мудростью и способен выполнить эти функции эффективнее. Преданность может происходить только «снизу», достигая затем высших подразделений, а не наоборот, а ведь она — принципиально важный элемент любой здоровой организации.

Принцип субсидиарной функции предполагает, что бремя доказательства всегда лежит на тех, кто хочет лишить низший уровень его функции, а значит, свободы и ответственности в конкретной области. Они должны доказать, что низший уровень неспособен выполнить эту функцию удовлетворительным образом, и что высший уровень действительно справится с этим гораздо лучше. «Те, кто стоит у руля, должны быть уверены, что, чем лучше поддерживается иерархия различных объединений, при соблюдении принципа субсидиарной функции, тем авторитетнее и эффективнее будет общество, и тем счастливее и состоятельнее — государство» — говорится в процитированном отрывке далее³.

Итак, мы уверенно оставляем противоположность централизации и децентрализации позади: принцип субсидиарной функции учит нас, что если тщательно оберегать свободу нижестоящих формирований, то и центр выиграет в эффективности и влиянии, в результате чего организация в целом станет «счастливее и состоятельнее».

Как достичь такой структуры? С точки зрения управленца, то есть с точки зрения упорядоченности, она будет выглядеть слишком неаккуратно, в особенности по сравнению с четкой логикой монолита. Большая организация будет состоять из множества полуавтономных подразделений, которые мы можем назвать квазифирмами. Чтобы у творчества и *предпринимательства* было как можно больше шансов проявить

себя, каждая из таких квазифирм будет обладать значительной свободой.

Символом такой организационной структуры может служить человек, который держит в руке большое количество воздушных шариков. Каждый шарик имеет свою собственную плавучесть и подъемную силу, а человек не строит из себя повелителя шариков, но стоит под ними, хотя все-таки твердо держит все нити в своей руке. Каждый шарик — не только управленческая, но и предпринимательская единица. В противоположность этому, символом монолитной организации может служить рождественская елка со звездой на вершине и множеством орешков и прочих полезных предметов внизу. Только на вершине может существовать настоящая свобода и предпринимательство, все остальные части елки — ответвления вершины, зависимые от нее.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы изучить одно за другим направления деятельности организации и учредить столько квазифирм, сколько будет возможно и разумно. Например, National Coal Board, одна из самых больших коммерческих организаций в Европе, сочла возможным учредить под различными названиями квазифирмы, одна из которых занимается открытыми горными работами, другая — кирпичной кладкой, третья — углепродуктами. Но на этом процесс не закончился — были созданы специальные, относительно независимые оргформирования, заведующие дорожными перевозками, недвижимостью и розничной торговлей, не говоря уже о разнообразных непрофильных предприятиях. Основная деятельность компании, подземная добыча угля, была поделена между 17 областными подразделениями, каждое из которых имеет статус квазифирмы. В процитированном выше источнике дано следующее описание результатов такой *структуризации*: «Тем самым, [центр] сможет свободнее, увереннее и эффективнее выполнять все то, что вверено ему одному по той причине, что он

один способен это выполнить: задавать направление, осуществлять надзор, подгонять или придерживать по необходимости».

Чтобы контроль со стороны центра имел смысл и был эффективен, должен выполняться второй принцип, который мы назовем *принципом реабилитации*. Реабилитировать означает защитить от упреков и обвинений, доказать истинность и обоснованность, оправдать, поддержать. Таким образом, этим принципом очень хорошо описывается важнейший долг центрального органа власти по отношению к нижестоящим формированиям. Хорошее управление — это управление в исключительных случаях. Во всех случаях, кроме исключительных, дочернее подразделение должно быть поддержано и защищено от упреков. Это означает, что исключения должны быть определены достаточно ясно, чтобы квазифирма всегда могла точно знать, удовлетворительны ее действия или нет.

Чиновники в чистом виде, то есть люди порядка, счастливы, когда контролируют все. Вооруженные компьютерами, они действительно на это способны и могут требовать, чтобы им было подотчетно почти бесконечное число показателей, влияющих на прибыли или потери: выпуск, производительность, множество разных статей издержек, непроизводственные расходы и т.д. Это вполне логично, но реальная жизнь не уместается в рамки логики. Когда отчетность включает большое число критериев, к любому дочернему подразделению можно придраться по тому или иному показателю. «Управление в исключительных случаях» превращается в издевательство, и никто никогда не может точно знать, как обстоят дела с его подразделением.

В идеальном варианте в коммерческих организациях принцип реабилитации должен допускать подотчетность лишь по одному критерию, а именно по критерию доходности. Конечно, выполнение этого критерия должно быть второстепенно по отношению к

необходимости соблюдения квазифирмой общих правил и политики центра. Идеалы редко бывают достижимы в реальном мире, но от того они не менее значимы. Их наличие подразумевает, что любое отклонение от идеала требуется обосновать и оправдать особыми доводами. Если число критериев, по которым нужно отчитываться, не будет оставаться действительно небольшим, в квазифирмах никогда не расцветут творчество и *предпринимательство*.

Хотя доходность и должна быть конечным критерием, его не всегда позволительно применять механически. Некоторые дочерние подразделения могут находиться в исключительно удачном положении, другие — в исключительно плохом. Некоторые могут иметь в организации служебные функции или другие особые обязанности, не связанные напрямую с доходностью. В таких случаях способ измерения доходности должен быть заранее скорректирован посредством, так сказать, *рент* и *субсидий*.

Если подразделение пользуется особыми и неизбежными преимуществами, оно должно платить соответствующую *ренту*, но если ему приходится терпеть неизбежные затруднения, то ему надо предоставлять специальный *кредит* или *субсидии*. Такая система может в достаточной мере уравнивать шансы разных подразделений быть доходными, и прибыль станет адекватным показателем достигнутого. Если не провести такого уравнивания там, где оно необходимо, подразделения, которым повезло, будут нежиться на пуховой перине, а остальные — ворочаться на гвоздях. Ни к чему хорошему это не приведет — ни в смысле боевого духа, ни в смысле качества работы.

Если организация в соответствии с принципом реабилитации делает доходность первоочередным подотчетным критерием (доходность, скорректированную по необходимости рентами и субсидиями), управление в исключительных случаях становится возможным. В этом случае центр может сосредоточиться на

том, чтобы «задавать направление, осуществлять надзор, подгонять или придерживать по необходимости», то есть на функциях, которые, несомненно, нужно осуществлять всегда и в отношении каждого дочернего подразделения.

Ясно определить исключения нетрудно. Существует два исключительных случая, когда центр может вмешаться. Первый имеет место тогда, когда центр и дочернее подразделение не могут прийти к добровольной договоренности о размерах ренты или субсидий, которые следует назначить в данном случае. При таких обстоятельствах центру необходимо провести полную проверку эффективности подразделения, чтобы объективно оценить его реальный потенциал. Второй случай — когда после введения ренты или субсидий подразделению не удастся получить прибыль. Руководство подразделения оказывается тогда в опасном положении: если проведенная центром проверка эффективности будет свидетельствовать не в пользу этого руководства, его, возможно, придется сменить.

Третий принцип — *принцип идентификации*. Все дочерние подразделения, все квазифирмы, должны вести как отчет о прибылях и убытках, так и бухгалтерский баланс. С точки зрения упорядоченности вполне достаточно отчета о прибылях и убытках, ведь он дает сведения о том, приносит данное подразделение финансовую прибыль организации или нет. Но *предпринимателю* принципиально важно иметь бухгалтерский баланс, даже если он используется только для внутренних нужд. Почему недостаточно вести один только бухгалтерский баланс организации в целом?

Бизнес имеет дело с определенной экономической субстанцией, и эта субстанция уменьшается в результате убытков и увеличивается в результате прибылей. Что происходит с прибылями или убытками подразделения в конце финансового года? Они вливаются в общую сумму счетов организации, а с точки зрения подразделения просто исчезают. В отсутствие платежей

ного баланса или чего-то в этом роде подразделение вступает в новый финансовый год с нулевым балансом. Это никак не может быть правильным.

Успех подразделения должен увеличивать его свободу и финансовый размах, тогда как неудача — в виде убытков — должна вести к ограничениям и сужению возможностей. Хотелось бы поощрять успехи и ставить в худшее положение за неудачи. Платежный баланс позволяет увидеть, как текущие результаты вызывают рост или уменьшение экономической субстанции. Это позволяет всем заинтересованным проследить эффект, оказываемый на субстанцию принимаемыми операциями. Прибыли и убытки переходят в новую графу и не стираются. Таким образом, каждая квазифирма должна иметь отдельный платежный баланс, в котором прибыли могут быть показаны как займы, предоставленные центру, а убытки — как займы, взятые у центра. Это имеет очень важное психологическое значение.

Перейду теперь к четвертому принципу, который можно назвать *принципом мотивации*. Банальный и очевидный трюизм состоит в том, что люди действуют в соответствии со своими мотивами. Вместе с тем для большой организации с ее бюрократическими структурами, с ее дистанционными и обезличенными формами контроля, с множеством абстрактных правил и предписаний и прежде всего с ее относительной непонятностью, вызванной самим ее размером, мотивация — центральная проблема. У руководства на самой вершине нет проблем с мотивацией, но чем ниже по иерархической лестнице, тем эта проблема острее. Здесь не место вдаваться в детали этой обширной и сложной темы.

В современном обществе, олицетворяемом крупномасштабными организациями, этой проблеме уделяется слишком мало внимания. Руководители исходят из того, что люди работают попросту ради денег, ради конверта с зарплатой в конце недели. Несомненно, это

до некоторой степени верно. Но любого сбивает с толку и ставит в тупик, когда работник, которого спрашивают, почему на прошлой неделе он проработал только четыре смены, отвечает: «Потому что на зарплату за три смены я не смог бы удовлетворить свои потребности».

Это плата за интеллектуальную путаницу. Мы проповедуем добродетели трудолюбия и самоограничения, одновременно рисуя утопические картины общества безграничного потребления, где никто не трудится и ни в чем себя не ограничивает. Мы жалуемся, когда на призыв трудиться усерднее нам грубо отвечают: «И не подумаю», и одновременно предаемся мечтам о том, как автоматизация покончит с ручным трудом, и как компьютер освободит человека от бремени использования собственного мозга.

Недавно один из лекторов Рейта⁴ заявил, что, когда меньшинство «сможет кормить, содержать и обеспечивать большинство, исчезнет смысл занимать в производстве тех, у кого нет желания там оставаться». Желания там оставаться нет у многих, поскольку их работа не вызывает у них интереса, не бросает им вызов и не приносит удовлетворения; в их глазах она не имеет других достоинств, кроме конверта с зарплатой в конце недели. Если наши интеллектуальные лидеры рассматривают работу как всего-навсего необходимое зло, которое для большинства вскоре будет отменено, то едва ли можно удивляться возникающему в ответ побуждению минимизировать ее объем, не откладывая. При этом проблема мотивации становится нерешаемой.

Так или иначе здоровье крупной организации в чрезвычайной мере зависит от ее способности отдавать должное принципу мотивации. У организацион-

Лекции Рейта (англ. Reith Lectures) — циклы радиолекций, ежегодно читаемые на Би-би-си. Каждый год для чтения лекций выбирается тот или иной видный интеллектуал. — *Примеч. пер.*

ной структуры, которую спроектировали без учета этой фундаментальной истины, мало шансов на успех.

Мой пятый и последний принцип — это *принцип средней аксиомы*. Высшее руководство в крупной организации неизбежно находится в очень трудном положении. Такое руководство, хотя оно и дистанцировано от места событий, несет ответственность за все, что происходит (или не происходит, хотя должно) во всей организации. С множеством своих прочно устоявшихся функций оно справляется посредством директив, правил и предписаний. Но как же новые разработки, новые творческие идеи? Как насчет прогресса, предпринимательской деятельности *par excellence*?

Мы возвращаемся к тому, с чего начали: все настоящие человеческие проблемы произрастают из антиномии порядка и свободы. «Антиномия» означает противоречие между двумя законами, конфликт авторитетов, противостояние законов или принципов, которые, казалось бы, оба имеют свои основания в разуме.

Замечательно! Это и есть реальная жизнь, полная антиномий и не уместяющаяся в рамки логики. Без порядка, планирования, предсказуемости контроля из центра, подробных указаний, подчинения и дисциплины не может произойти ничего плодотворного, потому что все разваливается на части. И все же без великодушного беспорядка, счастливой непринужденности, *предпринимательского* броска в неизвестное и непросчитываемое, без риска и азартной игры, творческого воображения, кидающегося туда, где бюрократический ангел не решится сделать шаг, жизнь превращается в позор и насмешку.

Центр без труда может позаботиться о порядке. Сложнее позаботиться о свободе и творчестве. У центра есть власть, позволяющая наводить порядок, но никакой властью нельзя пробудить творчество. Что же в этом случае высшее руководство в центре может сделать для прогресса и инноваций? И даже если оно зна-

ет, что именно нужно сделать, как ему добиться, чтобы это было сделано по всей организации? Здесь настает время для принципа средней аксиомы.

Аксиома — это самоочевидная истина, с которой соглашаются, как только она провозглашена. Центр может провозгласить открытую им истину — что та или иная вещь «правильная и должна быть сделана». Какое-то время назад самой главной истиной, провозглашенной National Coal Board, была концентрация добычи, то есть необходимость сконцентрировать угледобычу на меньшем количестве забоев, увеличив тем самым добычу на каждом из них. Разумеется, со сказанным все немедленно согласились, но за этим, что не удивительно, ничего особо не последовало.

Такого рода изменение требует огромной работы, нового мышления, новых подходов к планированию на каждой каменноугольной шахте, преодоления множества препятствий и трудностей. Что предпринять центру, в данном случае National Coal Board, чтобы ускорить перестройку? Конечно, он может заняться проповедью новой доктрины. Но какой от этого толк, если все и так с ней согласны? Прибегая к проповеди, центр оставляет свободу и ответственность за формированиями более низкого уровня, но навлекает на себя справедливую критику за то, что «они только говорят и ничего не *делают*». Вместо этого центр может издавать указания, но центральное руководство, будучи удалено от настоящего места действий, навлечет на себя справедливую критику за то, что «они пытаются всем управлять, сидя в штабе», жертвуя потребностью в свободе ради потребности в порядке и лишаясь творческого участия сотрудников нижестоящих формирований, то есть тех самых людей, которые ближе всего к работе как таковой. Ни мягкий метод управления с помощью увещеваний, ни жесткий метод управления с помощью указаний не отвечают требованиям ситуации. А требует она чего-то на полпути, *средней аксиомы*, приказа, который, все-таки, не совсем приказ.

Приняв решение сконцентрировать добычу, корпорация National Coal Board установила определенные минимальные нормы для новых угольных забоев с оговоркой, что если в какой-либо местности посчитают необходимым открыть угольный забой, который не будет отвечать этим нормам, то в специальную книгу нужно будет внести отчет о данном решении, содержащий ответы на три вопроса.

- Почему этот конкретный угольный забой нельзя устроить таким образом, чтобы достичь минимального требуемого размера?

- Почему вообще нужно добывать этот конкретный уголь?

- Какова приблизительная запланированная доходность угольного забоя?

Это было примером настоящего, эффективного применения принципа средней аксиомы, и оно возымело почти магический эффект.

Концентрация добычи действительно начала увеличиваться, что обернулось отличными результатами для всей промышленной отрасли. Центр нашел способ выйти далеко за пределы простых увещеваний, не уменьшая при этом свободу и ответственность нижестоящих формирований.

Другая средняя аксиома воплощена в таком изобретении, как *статистика воздействия*. Как правило, статистические данные собираются в интересах того, кто их собирает, — кто нуждается (или думает, что нуждается) в определенной количественной информации. Статистика воздействия имеет другую цель, а именно довести до сведения того, кто предоставляет статические данные, то есть ответственного лица в штате нижестоящего формирования, определенные факты, которые он иначе мог бы упустить из виду. Это изобретение стало успешно использоваться в угольной промышленности, особенно в сфере обеспечения безопасности.

Открытие средней аксиомы — это всегда серьезное достижение. Проповедовать легко. И издавать указания тоже. Но осуществить свои творческие идеи не ущемив свободы и ответственности нижестоящих формирований, — действительно трудная задача для высшего руководства.

Я изложил пять принципов, которые, по моему убеждению, были бы уместны в теории крупномасштабной организации, и дал каждому из них более-менее занимательное название. Зачем все это было нужно? Было ли это просто-напросто интеллектуальной игрой? Не сомневаюсь, некоторые читатели так и решат. Другие же (именно для них написана эта глава), возможно, скажут: «Вы выразили словами то, что я годами пытался воплотить на деле». Замечательно! Многие из нас уже годами борются с проблемами, связанными с крупномасштабными организациями. И эти проблемы становятся все острее. Чтобы борьба была успешнее, нам нужна теория, основанная на принципах. Но откуда берутся принципы? Из наблюдения и понимания практических задач.

Лучшая формулировка того, каким должно быть необходимое взаимодействие теории и практики, принадлежит Мао Цзэдуну. Идите к практикам, говорит он, и учитесь у них. Затем обобщите их опыт в принципы и теории, а потом возвращайтесь к практикам и призовите их внедрить эти принципы и методы на практике, чтобы решить их проблемы и достичь свободы и счастья⁵.

XVII. Социализм

Как теоретические рассуждения, так и практический опыт привели меня к выводу, что социализм интересен единственно своими неэкономическими ценностями и создаваемой им возможностью преодоления религии экономики. Общество, управляемое культом *enrichissez-vous*¹, поклоняющееся золотому тельцу и славящее миллионеров как культурных героев, не получит от обобществления ничего такого, чего не могло бы получить и без него.

Поэтому не удивительно, что многие социалисты, которые живут в так называемых развитых обществах и сами, знают они об этом или нет, являются приверженцами религии экономики, задаются сегодня вопросом, нужна ли вообще национализация. От нее много беспокойств — так зачем с ней мучиться? Отмена частной собственности сама по себе не приводит к чудесным результатам: для достижения чего-то действительно стоящего все также надо преданно и терпеливо трудиться, а преследование финансовой жизнеспособности и одновременно высших общественных целей порождает множество дилемм, множество видимых противоречий и оборачивается тяжким бременем для руководства.

Если цель национализации — добиться более быстрого экономического роста, более высокой эффективности, лучшего планирования и т.п., то разочарование неизбежно. Идея положить частную алчность в основу экономики обнаружила исключительную способность преобразовывать мир. Маркс осознавал это:

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения... и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса... Буржуазия быстрым

Обогащайтесь! (фр.). — Примеч. пер.

усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации [«Манифест коммунистической партии»].

Сила идеи частного предпринимательства заключена в ее ужасающей простоте. Идея гласит, что жизнь, во всей своей полноте, может быть сведена к одному аспекту — к прибылям. В качестве частного индивида бизнесмен может проявлять интерес и к другим аспектам жизни (быть может даже к добру, истине и красоте), но как бизнесмена его волнуют только прибыли. В этом отношении идея частного предпринимательства точно согласуется с идеей рынка, который в одной из предыдущих глав я назвал «институализированной формой индивидуализма и безответственности». Она идеально согласуется и с современной тенденцией все выражать количественно, ценой понимания качественных различий, ведь частное предпринимательство не озабочено тем, что именно ему производить, а лишь тем, что оно с этого получит.

После того как вы сведете реальность к одному (лишь одному!) из ее тысячи аспектов, все станет кристально ясным. Теперь вы знаете, что делать — то, что приносит прибыли, и знаете, чего избегать — того, что уменьшает их или ведет к убыткам. В то же время у вас есть совершенное мерило степени успеха или неуспеха. Никому не позволяйте наводить туман, спрашивая, способствует ли конкретное действие благосостоянию и благополучию общества, ведет ли оно к моральному, эстетическому или культурному обогащению. Просто выясните, выгодно ли оно, и разузнайте, имеется ли более выгодная альтернатива. Если имеется, выберите ее.

Неслучайно, успешные бизнесмены зачастую на удивление примитивны: они живут в мире, который сделала примитивным эта редукция. Они как дома в этой упрощенной версии мира, она устраивает их. А когда реальному миру случается заявить о своем существовании, обратить их внимание на какую-то иную свою

грань, не предусмотренную их философией, им свойственно приходить в состояние полного замешательства и беспомощности. Они ощущают себя стоящими перед лицом непросчитываемых опасностей и, не задумываясь, предсказывают общую катастрофу. Таким образом, их суждения о действиях, продиктованных более разносторонними взглядами на смысл и цель жизни, обычно ничего не значат. То, что никакой другой порядок вещей, например, бизнес, не основанный на частной собственности, не может приносить успеха, — это для них решенный вопрос. Если он тем не менее приносит успех, это должно объясняться какой-нибудь гадостью — «эксплуатацией потребителя», «скрытыми субсидиями», «принудительным трудом», «монополией», «демпингом» или каким-нибудь темным и жутким накоплением активов, которое в один прекрасный день обязательно раскроется.

Но это было отступление. А основная мысль в том, что реальная сила теории частного предпринимательства заключается в этом безжалостном упрощении, которое к тому же так восхитительно укладывается в психологию, сформированную феноменальными успехами науки. Сила науки тоже проистекает из «редукции» реальности к тому или иному ее аспекту, главным образом редукции качества к количеству. Но точно так же как науку XIX века, упорно сосредоточенную на механических аспектах реальности, пришлось оставить в прошлом, поскольку слишком большая часть реальности попросту не вписывалась в ее картину, бизнес, упорно сосредоточенный на аспекте «прибылей», пришлось видоизменить, поскольку он не сумел отдать должного реальным человеческим потребностям. Историческое достижение социалистов состояло в том, что они дали толчок для этого видоизменения, в результате чего любимая фраза просвещенных капиталистов сегодня: «Теперь мы все социалисты».

Иными словами, капиталист сегодня стремится отрицать, что единственная конечная цель его деятель-

ности — это прибыль. Он говорит: «Что вы! Мы делаем для наших рабочих массу вещей, на которые нас ничто не вынуждает, мы стараемся сохранить красоту сельского ландшафта, мы участвуем в исследованиях, которые могут и не принести прибыли» и т.д., и т.п. Все эти притязания хорошо известны, но иногда они оправданны, иногда нет.

Для нас в данном случае важно следующее: частное предприятие «старого стиля» существует, скажем так, просто ради прибыли. Поэтому оно имеет наиболее упрощенные цели, что обеспечивает ему совершенное мерило успеха или неуспеха. Напротив, частное предприятие «нового стиля» преследует (допустим) огромное количество разнообразных целей, оно старается рассматривать все стороны жизни, а не только деньги, поэтому его цели не становятся упрощенными, и у него нет надежного мерила успеха или неуспеха. Если все это так, то частные предприятия «нового стиля», существующие в форме больших акционерных обществ, отличаются от обобществленных предприятий лишь одним, а именно тем, что они приносят своим акционерам нетрудовой доход.

Ясно, что поборники капитализма не могут усидеть сразу на двух стульях. Они не могут говорить: «Теперь мы все социалисты» и в то же время по-прежнему утверждать, что социализм невозможен. Если они и сами преследуют цели, не связанные с получением прибыли, то их утверждения, что невозможно эффективно распоряжаться средствами производства страны, допуская соображения, не связанные с получением прибыли, не особо убедительны. Если они могут руководить без тесного намордника денежного интереса, то и национализированная промышленность может.

С другой стороны, если все это, скорее, притворство, а частное предприятие работает (практически) только ради прибыли, если прочие цели, на самом деле, зависят исключительно от получаемой прибыли и от того, на что предприятие решит пустить некоторые из

своих прибылей, то чем раньше это станет очевидным, тем лучше. В этом случае в пользу частного предпринимательства, как и раньше, могло бы свидетельствовать преимущество простоты. Довод против обобщественного предпринимательства состоял бы в том, что последнее обречено на неэффективность именно потому, что пытается одновременно преследовать несколько целей. А довод социалистов против частного предпринимательства остался бы традиционным и не был бы преимущественно экономическим: если в основу всей экономической деятельности положен один лишь мотив алчности, частное предпринимательство унижает жизнь уже самой этой простотой.

Полное отрицание общественной собственности означает полное принятие частной собственности. Оно точно так же догматично, как и противоположная позиция самого фанатичного коммуниста. Тогда как любой фанатизм обнаруживает интеллектуальную слабость, фанатичная приверженность *средствам*, когда цели совершенно неопределенны, — это чистое слабоумие.

Как уже упоминалось, вся суть экономической жизни (да и вообще всей жизни) в том, что она постоянно требует примирения противоположностей, которые, строго логически, непримиримы. На макроэкономическом уровне, то есть при управлении целыми обществами, всегда необходимо сочетание планирования и свободы — путем не слабого и безжизненного компромисса, а осознания законности того и другого и потребности в них. Так же и на микроэкономическом уровне (при управлении индивидуальными предприятиями): с одной стороны, принципиально важно, чтобы руководители обладали всей полнотой власти и ответственности, и с другой — столь же важно, чтобы рабочие могли свободно и демократично принимать участие в решениях руководства. Опять же, речь идет не о том, чтобы смягчить противоположность этих двух потребностей с помощью какого-нибудь поло-

винчатого компромисса, не удовлетворяющего ни тех, ни других, а о том, чтобы осознать обе потребности. Одержимость исключительно одной из противоположностей — планированием — порождает сталинизм, тогда как одержимость другой порождает хаос. Обычно на каждую из этих крайностей отвечают, до предела качнув маятник в другую сторону. Но обычный ответ — не единственно возможный. Если бы мы, в противоположность злобным и придирчивым критикам, проявили великодушие и не поскупились на интеллектуальные усилия, то помогли бы обществу, хотя бы на какое-то время, найти срединный путь, примиряющий противоположности, не ущемляя их.

То же самое относится к выбору целей в бизнесе. Одна из противоположностей (она представлена частным предпринимательством «старого стиля») — это потребность в простоте и измеримости. Ее легче всего удовлетворить, строго исключив из мировоззрения все, кроме «доходности». Другая противоположность (представленная исходной «идеалистической» концепцией обобществленного предпринимательства) — это потребность разносторонне и человечно подходить к ведению экономических дел. Приверженность исключительно первой противоположности ведет к уничтожению человеческого достоинства, последней — к хаотичной неэффективности.

Для таких проблем нет «окончательных» решений. Существует только жизненное решение, изо дня в день достигаемое на основе ясного осознания того, что *обе противоположности законны*.

Собственность, частная или общественная, — это всего лишь один из элементов структуры. Сама по себе форма собственности не определяет преследуемых целей. С этой точки зрения правильно будет сказать, что вопрос о собственности не является решающим. Но необходимо также осознавать, что частная собственность на средства производства жестко ограничивает возможный выбор целей, поскольку вынужденно ве-

дет к погоне за прибылью и *имеет свойство* поощрять узкий и эгоистичный взгляд на вещи. Общественная собственность дает *полную* свободу в выборе целей и поэтому может использоваться для любых выбранных целей. Тогда как частная собственность — инструмент, который сам по себе в значительной мере предопределяет цели, для которых может быть применен, общественная собственность — инструмент, цели применения которого не определены и должны быть выбраны осознанно.

Поэтому нет серьезного повода иметь общественную собственность, если цели, на которые предполагается бросить национализированную промышленность, столь же узки, столь же ограничены, как и те, которые преследует капиталистическое производство, то есть доходность и ничего больше. Именно в этом, а не в воображаемой эффективности, сегодня заключается настоящая угроза для национализации в Британии.

Кампания врагов национализации состоит из двух отчетливо отделенных друг от друга движений. Первое движение представляет собой попытку убедить общество в целом и людей, занятых в национализированном секторе в том, что единственное, имеющее значение в делах распоряжения средствами производства, распределения и обмена, — это доходность; что любое отступление от этого священного стандарта — *и особенно отступление национализированной промышленности* — оборачивается нестерпимым бременем для каждого и напрямую ответственно за все, что только может пойти не так в экономике в целом. Эта кампания необыкновенно успешна. Второе движение состоит в том, чтобы показать, что, поскольку поведение национализированной промышленности не представляет собой ничего особенного и, следовательно, не обещает прогресса в сторону лучшего общества, любая дальнейшая национализация была бы очевидным проявлением догматической косности, простым актом присвоения чужого, организованным отчаяв-

шимися политиками, необученными, необучаемыми и неспособными на интеллектуальное сомнение. У этого ловкого маленького плана шансы на успех значительно возрастают, если его можно поддерживать государственной политикой цен на товары национализированных отраслей, которая делает фактически невозможным получение в них прибыли.

Следует признать, что эта стратегия, подкрепленная систематической кампанией по очернению национализированных отраслей промышленности, оказала таки влияние на общественное мышление.

Причина этого не в изъянах исходной идеи, вдохновившей социалистов, и не в каких-либо фактических промахах, допущенных при ведении национализированной промышленности (обвинения такого рода совершенно беспочвенны), а в недостаточной проницательности самих социалистов. Если к ним не вернется проницательность, то они не вернут своих позиций, а национализация не выполнит своей функции.

На карту здесь поставлена не экономика, а культура — не уровень жизни, а качество жизни. Об экономике и уровне жизни не хуже позаботится и капиталистическая система, смягченная незначительным планированием и перераспределяющим налогообложением. Но культура и качество жизни в общем от такой системы сейчас могут только пострадать.

Социалисты должны настаивать на использовании национализированных отраслей не просто для «раскулачивания» капиталистов — в этом они могут преуспеть, а могут и потерпеть неудачу — но для формирования более демократичной и достойной системы промышленного управления, более человеческого использования машинного оборудования и более умных подходов к применению человеческой изобретательности и человеческих усилий. Если им это удастся, то будущее в их руках. Если не удастся — то им нечего предложить, что стоило бы пота свободных людей.

XVIII. Собственность¹

На самом деле очевидно, что никакие изменения в системе или в аппарате управления не могут устранить те причины общественного *нездоровья*, которые заключены в эгоизме, алчности или природной вспыльчивости людей. Вместе с тем можно создать среду, в которой эти качества не будут поощряться. Но нельзя гарантировать, что люди будут жить по своим принципам. Можно способствовать основанию общественного порядка на принципах, в соответствии с которыми люди при желании смогут жить в согласии, вместо того чтобы жить в разногласиях. Нельзя поставить действия людей под контроль. Но можно дать людям цель, на которой они смогут сосредоточить умственные усилия. А каковы умы людей, такой — в долгосрочном периоде и за некоторыми исключениями — будет их практическая деятельность.

Эти слова Р.Г. Тоуни были написаны много десятилетий назад. Они не потеряли ни крупицы своей актуальности, если не брать во внимание тот факт, что сегодня нас беспокоит не только общественное *нездоровье*, но настоятельнее всего — *нездоровье* экосистемы и биосферы, угрожающее самому выживанию человеческого рода. Каждая из проблем, затронутых в предыдущих главах, ведет к вопросу о «системе или аппарате управления». Хотя, как я доказывал на протяжении всей книги, никакие системы, аппараты управления, экономические доктрины или теории не бывают самодостаточны: все они воздвигаются на метафизическом фундаменте, то есть на фундаменте основополагающих взглядов человека на жизнь, ее смысл и цель. Я говорил о религии экономики, о поклонении идолу материального обладания, о потреб-

Все цитаты в этой главе взяты из книги: *Tawney R.H. The Acquisitive Society. N.Y., 1920.*

лении и так называемом уровне жизни, о роковой наклонности тех, у кого вызывает ликование факт, что «предметы роскоши наших отцов стали предметами необходимости для нас». Системы — это всегда, не больше и не меньше, воплощения самых основополагающих отношений человека. Некоторые воплощения, конечно, более совершенны, чем другие. Всеобщие свидетельства материального прогресса наводят на мысль, что *современная* система частного предпринимательства — наиболее совершенное орудие личного обогащения (или была таковым до настоящего времени). *Современная* система частного предпринимательства изобретательно ставит себе на службу такие человеческие побуждения, как алчность и зависть, делая их своими движущими силами. Но ухитряется преодолеть наиболее бросающиеся в глаза недостатки политики *laissez-faire* с помощью кейнсианского экономического управления, незначительного перераспределяющего налогообложения и «уравновешивающей силы» профсоюзов.

Может ли такая система дать вразумительные способы решения проблем, с которыми нам приходится иметь дело сейчас? Ответ самоочевиден: алчность и зависть требуют постоянного и безграничного материального роста, без надлежащего внимания к сохранению окружающего мира, а такой рост в конечной окружающей среде невозможен. Поэтому мы должны изучить глубинную природу системы частного предпринимательства и возможности формирования альтернативной системы, которая подходила бы для новой ситуации.

Сущность частного предпринимательства — это частная собственность на средства производства, распределения и обмена. Поэтому не удивительно, что критики частного предпринимательства отстаивали и, во многих случаях, с успехом стимулировали преобразование частной собственности в так называемую общественную, или коллективную собственность.

Прежде всего, давайте подумаем над смыслом слова «собственность» или «имущество».

Что касается частного имущества, то здесь первое и самое основное различие — между а) имуществом, которое помогает в созидательной работе, и б) имуществом, которое заменяет ее. Первое — нечто здоровое и естественное, частное имущество трудящегося владельца, последнее — нечто противоестественное и нездоровое, частное имущество пассивного собственника, паразитически живущего за счет труда других. Это основное различие ясно увидел Тоуни, который придерживался взгляда, что «любые доводы за частное имущество или против него остаются, следовательно, пустым разговором, пока не уточнено, о какой именно форме имущества идет речь».

Ведь принцип промышленности извращает не частная собственность, а частная собственность, порвавшая с трудом. Идея некоторых социалистов о том, что любое частное имущество вредно, — это образец схоластического педантизма, такого же абсурдного, как у тех консерваторов, которые окружают любое имущество каким-то ореолом таинственной святости.

Частное предприятие, где используется имущество первой категории, автоматически оказывается мелкомасштабным, персональным и местным. У него нет широкого круга социальных обязательств. За выполнением его обязательств перед потребителем может проследить и сам потребитель. Наемных рабочих может защитить общественное законодательство и бдительность профсоюза. Мелкомасштабные предприятия не принесут частным лицам огромных богатств, и тем не менее их полезность для общества колоссальна.

Сразу ясно, что в этом разговоре о частной собственности вопрос масштаба имеет решающее значение. Уже когда мы переходим от мелкого масштаба к среднему, связь между собственностью и трудом слабнет, частное предприятие начинает обретать обезличенные черты и становится существенным социальным

фактором в своей местности; его значение может даже выйти за пределы местного. Сама идея частного имущества становится все более обманчивой.

1. Собственник, нанимая оплачиваемых управляющих, не нуждается для выполнения своей работы в том, чтобы быть владельцем. Поэтому его права собственности перестают быть функционально необходимыми. Они становятся инструментом эксплуатации, если он присваивает себе долю прибыли сверх справедливой зарплаты и процента на вложенный капитал — не выше текущих процентов на капитал, занятый на стороне.

2. Высокие прибыли либо случайны, либо являются достижением не одного только собственника, а всей организации. Поэтому несправедливо и вредно для общества, если их целиком присваивает собственник. Ими следует поделиться со всеми членами организации. Если их бросают обратно в дело, они должны быть «свободным капиталом», собственностью всего коллектива, вместо того чтобы прибавляться к богатствам первоначального собственника.

3. Средний размер способствует безличным взаимоотношениям и ставит новые вопросы относительно осуществления контроля. На мелкомасштабном предприятии, которое, будучи управляемо трудящимся владельцем, имеет почти семейный характер, даже авторитарный контроль не представляет серьезной проблемы. Превышение предприятием определенного — очень скромного — размера несовместимо с человеческим достоинством и подлинной эффективностью. Поэтому требуется сознательная и регулярная разработка системы коммуникаций и совещаний, которая позволила бы всем членам организации (хотя бы в какой-то мере) подлинно участвовать в управлении.

4. Социальная значимость и вес фирмы в ее местности и вне ее требуют до некоторой степени «обобществить собственность», вынеся ее за пределы круга членов самой фирмы. Это «обобществление» можно выполнить, регулярно отдавая часть прибылей фирмы

на общественные или благотворительные цели и привлекая попечителей извне.

В Соединенном Королевстве и других капиталистических странах существуют частнопредпринимательские фирмы, успешно воплотившие эти идеи на практике и таким образом преодолевшие нежелательные и вредные для общества свойства, которые становятся присущи частной собственности на средства производства, когда она превышает мелкий масштаб. Одна из таких фирм — Scott. Bader & Co. Ltd. в Уолластоне, Нортгемптоншир. Подробнее об их опыте и их экспериментах будет рассказано в следующей главе.

Когда дело доходит до крупномасштабных предприятий, идея частной собственности превращается в нелепость. Подобное имущество не является и не может быть частным ни в каком действительном смысле. Опять же Р.Г. Тоуни видел это с полной ясностью.

Такое имущество можно назвать пассивным или служащим целям присвоения, эксплуатации или власти, чтобы отличать его от имущества, которое активно используется его собственником в его профессиональной деятельности или для ведения домашнего хозяйства. Конечно, с точки зрения юриста, первое — точно такое же имущество, как и второе. Но что касается экономистов, сомнительно, что они вообще должны называть такое имущество «имуществом», ведь оно не тождественно правам, гарантирующим собственнику продукты его усердного труда, а противоположно им.

Так называемая частная собственность на крупномасштабном предприятии никоим образом не является аналогом простого имущества маленького землевладельца, ремесленника или предпринимателя. По словам Тоуни, она является аналогом «феодальной барщины, которая грабительски лишала французского крестьянина части продуктов его труда, пока не была отменена в ходе революции».

С точки зрения права, авторские отчисления, земельная рента, монопольная прибыль, все виды сверхдохода —

все это «имущество». Самая неотразимая критика такого положения вещей... содержится в тех самых аргументах, с помощью которых его обычно защищают. Говорят, что значение этого института в том, чтобы поощрять промышленность, гарантируя, что работник получит продукт своего усердного труда. Но отсюда следует, что в такой же мере, в какой важно сохранить право на имущество, которым человек обладает в результате своего труда, важно отменить право на такое имущество, которое он имеет в результате труда кого-то еще.

РЕЗЮМИРУЕМ

1. На мелкомасштабном предприятии частная собственность естественна, плодотворна и справедлива.

2. На предприятии средних масштабов частная собственность уже, в значительной степени, перестает быть функционально необходимой. Идея «имущества» становится вымученной, неплодотворной и несправедливой. Если собственник только один или их небольшая группа, они могут и должны отказаться от привилегии в пользу более широкого круга фактических работников — как это имело место в случае *Scott Bader & Co. Ltd.* Быть может, когда на предприятии множество анонимных акционеров, такой акт щедрости маловероятен, но даже тогда для него можно подготовить почву законодательно.

3. В крупномасштабном предпринимательстве частная собственность — фикция, имеющая целью позволить не выполняющему никаких функций собственнику паразитически жить за счет труда других. Это не только несправедливый, но и иррациональный элемент, который извращает все взаимоотношения внутри предприятия. Еще раз процитируем Тоуни:

Даже если каждый член коллектива кладет что-то в общий котел с условием, что он что-то с этого получит, могут, все-таки, возникнуть разногласия по поводу размера доли... Но если общий итог известен и притязания каждого признаются, то это останется единственным

возможным поводом для разногласий... Но в промышленности такие притязания признаются не полностью, ведь те, кто ничего не кладет в котел, требуют части приготовленного.

Существует много методов покончить с так называемой частной собственностью в крупномасштабном предпринимательстве. Самый знаменитый из них обычно называют «национализацией».

Но слово «национализация» нельзя назвать ни самым подходящим, ни лишенным двусмысленности. Используемое надлежащим образом, оно всего-навсего означает, что права собственности принадлежат органу, который представляет потребителей в целом. Ни один язык не обладает словарем, который позволил бы точно выразить нюансы многообразных возможных типов организации общественных услуг.

В итоге необычайно бесцветное слово «национализация» почти неизбежно оказывается нагруженным в высшей степени узкоспециальными и совершенно произвольными подтекстами. Вошло в практику употреблять его как синоним особого метода управления, при котором лица, официально уполномоченные государством, занимают место промышленных директоров и получают всю власть, которую имели последние. И вот, те, кто хочет сохранить систему, при которой промышленность — не профессия по обслуживанию общества, а занятие, приносящее выгоду акционерам, критикуют национализацию исходя из того, что государственное руководство предприятиями с необходимостью неэффективно.

В Британии уже прошла «национализация» ряда крупных отраслей. Их пример подтвердил очевидную истину, что качество производства в той или иной отрасли зависит от людей, которые им занимаются, а не от собственников, которые не принимают в нем никакого участия. И все-таки национализированные отрасли, несмотря на достигнутые в них успехи, по-прежнему остаются объектом неутолимой ненависти представителей определенных привилегированных групп. Нацеленная против них непрекращающаяся пропаганда

вводит в заблуждения даже тех, кто не разделяет эту ненависть и должен бы мыслить более здраво. Глашатаи частного предпринимательства без устали требуют большей «подотчетности» национализированных отраслей. Этот факт можно считать весьма забавным, коль скоро подотчетность этих предприятий, работающих исключительно в интересах общества, уже доведена до очень высокого уровня, тогда как частная промышленность, явным образом существующая ради частной прибыли, вообще практически неподотчетна.

Собственность — это не какое-то одно право, а целый пучок прав. «Национализация» состоит не в том, чтобы попросту передать этот пучок прав из рук А в руки Б, то есть из рук частных лиц в руки «государства» (что бы под этим ни понималось). Она состоит в том, чтобы принять точное решение о том, кому передать какое из прав, которые до национализации, связанные в пучок, все без исключения признавались за так называемым частным собственником. Поэтому, как лаконично говорит Тоуни, «национализация — [это] проблема законодательства». Как только правовая система частного имущества убрана, появляется свобода обустроить все заново — провести слияния или ликвидации, централизацию или децентрализацию, сконцентрировать власть или рассеять ее, создать крупные единицы или малые, унифицированную систему или федеративную (или не создавать никакой системы). Как пишет Тоуни,

В своей разумной форме протест против общественной собственности — это, на самом деле, протест против чрезмерной централизации. Но чрезмерная централизация лечится не сохранением за частными лицами их нефункционального имущества, а введением децентрализованных прав общественной собственности.

«Национализация» ликвидирует имущественные права частных лиц, но сама по себе не создает новой «собственности» в экзистенциальном (то есть не просто в правовом) смысле этого слова. Точно так же она сама

по себе не определяет, что станет с исходными правами собственности и кто теперь будет ими пользоваться. Поэтому национализация — это в каком-то смысле чисто негативная мера, которая аннулирует предшествующие порядки и создает возможность и необходимость установления новых. Разумеется, эти новые порядки, ставшие возможными благодаря национализации, должны отвечать требованиям каждого отдельного случая. Однако существует несколько принципов, которые могут соблюдаться во всех случаях — для любых предприятий, занимающихся предоставлением общественных услуг.

Во-первых, опасно смешивать бизнес и политику. Такая смесь обычно порождает неэффективный бизнес и коррумпированную политику. Поэтому во всех случаях в ходе национализации должны быть определены и перечислены все права политической стороны (если таковые предусматриваются), например, министра, парламента или любого другого правительственного органа по отношению к деловой стороне, то есть к совету директоров. Это имеет особенно большое значение, когда дело касается прав назначения на должности.

Во-вторых, национализированные предприятия, предоставляющие общественные услуги, всегда должны быть нацелены на прибыль (по формуле «едим, чтобы жить», а не «живем, чтобы есть») и создавать резервы. Прибыли они не должны отдавать никому, даже правительству. Чрезмерных прибылей — а они означают создание чрезмерных резервов — следует избегать посредством снижения цен.

В-третьих, национализированные предприятия должны иметь предписанную законом обязанность «во всех отношениях служить общественным интересам». Истолкование того, в чем состоят эти «общественные интересы», надо оставить самим членам предприятия, которое должно быть соответствующим образом структурировано. Бесполезно воображать, будто на-

ционализированное предприятие будет заботиться об одних только прибылях, как если бы оно работало на частных акционеров, а истолкование общественных интересов можно будет целиком вверить правительству. К несчастью, эта идея захватила умы тех, кто разрабатывал теорию управления национализированными отраслями в Великобритании, и в результате от этих отраслей ожидают, что они будут работать исключительно ради прибыли и отклоняться от этого принципа только в случае указаний и соответствующих компенсаций со стороны правительства. Это разделение функций может казаться привлекательным теоретикам, но в реальном мире оно лишено каких-либо достоинств, так как разрушает сам дух руководства национализированной отраслью. Принцип «во всех отношениях служить общественным интересам» остается пустым звуком, если он не проходит красной нитью через все действия и решения руководства. Такие вещи правительство не может и не должно контролировать, не говоря уже о том, чтобы выделять за них финансовую компенсацию. Нельзя отрицать, что задачи стремления к прибыли и служения общественным интересам могут от случая к случаю конфликтовать друг с другом. Но это всего лишь означает, что управление национализированной промышленностью предъявляет к тому, кто его осуществляет, более высокие требования, чем управление частным предприятием. Идея, будто можно прийти к лучшему обществу, не предъявляя к себе более высоких требований, призрачна и самопротиворечива.

В-четвертых, чтобы представители национализированных отраслей имели возможность узнать «общественные интересы» и защитить их, необходимы порядки, благодаря которым все законные интересы могли бы найти выражение и получить влияние, а именно интересы наемных работников, местных сообществ, потребителей, а также конкурентов, особенно если последние сами представляют национализированные отрасли. Успешное внедрение этого принци-

па все еще требует многочисленных экспериментов. Идеального «образца» нет нигде. Неизменная проблема состоит в том, чтобы защитить эти интересы без того, чтобы неоправданно урезать руководству его руководящие полномочия.

Наконец, главная опасность для национализации — это пагубное пристрастие плановиков к чрезмерной централизации. В целом малые предприятия следует предпочитать большим. Лучше не проводить национализацию так, как это практиковалось до сих пор: путем создания большого предприятия с последующими попытками его децентрализовать, делегируя власть и ответственность более мелким формированиям. Как правило, лучше сначала создать полуавтономные малые единицы, а потом, если потребность в лучшей координации окажется первостепенной, централизовать определенные функции на более высоком уровне.

Никто не увидел и не понял всего сказанного лучше, чем Р.Г. Тоуни, и именно поэтому уместно будет завершить эту главу еще одной его цитатой:

Итак, организация общества, в основе которой будут лежать функции, а не права, подразумевает три вещи. Она означает, во-первых, что имущественные права будут сохранены там, где им сопутствует фактическая работа, и отменены там, где этого не происходит. Она означает, во-вторых, что производители будут непосредственно связаны с сообществом, для которого они производят (чтобы их ответственность перед ним могла быть очевидной и не вызывающей сомнений), вместо того чтобы непосредственно подчиняться акционерам, которых интересует не выполненная работа, а полученная выручка. Она означает, в-третьих, что обязанность поддерживать выполнение этой работы будет лежать на профессиональных организациях тех, кто ее выполняет. Открытые для критики и надзора со стороны потребителей, эти организации будут иметь такой веский голос в управлении отраслью, какой может понадобиться, чтобы гарантировать выполнение этого обязательства.

XIX. Новые модели собственности

Дж.К. Гэлбрейт говорил об изобилии в частном секторе и обнищании государственного сектора. Показательно, что он ссылаясь на Соединенные Штаты, которые, по общему мнению и по привычным меркам, являются самой богатой страной в мире. Как могло случиться в самой богатой стране обнищание государственного сектора, причем в масштабах гораздо более серьезных, чем во многих других странах, валовой национальный продукт которой, с поправкой на численность населения, намного меньше? Если рост американской экономики до ее нынешнего уровня не покончил с обнищанием государственного сектора — а, быть может, даже сопровождался его усилением — то разумно ли ожидать, что благодаря дальнейшему «росту» это обнищание будет сдержано или устранено? Как объяснить, что страны с самыми высокими темпами роста по большей части оказываются самыми загрязненными и страдают тяжелейшим обнищанием государственного сектора? Если валовой национальный продукт Соединенного Королевства растет, скажем, на 5% (то есть около двух миллиардов фунтов) в год, можем ли мы использовать эти деньги, это дополнительное богатство, для того чтобы «превратить в жизнь чаяния нашей нации»?

Разумеется, нет. Ведь при системе частной собственности любое новое богатство, как только оно возникает, немедленно и автоматически присваивается частным лицом. Органы власти едва ли имеют хоть какой-то собственный доход и вынуждены извлекать из карманов своих граждан денежные суммы, которые граждане считают по праву своими собственными. Не удивительно, что это ведет к бесконечной битве умов

между сборщиками налогов и гражданами, битве, в которой богатые, заручившись помощью высокооплачиваемых налоговых экспертов, преуспевают куда больше, чем бедные.

В ходе попыток заткнуть «лазейки», налоговое законодательство становится все сложнее, а спрос на налоговых консультантов (и следовательно, их доход) — все выше. Поскольку налогоплательщики чувствуют, что у них отнимают то, что они заработали, они не просто стараются использовать всякую возможность законно минимизировать налоговые затраты (не говоря уже о практиках незаконного уклонения от налогов), но еще и поднимают непрекращающийся вопль с требованием сокращения государственных расходов. Предвыборный лозунг «Больше налогов на бóльшие государственные расходы!» не собрал бы много голосов, каким бы бросающимся в глаза не было несоответствие между изобилием в частном секторе и обнищанием государственного сектора.

Эту дилемму не разрешить, если только признание необходимости социальных расходов¹ не найдет свое выражение в структуре собственности на средства производства.

Вопрос касается не только обнищания государственного сектора, например, психиатрических лечебниц, тюрем и бесчисленного множества прочих учрежде-

Английский термин «public expenditure» принято переводить как «государственные расходы». Обычно он действительно используется в таком значении — как, например, в предыдущем абзаце, где Шумахер говорит от лица политиков и налогоплательщиков. Однако потенциально этот термин может использоваться шире, что связано с множеством значений английского слова «public». Как станет видно ниже, именно в таком значении его использует Шумахер: он имеет в виду любые расходы, которые осуществляются специально уполномоченным органом (необязательно государственным) и идут на общественные нужды. В связи с этим там, где Шумахер говорит от собственного лица, я позволил себе использовать такое не совсем привычное выражение, как «социальные расходы». — *Примеч. пер.*

ний и служб, содержащихся на государственные средства. Это лишь негативная сторона проблемы. С позитивной ее стороной мы сталкиваемся там, где большие количества государственных денежных средств затрачены или тратятся на то, что принято называть «инфраструктурой», в результате чего частные предприятия получают значительные выгоды бесплатно. Это хорошо известно каждому, кто когда-либо занимался основанием предприятия или ведением его дел в бедном обществе, где «инфраструктура» недостаточно развита или совсем отсутствует. Такой предприниматель не может надеяться на дешевый транспорт и другие общественные услуги; он может столкнуться с необходимостью за свой счет обеспечивать то, что в обществе с высоко развитой инфраструктурой он имел бы даром или за небольшую плату; он не может рассчитывать на то, чтобы найти квалифицированных людей: ему приходится обучать их самому; и т.д. В любом обществе, богатом или бедном, все образовательные, медицинские и исследовательские учреждения даруют частному предпринимательству бесчисленные выгоды — выгоды, за которые частное предпринимательство платит не *напрямую*, как в большинстве случаев, а косвенно — посредством налогов. Налогам же, как упоминалось выше, противятся, на них негодуют, против них устраивают кампании и, зачастую, их успешно избегают. То, что органы власти вынуждены получать плату за выгоды, которые частное предпринимательство имеет с «инфраструктуры», не *напрямую*, в качестве доли от прибылей предприятий, а лишь после того, как прибыль была присвоена частными лицами — это в высшей степени нелогичная, ведущая к бесконечным усложнениям и мистификациям практика. Частное предпринимательство уверено, что его прибыли зарабатываются собственными силами, и что органы власти отбирают значительную часть этих прибылей с налогами. Строго говоря, это мнение не соответствует истине. Истина в том, что

органы власти, коль скоро они платят за инфраструктуру, берут на себя немалую часть издержек частного предпринимательства, и таким образом прибыли частного предпринимательства намного превосходят его достижения.

Истинная ситуация не будет иметь никаких практических следствий, если только признание значения социальных расходов для прибыльности частного предпринимательства не отразится на структуре собственности на средства производства.

Поэтому теперь я приведу два примера того, как можно (или можно было бы) изменить структуру частной собственности таким образом, чтобы она удовлетворяла двум сделанным выше критическим замечаниям. Первый пример относится к фирме средних размеров, которая в настоящее время функционирует на основе реформированных отношений собственности. Второй пример — это умозрительный план того, как можно было бы реформировать структуру собственности в крупных фирмах.

СОДРУЖЕСТВО SCOTT BADER

Эрнест Бадер открыл предприятие Scott Bader & Co. Ltd. в 1920 году в возрасте 30 лет. Спустя 31 год, после многих испытаний и бед в период войны, у него был процветающий бизнес средних масштабов, в котором были задействованы 161 человек, ежегодный товарооборот которого равнялся примерно 625 000 фунтам, а чистая прибыль превышала 72 000 фунтов. Начав фактически с нуля, он и его семья достигли процветания. Его фирма прочно зарекомендовала себя ведущим производителем полиэфирных смол, а также и других сложных продуктов, таких как алкидные лаки, полимеры и пластификаторы. Молодым человеком он испытал глубокое недовольство перспективами, которые обещала жизнь наемного работника: его возмущали сами идеи «рынка труда» и «системы оплаты

труда», а главное, он считал, что капитал использует людей, а не люди — капитал. Впоследствии, оказавшись в положении нанимателя, он никогда не забывал, что его успех и процветание — это не только его собственная заслуга, но и заслуга всех его компаньонов и, бесспорно, того общества, в котором ему выпало счастье заниматься своим делом. Прочитую его собственные слова:

Я понял, что, как и много лет назад, когда я сделал решительный шаг и перестал быть наемным работником, на моем пути встала капиталистическая философия, разделяющая людей на управляемых, с одной стороны, и управляющих — с другой. Но настоящим препятствием было корпоративное право, обеспечивавшее диктаторскую власть акционеров и иерархию контролируемого ими руководства.

В своей фирме он решил произвести «революционные перемены... основанные на философии, стремящейся приспособить промышленность для человеческих нужд».

Проблема была двоякая: 1) создать в нашей фирме максимальную атмосферу свободы, счастья и человеческого достоинства, не утрачивая при этом доходности, и 2) сделать это способами и средствами, которые были бы приемлемыми для частного сектора промышленности в целом.

Г-н Бадер сразу же понял, что никакие решительные перемены невозможны без двух вещей: во-первых, преобразования отношений собственности — просто делить прибыль, как он делал это с самого начала, было недостаточно, и, во-вторых, добровольного принятия правил, требующих известного самоограничения. Чтобы добиться первого, он учредил Содружество Scott Bader, которому он передал (в два этапа: 90% в 1951-м и оставшиеся 10% в 1963 году) права собственности на свою фирму Scott Bader & Co. Ltd. Чтобы осуществить второе, он договорился со своими

новыми партнерами, то есть с членами Содружества, его бывшими наемными работниками, принять свод законов, который будет не только устанавливать распределение «пучка полномочий», подразумеваемого частной собственностью, но также накладывать следующие ограничения на свободу действий фирмы.

Во-первых, фирма останется предприятием ограниченного размера — такого, чтобы каждый сотрудник мог охватить ее своим умом и воображением. Ее персонал не перерастет отметку 350 человек или около того. Если обстоятельства потребуют дальнейшего роста, ответом будет учреждение новых, полностью независимых единиц по образцу Scott Bader & Co. Ltd.

Во-вторых, независимо от возраста, пола, опыта сотрудников организации и выполняемых ими функций, зарплата самого высокооплачиваемого из них (без учета налогов) не будет превышать зарплату самого низкооплачиваемого более чем в 7 раз.

В-третьих, поскольку члены Содружества — партнеры, а не наемные работники, ни один из них не может быть уволен другими ни на каких основаниях, кроме факта его злостных нарушений. Конечно, каждый может уйти добровольно в любой момент, сделав соответствующее извещение.

В-четвертых, совет директоров указанной фирмы, Scott Bader & Co. Ltd., будет полностью подотчетен Содружеству. По правилам, изложенным в своде законов, Содружество имеет право и обязанность утверждать или отклонять назначение директоров, а также договариваться об уровне их зарплаты.

В-пятых, Содружество будет присваивать не более 40% чистой прибыли Scott Bader & Co Ltd., а как минимум 60% будет удерживаться для налоговых выплат и для обеспечения самофинансирования фирмы. Что касается присвоенной прибыли, половину ее Содружество будет направлять на выплату бонусов тем, кто работает в действующей компании, а другую половину — за пределы организации, на благотворительные цели.

И наконец, ни один из товаров Scott Bader & Co. Ltd. не будет продаваться потребителям, о которых известно, что они используют их в военных целях.

Когда, г-н Эрнест Бадер и его коллеги сделали эти революционные изменения, многие, не задумываясь, предсказывали, что фирма, действующая на основе коллективизированной собственности и искусственных самоограничений, ни за что не выживет. На самом же деле успехи фирмы следовали один за другим, хотя, конечно, она ни в коем случае не избежала трудностей, даже кризисов и периодов регресса. При той высокой конкуренции, которая царит в сфере, где действует фирма, за период с 1951 по 1975 год она увеличила свои продажи с 625 000 до 5 миллионов фунтов. Чистые прибыли выросли с 72 000 до приблизительно 300 000 фунтов в год, общий штат вырос с 161 до 379 человек. За 20-летний период персоналу были выплачены бонусы на сумму более 150 000 фунтов, и такая же сумма была пожертвована на внешние благотворительные цели — было учреждено несколько новых маленьких фирм.

При желании можно сказать, что коммерческий успех Scott Bader & Co. Ltd. стал, вероятно, следствием «исключительных обстоятельств». Более того, существуют частнопредпринимательские фирмы привычного образца, которые достигли таких же или даже больших успехов. Но не в этом суть. Если бы после 1951 года Scott Bader & Co. Ltd. ждал коммерческий провал, то это могло бы послужить лишь грозным предостережением. Ее бесспорные, с точки зрения привычных критериев, успехи еще не доказывают, что по этим критериям «система» Бадера непременно более совершенна, они лишь показывают, что она вполне способна им соответствовать. Истинное же ее достоинство состоит в том, что она позволяет достичь целей, лежащих за пределами коммерческих критериев, а именно *человеческих* целей, которые в обыкновенной коммерческой практике, как правило, считаются

второстепенными или вообще игнорируются. Другими словами, «система» Бадера преодолевает *редукционизм* системы частной собственности и ставит промышленную организацию на службу человеку, вместо того чтобы позволять ей использовать человека как простое средство обогащения собственников капитала. Прочитую Эрнста Бадера:

Совместное собственничество, или Содружество — это естественный результат эволюции участия в прибылях, совместного управления, совместного обладания правами собственности и прочих практик, при которых индивиды имеют групповые интересы в общем предприятии. Такие индивиды становятся на путь к тому, чтобы владеть вещами сообща, и, как мы увидим, совместное собственничество дает уникальные преимущества.

Хотя у меня нет намерения вдаваться в подробности эволюции, которую новые идеи и методы в области управления и кооперации претерпели за более чем 20-летний период, миновавший с 1951 года, будет полезно обобщить этот опыт, сформулировав на его основе несколько общих принципов.

Во-первых, переход прав собственности от лица или семьи (в данном случае семьи Бадера) к коллективу, Содружеству, столь фундаментально меняет экзистенциальный характер «собственности», что лучше мыслить такой переход, как *отмирание* частной собственности, чем как учреждение коллективной. Взаимосвязь определенной совокупности материальных активов с одним или очень немногими лицами полностью отличается от взаимосвязи тех же самых активов с Содружеством, включающим большое количество лиц. Не удивительно, что радикальное изменение количества собственников влечет за собой глубинное качественное изменение значения собственности. Особенно сильно это изменение там, где, как в случае Scott Bader, права собственности передаются коллективу, Содружеству, а никаких индивидуальных прав собственности для отдельных

членов Содружества не вводится. В случае со Scott Bader юридически корректно говорить, что действующая компания, Scott Bader & Co. Ltd., — собственность Содружества, но высказывание, что члены Содружества как индивиды имеют в нем какую-либо собственность, ложно как юридически, так и экзистенциально. Истина в том, что права собственности были заменены специфическими правами и обязанностями при управлении активами.

Во-вторых, хотя никто и не приобрел никакого имущества, тем не менее своего имущества г-н Бадер и его семья себя лишили. Они добровольно отказались от возможности стать непомерно богатыми. В конце концов не нужно верить во всеобщее равенство (что бы под этим ни понималось), чтобы понять, что в наши дни наличие непомерно богатых людей — огромная беда для любого общества. Без сомнения, некоторое неравенство в доходах и благосостоянии «естественно» и функционально оправданно — немного найдется таких, кому это не покажется очевидным. Но здесь, как и во всех делах человеческих, многое зависит от масштабов. Неумеренное богатство, как и власть, имеет свойство принимать извращенные формы. Богатые, даже если они не «праздные богачи», даже если они трудятся усерднее, чем кто-либо, трудятся иначе, используют другие стандарты и отдаляются от простых людей. Они развращают себя алчностью и развращают остальное общество, вызывая зависть. Осознание всего этого привело г-на Бадера к тому, чтобы отказаться от возможности непомерного богатства и поэтому сделать возможным создание настоящего *сообщества*.

В-третьих, хотя эксперимент со Scott Bader и показал, что принципиально важно преобразовать отношения собственности — без этого все остальные меры остаются притворством — он также дал понять, что преобразование отношений собственности, — это, так сказать, всего лишь расчистка плацдарма, необходимое, но не достаточное условие для достижения

высоких целей. Тем самым было признано, что задачи деловой организации в обществе не сводятся попросту к извлечению и максимизации прибыли, росту и достижению могущества. Содружество признало четыре в равной степени важные задачи.

А. Экономическая задача: обеспечить себе заказы, выполнение которых можно спланировать и осуществить таким образом, чтобы получить прибыль.

Б. Техническая задача: чтобы не лишиться прибыльных заказов, нужно поставлять заказчикам товары, отвечающие новейшим стандартам.

В. Социальная задача: дать членам компании возможность, работая совместно, развиваться и получать удовольствие.

Г. Политическая задача: воодушевить других мужчин и женщин на перемены в обществе, став для них примером экономического здоровья и социальной ответственности.

В-четвертых, самая амбициозная и одновременно самая трудная из этих задач — это социальная. За 20 с лишним лет своего существования Содружество прошло несколько этапов формирования свода законов, и мы убеждены, что с новым сводом законов 1971 года оно, наконец, создало набор «органов», которые позволят ему совершить подвиг из разряда решения квадратуры круга, а именно совместить настоящую демократию с эффективным управлением. Воздержусь от того, чтобы рисовать диаграммы организации, показывающие, как различные «органы» предположительно будут связаны друг с другом, ведь живую реальность нельзя ни запечатлеть на бумаге, ни изменить, копируя бумажные модели. Прочитирую самого г-на Бадера:

Я с куда большей охотой провел бы для любого заинтересовавшегося тур по нашему сорокапятиакровому древнему загородному особняку, усеянному химическими установками и лабораториями, чем стал бы мучительно писать статью, которая неизбежно вызвала бы не меньше вопросов, чем дала ответов.

Эволюция организации Scott Bader была и остается процессом обучения. Принципиальное значение происходящего с организацией начиная с 1951 года состоит в том, что каждый, кто с ней связан, получил возможность выучить и применить на практике множество вещей, выходящих далеко за пределы таких задач, как добыча средств к существованию, получение заработной платы, обеспечение прибыльности бизнеса и экономически рациональное поведение, «от которого мы все выиграем». В организации Scott Bader у каждого есть возможность подняться на более высокий человеческий уровень — не путем частного и индивидуалистического преследования целей по самопреодолению (*этим можно заниматься в любой обстановке, даже самой жалкой*), но, так сказать, радостно и добровольно подстраиваясь под цели самой организации. Этому нужно учиться, а процесс обучения требует времени. Большинство, хотя и не абсолютное, людей, присоединившихся к Scott Bader, использовали эту возможность.

Наконец, можно сказать, что порядки, при которых половина присваиваемых прибылей должна направляться вовне, на благотворительные цели, не только содействовали многим добрым делам, которыми в капиталистическом обществе зачастую пренебрегают (работе с молодежью, со стариками, с неполноценными и забытыми людьми), но и послужили тому, что у членов Содружества появились сознательность и понимание проблем общества, какие редко можно встретить в деловых организациях привычного типа. В связи с этим стоит также упомянуть, что были приняты меры предосторожности, насколько это возможно, гарантирующие, что Содружество не станет организацией, где индивидуальный эгоизм превратился в групповой эгоизм. Был учрежден Совет попечителей (что-то вроде короля при конституционной монархии), решающую роль в котором играют лица, не состоящие в организации Scott Bader. Попечите-

ли — это попечители свода законов, не имеющие власти вмешиваться в управление. Но они уполномочены и призваны быть третьей стороной в том случае, если между демократическими и функциональными органами организации возникнет серьезный конфликт по фундаментальным вопросам.

Как упомянуто в начале этого раздела, г-н Эрнст Бадер решил произвести в своей фирме «революционные перемены», но *«сделать это способами и средствами, которые были бы приемлемыми для частного сектора промышленности в целом»*. Его революция вышла бескровной: никто не оказался в беде, даже сам г-н Бадер и его семья; повсюду бастуют, но сотрудники Scott Bader могут с гордостью сказать, что только не у них. И хотя в организации нет человека, который не знал бы о пропасти между целями Содружества и его текущими достижениями, ни один честный сторонний наблюдатель не смог бы не согласиться со следующим утверждением Эрнста Бадера:

Опыт, приобретенный нами за те долгие годы, что мы старательно приносили в наш бизнес христианский образ жизни, чрезвычайно нас воодушевил; он оказал благотворное влияние как на наши отношения друг с другом, так и на количество и качество нашей продукции.

Теперь мы хотим продолжить и довести до конца все то, чего достигли к данному моменту, сделав твердый вклад в создание лучшего общества, которое будет служить Богу и нашим согражданам.

И тем не менее, хотя тихая революция г-на Бадера должна быть *«приемлемой для частного сектора промышленности в целом»*, в действительности она не была принята. Тысячи людей, даже в деловом мире наблюдают за текущим развитием событий и требуют *«нового освобождения от обетов»*. Но Scott Bader и немногие другие продолжают свое дело, как маленькие островки здравого смысла в огромном обществе, управляемом алчностью и завистью. Похоже, верно, что какие бы свидетельства ни говорили в пользу нового

способа ведения дел, «старым псам не выучить новых трюков». Но верно и то, что постоянно подрастают «новые псы»; и им вполне можно посоветовать обратить внимание на вещи, возможность которых показала *Scott Bader Commonwealth Ltd.*

НОВЫЕ МЕТОДЫ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ

Похоже, перед обществом, в котором основное внимание приковано к экономическим делам, стоит три основных выбора: между частной собственностью на средства производства и различными типами общественной, или коллективизированной собственности; между рыночной экономикой и различными способами «планирования»; наконец, между «свободой» и «тоталитаризмом». Нет нужды говорить, что в реальности противоположности, представленные в каждой из этих трех пар, всегда будут до некоторой степени смешаны — поскольку они в какой-то мере скорее дополнения друг к другу, чем противоположности. Но смесь будет обнаруживать преобладание одной или другой противоположности.

Далее можно заметить, что тем, кто испытывает сильное пристрастие к частной собственности, почти всегда свойственно утверждать, что собственность, не являющаяся частной, неизбежно и с необходимостью влечет за собой «планирование» и «тоталитаризм», тогда как «свобода» немислима иначе, как на основе частной собственности и рыночной экономики. Равным образом, приверженцам различных форм коллективизированной собственности свойственно утверждать, пусть и не столь догматично, что она необходимо требует центрального планирования. Достичь свободы, заявляют они, можно только посредством обобществленной собственности и планирования, тогда как мнимая свобода частной собственности и рыночной экономики — это не более чем «свобода обедать в Ритце и спать под мостами Темзы». Иными словами,

каждый претендует на то, чтобы достичь свободы по своей собственной «системе», а любую другую «систему» обвиняет в том, что она неизбежно влечет за собой тиранию, тоталитаризм или анархию, ведущую к ним обоим.

Те, кто строит свои рассуждения таким образом, обычно скорее накаляют обстановку, чем проясняют ее — так бывает со всеми, кто выводит «реальность» из понятийного аппарата, вместо того чтобы выводить понятийный аппарат из реальности. Три пары альтернатив дают 2^3 , или 8, возможных комбинаций. Всегда разумно ожидать, что в реальной жизни осуществлены все возможности — в то или иное время или даже одновременно в разных местах. Восемь возможных случаев выбора из трех упомянутых мной пар альтернатив таковы (я упорядочил их, поставив во главу угла дилемму свободы и тоталитаризма, поскольку именно она является основной с точки зрения метафизики, принятой в этой книге):

Случай 1: свобода, рыночная экономика, частная собственность.

Случай 2: свобода, планирование, частная собственность.

Случай 3: свобода, рыночная экономика, коллективизированная собственность.

Случай 4: свобода, планирование, коллективизированная собственность.

Случай 5: тоталитаризм, рыночная экономика, частная собственность.

Случай 6: тоталитаризм, планирование, частная собственность.

Случай 7: тоталитаризм, рыночная экономика, коллективизированная собственность.

Случай 8: тоталитаризм, планирование, коллективизированная собственность.

Смешно утверждать, что единственные «возможные» случаи — это 1 и 8, *самые простые* случаи с точки зрения попавших во власть понятий пропагандистов.

Реальность, слава Богу, более изобретательна, но я оставляю поиск текущих или исторических примеров каждого из восьми вышеозначенных случаев на совесть читателя и посоветую учителям политологии предложить это упражнение своим студентам.

Моя непосредственная цель здесь и сейчас состоит в том, чтобы поразмыслить о возможности разработать такую «систему» собственности для крупномасштабного предпринимательства, с помощью которой была бы достигнута по-настоящему «смешанная экономика». Ведь коль скоро мы вынуждены начинать не с нуля (как если бы все возможности были по-прежнему открыты), а с реальной ситуации, сложившейся в индустриализованной части мира, именно «смесь» скорее чем «чистая эссенция» поможет достойно встретить разнородные трудности будущего.

Я уже доказывал, что в так называемых развитых обществах частное предпринимательство извлекает очень большую выгоду из инфраструктуры (как видимой, так и невидимой), которую такие общества создали посредством социальных расходов. Но рука общества, хотя ею и оплачивается значительная часть издержек частного предпринимательства, не участвует напрямую в дележе его прибылей; все эти прибыли изначально присваиваются частными лицами, а общество, чтобы покрыть собственные расходы, вынуждено тянуть руку в их карманы. Современный бизнесмен не устает заявлять и жаловаться, что он в значительной мере «работает на государство», что государство — его партнер, поскольку налоги на прибыль поглощают существенную часть того, что, по его убеждению, возникло благодаря одному только ему или его акционерам. Это наводит на мысль, что общественная доля в частных прибылях, другими словами, налоги на прибыли компании, с тем же успехом могла бы быть превращена в общественную долю в *акционерном капитале* частного бизнеса, по крайней мере, на крупномасштабных предприятиях.

В целях нижеследующей зарисовки я принимаю за аксиому, что рука общества забирает половину распределяемых прибылей крупномасштабного предпринимательства и получает свою долю не посредством налогов на прибыль, а посредством прав собственности на 50% акционерного капитала таких предприятий.

1. Для начала нужно определить минимальный размер предприятий, подлежащих включению в нашу схему. Поскольку свой частный и личный характер бизнес теряет при превышении определенного числа наемных работников (станбвясъ, по сути, публичным предприятием), минимальный размер, вероятно, лучше всего определить с точки зрения количества нанятых лиц. В особых случаях может возникнуть необходимость определять размер с точки зрения объема задействованного капитала или товарооборота.

2. Все предприятия, достигающие этого минимального размера или превышающие его, должны быть акционерными обществами.

3. Было бы желательно преобразовать все акции этих компаний по американскому образцу — в акции без фиксированного номинала.

4. Количество выпущенных акций, включая привилегированные акции и любые другие бумаги, представляющие *акционерный капитал*, должно быть удвоено за счет выпуска равнозначного количества новых «общественных» акций, чтобы на каждую старую, находящуюся в частных руках, приходилась новая акция, находящаяся в «руке общества».

При такой схеме не возникло бы вопроса о «компенсации», потому что, строго говоря, не было бы произведено никакой экспроприации — только превращение права «руки общества» взимать налоги с прибыли в прямое участие в обладании экономическими активами, использование которых и приносит облагаемые налогом прибыли. Это превращение было бы открытым признанием того несомненного факта, что главную роль в создании «частного» экономиче-

ского благосостояния так или иначе играет «рука общества», то есть некапиталистические общественные силы, и что активы, созданные благодаря вкладу государства, должны быть признаны общественным, а не частным имуществом.

Немедленно возникли бы вопросы, которые можно разделить на три группы. Во-первых, что именно понимается под «рукой общества»? Куда поместить вновь выпущенные акции и кому в этом контексте быть представителем «руки общества»? Во-вторых, какие права собственности должно давать обладание этими новыми акциями? И в-третьих, вопросы, связанные с тем, как перейти от существующей системы к этой новой, что делать с международными синдикатами и прочими объединениями, как привлекать новый капитал и т.д.

Что касается первого набора вопросов, я бы предложил, чтобы вновь созданные акции, представляющие 50% акционерного капитала, удерживались местным органом того района, где действует соответствующее предприятие. Смысл этого состоял бы в том, чтобы одновременно сделать участие общества как можно менее централизованным и добиться максимальной интеграции деловых предприятий в социальный организм, внутри которого они действуют и от которого имеют неисчислимы выгоды. Таким образом, половина акционерного капитала деловой организации, действующей в районе X, должна удерживаться местным органом, являющимся, в общем смысле, представителем населения этого района. Но совсем не обязательно, чтобы самыми подходящими людьми, которым можно доверить права, связанные с новыми акциями, были государственные служащие или местные выборные (политические) лица. Прежде чем глубже вдаваться в вопрос о кадрах, мы должны несколько тщательнее определить эти права.

Поэтому я перехожу ко второму набору вопросов. В принципе, права, связанные с собственностью, всег-

да можно разделить на две группы: руководительские права и финансовые права.

Я убежден, что при нормальных обстоятельствах вмешательство «руки общества» в свободные действия существующего делового руководства или ограничение сферы его ответственности не только не принесет пользы, но и причинит много вреда. Таким образом, пока не случится особых обстоятельств, вся полнота ответственности должна оставаться на «частных» руководителях, а руководительские права, которые дает общественная половина акций, должны оставаться латентными. Иными словами, при нормальном ходе вещей акции, удерживаемые обществом, не давали бы права голоса, а только право на наблюдение и на информацию. «Рука общества» помещала бы в совет директоров предприятия одного или нескольких наблюдателей, но при нормальном ходе вещей наблюдатель не имел бы права принимать решения. Лишь почувствовав, что общественные интересы требуют вмешательства в деятельность существующего руководства, наблюдатель мог бы обратиться в специальный суд, чтобы его латентные права голоса были активированы. Перед судом потребовалось бы предъявить доводы *prima facie*, после чего он на ограниченный период активировал бы принадлежащие обществу права голоса. Таким образом, руководительские права на собственность, связанные с новыми, находящимися в общественном владении акциями, при нормальных условиях оставались бы на заднем плане, в качестве возможности, и могли бы стать реальностью только в результате определенных специфических, официальных и публичных действий «руки государства». И даже когда в исключительных случаях эти действия совершались бы, и права голоса, даваемые общественными акциями, были бы активированы, эта ситуация сохранялась бы лишь короткое время, чтобы не возникало сомнений по поводу того, какое разделение функций считать нормальным, а какое — ненормальным.

Часто считается, что, для того чтобы при ведении частного бизнеса были соблюдены «общественные интересы», можно внедрить в управление предприятиями государственных служащих высшего или среднего уровня. Эта идея, которая часто бывает основным пунктом проектов по национализации, кажется мне одновременно наивной и непрактичной. Самое эффективное средство побудить деловые предприятия уделять «общественным интересам» больше внимания, чем они уделяют ныне, не разделение обязанностей руководства, а обеспечение прозрачности и подотчетности обществу. Сферы публичного управления, с одной стороны, и делового предпринимательства — с другой, диаметрально противоположны друг другу (зачастую даже в том, что касается получаемых в них вознаграждений и социальных гарантий), и попытки смешать их принесут один только вред.

Тогда как удерживаемые «рукой общества» руководительские права на собственность при нормальном ходе вещей остаются латентными, финансовые права должны быть задействованы с самого начала и на все время, — это и понятно, ведь они занимают место налогов на прибыль, которые в противном случае взимались бы с предприятия. Половина всех распределяемых прибылей автоматически забиралась бы «рукой общества», удерживающей новые акции. Однако акции, принадлежащие обществу, должны быть в принципе неотчуждаемы (точно так же, как право на взимание налогов с прибыли не может быть продано, как если бы оно само было капиталом). Их нельзя было бы обналичить, а вопрос о том, можно ли их было бы использовать как залог при займах, оставим на будущее.

Теперь, когда мы кратко обрисовали права и обязанности, связанные с новыми акциями, мы можем вернуться к проблеме кадров. Общая цель схемы состоит в том, чтобы, насколько это возможно, интегрировать крупномасштабные деловые предприятия в окружающую их социальную среду, и этой цели должно быть

подчинено, в том числе, наше решение проблемы кадров. Определенно, реализация финансовых и руководительских прав и обязанностей, обусловленных обладанием промышленной собственностью, должна оставаться в стороне от партийных политических дебатов. В то же время она не должна выпадать на долю государственных служащих, назначенных для совсем иных целей. Поэтому предлагаю вручить эти права и обязанности специальному гражданскому органу, который в данной зарисовке я назову «общественным советом». Этот орган должен быть сформирован по ясно определенному образцу без политических предвыборных кампаний и без помощи правительственных структур — примерно так: четверть членов совета выставляется местными профсоюзами, еще четверть — местными профессиональными ассоциациями и еще четверть набирается из местных жителей примерно тем же способом, какой используется для отбора людей в суд присяжных. Члены совета назначались бы, скажем, на пять лет, и каждый год пятая их часть уходила бы в отставку.

Общественный совет имел бы определенные законом, но в остальном неограниченные, права и свободу действий. Разумеется, он был бы ответствен перед обществом и обязан публиковать отчеты о своей деятельности. В целях гарантий демократии могло быть желательным дать существующему органу местной власти определенные «резервные полномочия» по отношению к общественному совету, подобные тем, которые последний имеет по отношению к отдельным предприятиям. Иными словами, орган местной власти был бы уполномочен отправлять наблюдателей в общественный совет своего района, а в случае недовольства или наличия серьезного конфликта — обращаться в соответствующий суд за временным разрешением на вмешательство. И опять же, должно быть совершенно ясно, что такие вмешательства — скорее исключение, чем правило, и что при всяких нормаль-

ных обстоятельствах общественный совет обладает полной свободой действий.

Общественные советы имели бы полный контроль над выручками, получаемыми ими в качестве дивидендов от общественных акций. Общие направляющие принципы расходования этих запасов могут быть приняты законодательно, но они непременно должны подчеркивать высокую степень независимости и ответственности на местах. Немедленное возражение, что едва ли можно надеяться, что общественные советы потратят свои запасы наилучшим возможным образом, наталкивается на очевидный контраргумент, связанный с тем, что этого нельзя гарантировать и в том случае, если бы данные запасы контролировались органом местной власти или, как это обычно обстоит сегодня, центральным правительством. Наоборот, можно уверенно предполагать, что местные общественные советы, будучи подлинными представителями местного сообщества, в большей степени заботились бы о том, чтобы отдать ресурсы на жизненно важные общественные нужды, чем можно ожидать от местных или работающих в центральном правительстве государственных служащих.

Пришло время обратиться к нашему третьему набору вопросов. Переход от текущей системы к той, которая здесь предложена, не представлял бы серьезных трудностей. Как уже упоминалось, вопрос о компенсации не возникает, потому что половина акционерного капитала «выручена» за счет отмены налогов на прибыль компаний, и для всех компаний, превышающих определенный размер, действует один и тот же порядок. Можно установить такой размер, что изначально под действие новых порядков попадет лишь небольшое число очень крупных фирм, в результате чего «переход» станет одновременно постепенным и экспериментальным. Если крупные предприятия, действующие по нашей схеме, будут платить в качестве дивидендов «руке общества» несколько больше, чем

они платили бы в качестве налогов на прибыль, оставаясь вне схемы, это послужит социально полезным стимулом избегать чрезмерных размеров.

Стоит отметить, что превращение налогов на прибыль в «долю в акционерном капитале» существенно меняет психологический климат, в котором принимаются деловые решения. Если налоги на прибыль составляют, скажем, примерно 50%, у бизнесмена всегда будет искушение утверждать, что «государственная казна оплатит половину» всех предельных расходов, которых можно было избежать. (Избежание таких расходов увеличило бы прибыли, но половина их так или иначе ушла бы с налогами.) Совершенно иной психологический климат складывается, когда налоги на прибыль отменены, а их место занимает общественная доля в акционерном капитале. Ведь знание, что половина акционерного капитала компании находится в общественном владении, не может скрыть того факта, что все расходы, которых можно было избежать, сокращают прибыль ровно на величину этих расходов.

Естественно, что возникнут многочисленные вопросы, связанные с компаниями, действующими сразу во многих районах, в том числе с международными компаниями. Но никаких серьезных трудностей не случится, если твердо придерживаться двух принципов: налог с прибыли превращается в «долю в акционерном капитале», а вмешательство «руки общества» осуществляется на местном уровне, то есть в той местности, где работники компании фактически трудятся, живут, путешествуют и пользуются всевозможными общественными услугами. Разумеется, в сложных случаях, когда компании имеют соединенные структуры, будет много интересной работы для бухгалтеров и юристов, но никаких реальных трудностей быть не должно.

Как действующей по этой схеме компании привлечь новый капитал? Ответ, опять же, очень прост: на каждую акцию, выпускаемую для частных акцио-

неров (неважно, платно или бесплатно), выпускается бесплатная акция, предназначенная «руке общества». На первый взгляд это может показаться несправедливым — если частные инвесторы вынуждены платить за акцию, то почему «рука общества» должна забирать ее бесплатно? Ответ, разумеется, состоит в том, что компания в целом не платит налогов с прибыли; тем самым прибыль, возникающая за счет новых запасов капитала, также избегает обложения налогом, а «рука общества» забирает свои бесплатные акции, так сказать, вместо налогов с прибыли, которые в противном случае пришлось бы платить.

Наконец, могут возникнуть узкоспециальные проблемы, связанные с реорганизациями компаний, их поглощениями, ликвидациями и т.д. Все их можно решить, не нарушая вышеуказанных принципов. Конечно, в случае ликвидации путем банкротства или иным способом, с акциями, находящимися в «руке общества», будет проделано все то же самое, что и с теми, которые находятся в частных руках.

То, что предложено мной, можно считать не более чем упражнением в искусстве «принятия законодательства». Такая схема была бы полностью выполнима, она позволила бы реструктурировать отношения собственности в крупномасштабной промышленности без революции, экспроприации, централизации или замены неповоротливой бюрократии гибкими частными лицами. Ее можно вводить эволюционно, в экспериментальном порядке: начав с самых больших предприятий и постепенно переходя на более низкие уровни, пока не станет понятно, что общественные интересы получили достаточный вес в цитаделях деловых предприятий. Все признаки свидетельствуют в пользу того, что текущая структура крупномасштабного промышленного предпринимательства, несмотря на сильное налогообложение и бесконечное приумножение законов, не способствует общественному благоденствию.

ЭПИЛОГ

Современный человек, опьяненный могуществом, которое открыли перед ним наука и техника, создал систему производства, которая насилует природу, и общество, которое калечит человека. Он думает, что нужно только все больше и больше богатства — и все встанет на свои места. Деньги считает он всемогущими: с их помощью, если и нельзя купить нематериальные ценности, такие как справедливость, гармония, красота или даже здоровье, то можно обойти потребность в них или компенсировать их утрату. Развитие производства и овладение богатством стали высшими целями современного мира, по отношению к которым все остальные цели, сколько бы внимания им не уделялось на словах, стали второстепенными. Высшая цель не нуждается в оправдании; все второстепенные цели должны в конечном счете быть оправданы своим служением высшей цели.

Такова философия материализма, и ныне эта философия — или метафизика — оспаривается самим ходом событий. За всю историю ни в одном обществе и ни в одной части света не было такого времени, когда не нашлось бы учителей и мудрецов, оспаривавших материализм и выступавших за другую очередность приоритетов. Языки изменились, символы преобразились, но посыл так и остался прежним: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и все это [то материальное, в чем вы тоже нуждаетесь] *приложится вам*» (Мф. 6:33). Нам говорят, что оно приложится здесь, на Земле, где мы в нем нуждаемся, а не только в загробной жизни, выходящей за пределы нашего воображения. Однако сегодня этот посыл не просто доносится до нас из уст мудрецов, он диктуется фактическим ходом событий вещественного мира. События говорят с нами на языке терроризма, геноцида, нерв-

ных расстройств, загрязнения и изнеможения. Похоже, мы живем в уникальный период, когда все сходится в одной точке. Становится очевидным, что эти удивительные слова про Царство Божие — не только обещание, но и угроза: «если вы прежде не будете искать Царства Божия, то лишитесь и всего остального, в чем нуждаетесь». Один автор, подразумевая, правда, не экономику или политику, а непосредственно состояние современного мира, написал недавно:

Если можно сказать, что люди коллективно прячутся от истины, то можно и добавить, что истина все больше и больше надвигается на людей. Можно даже почти обоснованно сказать, что если в прошлом, чтобы прикоснуться к Ней, нужно было потратить целую жизнь, то сейчас все, что требуется — это не прятаться. И все-таки, как же это нелегко!¹

Мы прячемся от истины, если верим, что разрушительные силы современного мира можно «поставить под контроль», попросту мобилизовав больше ресурсов (благосостояния, образования и исследовательской деятельности) для борьбы с загрязнением, охраны дикой природы, открытия новых источников энергии и достижения более эффективных соглашений по мирному сосуществованию. Благосостояние, образование, исследовательская деятельность — нечего и говорить, что во всем этом нуждается любая цивилизация. Но что больше всего нужно сегодня, так это пересмотр целей, которым все эти средства призваны служить. А это прежде всего подразумевает формирование такого образа жизни, при котором материальным вещам будет отведено их надлежащее, законное место, то есть второстепенное, а не перво-степенное.

«Логика производства» не является ни логикой жизни, ни логикой общества. Она — маленькая и играю-

Lings M. Ancient Beliefs and Modern Superstitions. L.: Perennial Books, 1964.

щая подчиненную роль часть их обеих. Разрушительные силы, спущенные ею с цепи, нельзя взять под контроль, предварительно не взяв под контроль саму «логику производства», — способом, который позволил бы вновь посадить эти разрушительные силы на цепь. Мало пользы от попыток пресечь терроризм, пока производство смертоносных устройств продолжает считаться законным применением созидательных способностей человека. Так же и борьба с загрязнением не станет успешной, пока будут сохраняться модели потребления, которые, как становится все очевиднее, из-за своей масштабности, сложности и насильственности не вписываются в законы вселенной, которым человек подчинен в точно такой же степени, как и все остальные творения. Нет так же никаких шансов сдерживать темпы истощения ресурсов или привести гармонию в отношения между теми, кто обладает властью и благосостоянием, и теми, кто их лишен, пока нет понимания того, что все хорошо в меру.

Обнадеживает, что некое уразумение этих глубинных предметов мало-помалу, пусть и с чрезвычайной осторожностью, начинает находить выражение даже в некоторых официальных и полуофициальных высказываниях. В отчете, написанном комиссией по запросу государственного секретаря по вопросам охраны окружающей среды, говорится о том, что нужно выиграть время, за которое технически развитые общества смогут «пересмотреть свои ценности и поменять политические цели», а это вопрос «морального выбора; никакие вычисления сами по себе не могут дать ответов... Радикальное сомнение в привычных ценностях, выражаемое молодыми людьми по всему миру, — симптом той широко распространенной тревоги, с которой все чаще связывают нашу индустриальную цивилизацию»². Нужно взять под контроль загрязнение, привести потребление ресурсов и численность че-

ловеческого населения к постоянному и устойчивому равновесию. «Если не сделать этого, то рано или поздно — а некоторые убеждены, что времени осталось мало, — гибель цивилизации перестанет быть темой научной фантастики. Она станет личным опытом наших детей и внуков»³.

Но как сделать это? В чем состоит этот «моральный выбор»? Как говорится все в том же отчете, вопрос сводится к следующему: «как много мы готовы заплатить за чистоту окружающего мира?» Человечество, несомненно, обладает определенной свободой выбора: оно не связано трендами, «логикой производства» или какой-то еще отрывочной логикой. Но оно связано истиной. Совершенная свобода — исключительно в служении истине, а сегодня даже те, кто упрощает нас «освободить воображение из плена существующей системы»⁴, не в состоянии указать путь к уяснению истины.

Совершенно не похоже, чтобы современный человек столкнулся с требованием открыть истину, неизвестную прежде. В христианской традиции, как и во всех подлинных традициях человечества, эта истина излагалась на языке религии — языке, который для большинства современных людей стал почти непостижимым. Язык можно переработать, и существуют современные авторы, которые сделали это, не повредив истине. Вероятно, во всей христианской традиции нет корпуса учений, который был бы более подходящим и уместным в современной трудной ситуации, чем поразительно тонкая и реалистичная доктрина четырех кардинальных добродетелей — *prudentia, justitia, fortitudo, temperantia*⁵.

Используемое нами сегодня слово «благоразумие» не передает значение *prudentia*, которое многозначи-

Pollution: Nuisance or Nemesis?

Ibid.

⁵ Благоразумие, справедливость, мужество, умеренность (лат.). — Примеч. пер.

тельно называют «матерью» всех остальных добродетелей: *prudencia dicitur genitrix virtutum*⁶. Оно означает противоположность мелочному, низкому подходу к жизни, когда отказываются видеть и ценить что-либо, не обещающее непосредственной утилитарной выгоды.

Первенство благоразумия означает, что уяснение добра подразумевает знание реальности. Лишь тот способен творить добро, кто имеет представление о происходящем и знает ситуацию. Первенство благоразумия означает, что иметь так называемые «благие намерения» и «хотеть как лучше» никоим образом не достаточно. Уяснение добра подразумевает, что наши действия соответствуют действительной ситуации, то есть конкретным реалиям, которые образуют «окружающую среду» для конкретного человеческого действия, и поэтому мы воспринимаем эти реалии всерьез, объективно и с незамутненным взором⁷.

Но нельзя добиться этой объективности незамутненного взора и нельзя сделаться благоразумнее иначе, чем с помощью такого отношения к реальности, которое состояло бы в ее «молчаливом созерцании», во время которого эгоцентрические интересы человека замолкли хотя бы на время.

Только на основе такого великодушного благоразумия можно достичь справедливости, мужества и *temperantia*, которая означает знание меры. «Благоразумие подразумевает превращение знания истины в решения относительно реальности»⁸. Поэтому разве может сегодня что-то быть важнее, чем усвоение и воспитание благоразумия, которое почти неизбежно должно привести к настоящему пониманию осталь-

⁶ Благоразумие называется матерью добродетели (лат.). — Примеч. пер.

⁷ Pieper J. Prudence / transl. by R. Winston, C. Winston. L.: Faber and Faber Ltd., 1960.

⁸ Pieper J. Fortitude and Temperance / transl. by D.F. Coogan. L.: Faber and Faber Ltd., 1955.

ных трех кардинальных добродетелей, необходимых для выживания цивилизации?⁹

Справедливость соотносится с истиной, мужество — с добром, а *temperantia* — с красотой, тогда как благоразумие, в известном смысле, включает все три. Кто-то метко назвал «чокнутым» тот вид реализма, который предлагает нам исходить из того, что добро, истина и красота — слишком туманные и субъективные понятия, чтобы делать их высшими целями общественной и индивидуальной жизни, или что они автоматически станут побочным результатом успешного накопления власти и благосостояния. Люди повсеместно спрашивают: «Что я могу сделать?» Ответ столь же простой, сколь и озадачивающий: мы можем, каждый из нас, пытаться навести порядок в своих умах. Руководство, нужное для выполнения этой работы, нельзя найти в науке или технике, ценность которых полностью зависит от целей, которым они служат, но, однако же, его можно найти в традиционной мудрости человечества.

⁹ *Pieper J. Justice / transl. by L.E. Lynch. L.: Faber and Faber Ltd., 1957.* Лучшего гида по бесподобному христианскому учению о Четырех кардинальных добродетелях, чем Джозеф Пипер, не найти. Кто-то правильно сказал о нем, что он знает, как сделать содержание своих слов не только понятным обычному читателю, но и имеющим самое непосредственное отношение к проблемам и нуждам читателя.

Научное издание
Серия «Социальная теория»

ЭРНСТ ШУМАХЕР

**МАЛОЕ ПРЕКРАСНО.
ЭКОНОМИКА, В КОТОРОЙ
ЛЮДИ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ**

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
НАТАЛИЯ ДМУХОВСКАЯ

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка
ИГОРЬ ДМУХОВСКИЙ

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 20.12.2011. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 15,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1269. Заказ № 7448.

Отпечатано в ООО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.оаомрк.ru, www.оаомпк.рф.
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-7598-0822-0

Эрнст Шумахер

Малое прекрасно

*Экономика,
в которой люди
имеют значение*

В Ы С Ш А Я
Ш К О Л А